альманах

Литературный перекресток 42

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ
МОСКВА, 2026

УДК 821.161.1=8
ББК 84(2=411.2)6
Л 64

Литературный перекресток. № 42, 2026: альманах,
Московский союз литераторов. — М.: 2026. — 199 с.

ISBN 978-5-907919-87-7

Дизайн обложки:
Александр Астрин

Для писем: 125009, Москва,
Б. Дмитровка, 5/6, строение 8,
Московский союз литераторов.
Тел.: 8(495)692-06-03
Электронная почта: litcross@aport.ru

Орфография, пунктуация и стиль авторов сохранены.

Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и авторам не возвращаются.

УДК 821.161.1=8
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-907919-87-7

© Коллектив авторов, текст, 2026
© Александр Астрин, обложка, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

МИХАИЛ СТАРОДУБ

Где учат счастье приносить? 9
Солнце — знойная блондинка 10
Утреннее 12
Реплика 14
Этюд 15

ТАТЬЯНА СКОРИКОВА

Формула пространства 16
Соловки 17
Аукнется откликнется... 18
Озерцо 18
Сонет августа 19
У изголовья — тишина 19
Их долгий путь.. 20
О дне без войны 21
Берёзовые родники 22

ЮРИЙ КРАСНОЩЕКОВ

Поэма. Лионель и Антонелла 23

НАТАЛЬЯ ФИЛАТОВА

Остановить бы время 28
Книга бытия 28
Звёздный перекрёсток 29
По спирали 30
Данилов монастырь 30
Мечты 31

ЛЮДМИЛА ОРАГВЕЛИДЗЕ (*Перевод с грузинского)*

Автандил Курашвили 32
Ирма Пицхелаури 33
Нугзар Эргемлидзе 34
Багатер Арабули 37

ГЕОРГИЙ ЧКОНИЯ (*Перевод с грузинского)*

Анзор Абулашвили 40
Анна Каландадзе 43

ВЛАДИМИР ВЕДЕРНИКОВ

Академическая история 44
Грустная история 48
Фраза 49
Фантазия 49
Осень 50

ПАВЕЛ КУЗОВЛЕВ

Журчит ручеёк быстротечный 51

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ

Болезни и стихи 58
Молодые горлопаны 60

ИЛОНА ЯНКОВСКАЯ

Исповедь Софии 61
Тайны любви 64
Лавочка антиквариата 74

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

ЮРИЙ БОЙКО

Я отведу беду 78

Семейный альбом 79
Дождь и я 80

ДМИТРИЙ ФУРМАНОВ

Три жизни 82
К Наташе 84
Мать 84
Пробуждение великана 86
Мы 87
Старушка 87
Здесь, в суровой и чужой стране... 89

ПРОЗА

ВИТАЛИЙ ЕРЁМИН

Вестерн 90
Хвост да чешуя 92
Островок 95

НИКОЛАЙ ДАНИЛИН

Аксиома Ландау 99

ИГОРЬ КЕЦЕЛЬМАН

Крестик 106

ВЛАДИМИР ЛАВРОВ

Теплые огни Йокогамы 108

ЕЛЕНА ЩЕПЕТОВА

Шум обрушившегося ливня. Таруса 124
Ведьма 127

ЕКАТЕРИНА ЛАЗАРЕНКО

Только для взрослых 129

АНАСТАСИЯ САМОКИНА

Нить 133

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

Моя подруга Ася 135

ЕВГЕНИЯ БЕЛОВА

Аптекарь 140

АЛЕКСАНДР СИНЮКОВ

Швейцария 146

РАМИЛЯ МАЗНАЯ

Иван да Марья 156

ПУБЛИЦИСТИКА

АНДРЕЙ ВАГАНОВ

Версии квадратного черного 160

ВИТАЛИЙ ОМСКИЙ

Дар пересмешника. Эссе к 85-летию Сергея Довлатова 167

ВЯЧЕСЛАВ ЗИБОРОВ

Сибирский характер 172

КОНСТАНТИН ФИЛОБОК

Штампы военной цензуры с названием городов на территории УССР в 1942 г. 178

АЛЕКСАНДР КОЛЕСНИК

Рукотворные чудеса 185

ЮМОР

ЕВГЕНИЙ ОБУХОВ

Паскуа 189

ЮРИЙ ТУБОЛЬЦЕВ

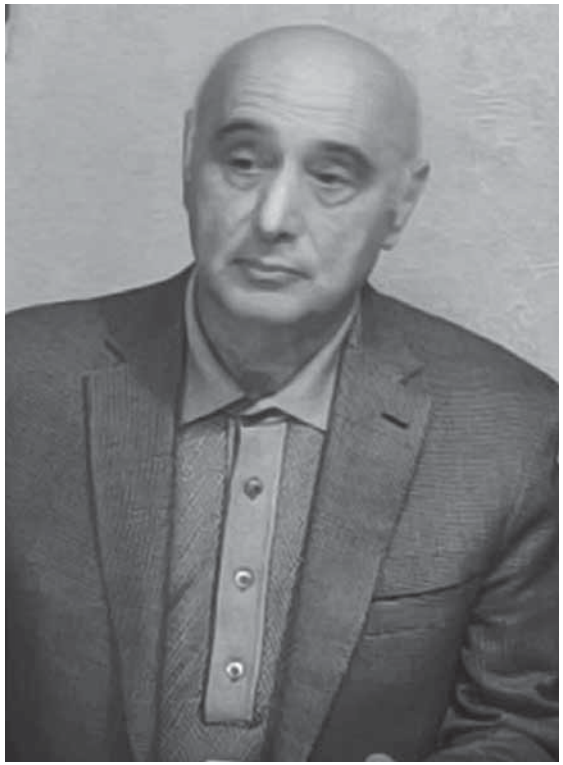
Гроссмейстер и балерина 192

СЕРИК КУСАИНОВ

Творческий прогресс 194
Друзья и лайки 195
Не робот 195

ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ

ГАРУН АГАЦАРСКИЙ 197



Главный редактор
Джангули Гвилава

Редакционная коллегия:
Ева Меркачева *(1-й заместитель главного редактора),*
Татьяна Федоткина *(заместитель главного редактора),*
Жанна Голубицкая, Геннадий Попов,
Алексей Миронов, Лев Новожёнов, Михаил Стародуб

Михаил СТАРОДУБ

ГДЕ УЧАТ СЧАСТЬЕ ПРИНОСИТЬ?

Хохочет вслух — простая
травинка, прорастая
(земля бывает плотной,
в ней прорастать щекотно!).
Летучее летает
само собой и в стаях.
Плавучее ныряет,
глубины покоряя.
Ползучее ползет,
грызущее грызёт.
Зрак солнца пышет жаром —
без спроса, щедро, даром
(а молчаливое молчит
в ошеломлении почти).

Стада двуногих меж собой —
привычно спорят вразнобой,
смешав события, дела,
идеи, смыслы, правила.
Господь (совсем не строгий!)
не хочет аналогий.

***

СОЛНЦЕ – ЗНОЙНАЯ БЛОНДИНКА

Солнце — знойная блондинка
с термоядерной начинкой.
Солнце — жизни зажигалка
во вселенской коммуналке.

Солнца жёлтая звезда —
семя млечного куста.
Солнце есть по большей части,
чтобы жмуриться от счастья.

Чтоб худой бродячий кот
грел под солнцем свой живот.
Чтоб в интимные моменты —
множить звёздные фрагменты.

***

Фантазии стремленье множат,
желанья — вероятность будят!
Мечта (как авторский сюжет,
которого пока что нет,
но рано или поздно будет) —
хрустальной сочиниться может.
Итог — на диво эстетичный,
преображеньем неизбежный:

реальность сохранится прежней,
но перестанет быть обычной.

***

Ошибка — мой потенциал.
И уникальный материал,
для тех, кто ищет идеал.
Ошибка — слабакам наживка —
как оправданье за провал
и тест простейший на засыпку.
Мир милостив бывает, кстати,
к упрямству идеалов ради.

***

То, что между двух ушей
(и торчит на длинной шее) —
зреет, впечатленья множит.
С яркой азбукой в руке
на ребячьем языке
задавать вопросы сможет,
миру предъявив права.
Меж добром и злом зависнет,
изучая компромиссность.
По примеру большинства
предпочтёт комфорт. Чтоб впредь —
бодро в зеркало глядеть.

***

Во вселенной хлад и стынь.
А на улице — жарынь.
У меня сегодня сплин —
ниоткуда без причин.
Грех унынья как всегда

не уходит без труда:
мы со сплином цедим джин
(скорбному настрою мзда),
ждем оказии, когда
брызнет в кровь адреналин.
Сплин назойливый рефрен.
Прочь, недуг британский! Стинь!
Джин закончен. А взамен —
в мире ощутимый крен.

***

Мне снилась разговорчивая лошадь!
Готов обман я длить и множить.
Мы рассуждали о Шекспире,
о красоте, войне и мире.
Будильник перманентно
бесстыдно ждал момента,
чтоб эту лошадь уничтожить.

***

УТРЕННЕЕ

Без удовольствия вернулся
из сонной ласковой ночи!
Впал в серебристые лучи,
от солнца чуть не захлебнулся.

Привычно глянул из окна
на скучный городской пейзаж.
— Год жизни запросто отдашь
за час добавочного сна!

***

Внутри большого человека
чел маленький нудит: — Кумекай
лихой головушкой! Мир — игротека
(забавно с нами!),
а жизнь потеха.
Но со слезами
и чьей-то кровушкой.
Не хвастай храбростью,
умрёшь от старости
в почётной стадности.
Как многие из нас хотели:
в своей постели.

***

Гуляет жадный страстный вздох,
и приключений ищет.
Надеясь захватить врасплох
в кромешной темнотище —
кого-нибудь кто с детства лох,
кого-нибудь кто волей плох.
Увы, к утру исчез... котище!
Наш рыжий шерстяной дружище.
Ведь страстный вздох — матёрый хищник.

***

Не очень это лепо —
засушливое лето.
Однако не резон
и пасмурный сезон.
Во всём нужны умеренность,
стабильность и уверенность.
Помимо аномальности

со свойствами бескрайности.
Счастливой неизбежности.
Щемящей принадлежности.
Помимо нашей нежности!
Интимная эстетика
не помнит арифметики.

***

Любовь в глубинах естества,
сравнима с северным сияньем.
Любовь — благое достоянье!
Экспромты в жанре волшебства
внезапные для большинства —
насмешливы и быстротечны.
И уникальные, конечно.

***

РЕПЛИКА

Красотки — мухи в янтаре
(не собираются стареть!).
И похваляются греховностью.
Кичась деньгой и бездуховностью.

***

Интересно грустить вечерами
в одиночку, вдвоём, втроём.
Когда солнце уже за горами —
от души повздыхать о нём.
А мошенничать слаще в обед.
За дессертом клубничным вслед.
Если кто-то желанный не прочь,
то любить можно день и ночь

(даже — новый айфон, или сыр,
личный рейтинг, и божий мир).

***

ЭТЮД

Здесь очередь на год вперёд! —
из тех, кто сонно счастья ждёт.
Тех, кто не пожелал спросить:
— Где учат счастье приносить?

***

Серый волк суровый.
Мудрая змея.
Скучная корова.
Некорректный я.
Дева эротична.
Время педантично.
Стих — ритмичный текст.
Смысл — лукавый тест.

Татьяна СКОРИКОВА

Член Союза писателей России и Союза писателей XX1 века. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка МГТУ им. Н.Э. Баумана. Участник ЛИТО Центрального Дома учёных РАН, член литературного клуба ЦДЛ «Московитянка». Автор десяти поэтических сборников: Участник многих, литературных проектов МГО СП России. Лауреат литературных премий им. А. С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, С.А. Есенина, И.А. Бунина, А.А. Блока. Обладатель почётных званий и наградных знаков «Заслуженный писатель». «Заслуженный деятель

Науки и образования». На стихи автора написаны песни и романсы.

Формула пространства

Эта синь морского далека
Расплескалась широко и вольно.
Чуть качает на ладони волны
Господа небесная рука…

Сон ли это? Явь ли? Из тиши
Август извлекает семиструнность —
Задушевность песен, нашу юность,
Соловков туманных миражи…

Беломорья древний исполин
Соловецкий монастырь-твердыня,
Что стоит незыблемо поныне,
Как и встарь — с природою един.

Памяти протянута волна
В бесконечность дальних очертаний
Наших странствий, встреч и расставаний…
Двух морей в душе звучит струна —

Чёрного и Белого, где ширь
Воскрешает формулу пространства:
Для России вечно постоянство
Благодати ищущей души…

Соловки

(Из цикла стихов "Русский север")

Величав, седовлас, непокорен,
Упираясь в небесную ширь,
Ты стоишь, как форпост, в Беломорье,
Соловецких земель богатырь.

Край карельских берёз и морошки,
И суровых неброских красот,
Постигаю тебя понемножку,
Там, где время замедлило ход.

Где века оседают на камни,
Нить времён — это твой лабиринт,
Здесь Вселенная разума с нами
На своём языке говорит.

Заповедное слово столетий
Слышу я у скалистой гряды
И читаю послания эти —
Как иных мирозданий следы…

Аукнется откликнется...

Аукнется — откликнется, аукнется — найдёшь:
вечерним светом выткется в полях живая рожь.
Ау-ау... далёкая... родная сторона...
Зовёт тоска дорогою — куда ведёт она?

По берегу, за речкою, легла горизонталь.
Не там ли речью вечною, как песня, льется даль?
Ау... не там ли озими и пашни тёплый дух
весны и лета с осенью смыкает полукруг?

Туда-туда, дорогою, в заветные края,
судьба, как за подмогою, опять ведёт меня.
Согнётся даль подковою — ну где ещё найдёшь,
чтоб сталью васильковою в ночи светилась рожь?!

Озерцо

Эта синь озерца подмосковного,
Где хранима высокая тишь,
Где, как встарь, у истока исконного
Перед промыслом Божьим стоишь.
Нету лжи здесь, досужего, мелкого,
Праздных слов и тщеславия нет.
Здесь незримой строкою, как стрелкою,
Указуется к Вечному след.

О, великое, тихое, светлое
Озерцо — как пространство души,
Заповедное, Русью заветное,

Там, где ширь, небеса, камыши…
Это всё — никому неподвластное,
С чем пребудет душа до конца,
Неизведанное и прекрасное —
Чудо дивного озерца…

Сонет августа

Ещё не тронут август сентябрём,
И порыжелость листьев не успела
Коснуться леса трепетного тела
Прозрачным, как кристалл, погожим днём.

Слова ещё не найдены пока
Для медуницы, мяты, иван-чая.
Заботливо я травы привечаю,
Сплетая их в подобие венка.

Вот так порой рождается сонет —
Из разнотравья августа, созвучий,
И становясь хрустальным и певучим,

Он в сердце оставляет зримый след:
Не засыхает венчик у цветка,
Когда пера касается рука…

У изголовья – тишина

Вхожу молитвенно, как в храм,
в лесок весенний,
где вторит птичьим голосам
сердцебиенье.

Ещё пронизаны войной
земные дали,
где каждый был на огневой
подобно стали.

Чтобы, не дрогнув, отстоять
родные веси
и защитить за пядью пядь
простор полесья,

И эту синь, и эту высь,
и эти реки, —
всё, что вмещает слово «жизнь» —
одна навеки!

Ведь, кто погиб, тот не ушёл,
а здесь отныне
душою обнял лес и дол
в седой равнине.

Здесь каждый холмик — как висок
в крови и пыли,
стал тем, что нам даёт исток
и в небе — крылья…

У изголовья — тишина
стоит, не дремля…
Навечно вписана война
в святую землю!

Их долгий путь..

Памяти всех, погибших на поле брани

Так дышит осень...зябкой тишиной
берёз продрогших кутая предплечья.
Со старой колокольни скорбно вечер
роняет тихий звон за упокой.

Молчит погост за церковью. Огня
проснулась в печке трепетная память…

И зыбкой тенью всколыхнулось пламя
из синеватой глубины окна.

Припомним всех, кто медленно взлетел
в закатный пепел клином журавлиным,
махнув крылом, как веткою рябины,
на обожжённой солнцем высоте.

С времён войны они летят-летят
из прошлого сквозь осени и зимы...
И небеса хранят в себе незримо
их долгий путь который год подряд...

Как даль близка в студёности лесной!
А шорох листьев призрачен и вечен...
Мерцают осени в бескрайней выси свечи,
где журавли плывут над тишиной...

О дне без войны

Высокая синь подмосковного неба,
Разлитая в мире теплынь-благодать,
Мерцание пруда в ольховнике … Мне бы
Сполна этот день в горсти лета собрать!
Вписать его в строфы полдневного часа,
В которых мгновений земных череда
Под бдительным оком Медового спаса
Струится в ладони мои – как тогда …

Всё явно и явлено: тишь Подмосковья,
Лишь где-то кукушка…, и трав аромат
По-детски доверчиво льнёт к изголовью
У старой сосны, будто годы назад…
Вливаются в строки наплывы соцветий
И запахи донника и тишины …

Как много и мало! А люди на свете
Мечтают о дне — вот таком — без войны …

Берёзовые родники

К берёзе, до боли родимой,
Таящей и горечь, и грусть
В душе своей русской, равнинной,
С молитвою я обращусь.
И сразу почувствую кожей,
Сквозь дальний малиновый звон,
Биение пульса… и — Боже! —
Глухой, еле слышимый стон.
Живой… он пульсирует, бьётся
И явственен так в тишине.
Берёзы под мартовским солнцем
Хранят в себе быль о войне…

Стволы их — истоки и память,
Живущие в сердце любом.
Погибшие воины с нами
Беседуют их языком.
Так было и есть, так и будет.
В себе, как бесценнейший груз,
Берёзы — что русские люди —
Несут родниковую Русь…

Юрий КРАСНОЩЕКОВ

ПОЭМА

ЛИОНЕЛЬ И АНТОНЕЛЛА

Про футбол и не только

Верный свет в конце тоннеля.
Лионель и Антонелла!
Так созвучны вы красиво —
Как Росарио с Россией!

Как — проснувшись утром рано,
В Паране поймать дорадо!
День начнется с карася —
Значит, день тот удался!

В домике на Лавальехо
Окна все раскрыты в лето.
На площадку "Эль Кампито",
Много где мячей забито.

Где Матео и Родриго
Отрабатывали дриблинг.
В старых стоптанных кроссовках.
Это всё теперь на фотках.

Лукас, Антонеллы брат,
Открывая лимонад,
Взгляд бросал на друга Лео,
А потом на Антонеллу.

Хитро другу подмигнёт:
Мол, всё знаю наперёд.
Впереди же Мар-дель-Плата.
Лео — десять, девять — Анте.

Океан, рёв львов морских
Сблизили в то лето их.
Фото: в центре Антонелла,
И купальник — черно-белый.

Зебра! Над плечом над левым —
Улыбающийся Лео!
Лев? — Предположенье вздорно!
Вид — застенчивый, взгляд —
добрый.

Да, пусть дети, но уже
Всё в их сердце, в их душе
Совершилось — и навек.
Этим славен человек:

Уже в детстве навсегда
Зажигается звезда!
Погасить ее не могут
Беды-хвори — слава Богу!

(Сам вот только индивид
Всё испортить норовит!)
Не такие Лео с Антой!
Вал грохочущий, громадный

Жизни пёстрой, жизни взрослой
Портит души, гасит звезды.
Только их не погасил. —
Не хватило буре сил!

Слишком чувство их пылало.
С каждым годом — возрастало!
В детстве же — лишь первый
шаг.
Только подступ. Солнца шар

Переливчато сиял.
Многое им щедро дал!
Галька гладкая, ракушки
Ушки держат на макушке.

Слышат юных стук сердец.
Знают наперед: венец
Ждет их брачный.
Ждет их — счастье!

А пока судьба легка.
Детство! Взрослость спит пока.
Главное — когда проснется,
Пусть змеёй не обернётся!

Автор, как и все читатели,
Мысли наши одинаковы,
Думает: не будет этого.
И гарантией — то лето их!

Где сияло всё, лучилось.
До сих пор вот — не случилось!
И, конечно, не случится.
В дом их зло не постучится.

Конгруэнтна геометрия —
Невозможны мысли ветреные!
Мяч гоняли на песке.
Лео пишет в дневнике:

"Мы однажды обручимся".
Так всё в жизни и случится.
Вновь Росарио, вновь школа,
Вновь занятия футболом.

Стук до темноты мячей
О ворота гаражей.
В огоньках дрожащих, плавно
Парана текла в Ла-Плата.

С Антонеллой когда вместе
Выходил на берег Месси.
Тихое, как сон, теченье.
Лео доставал печенье,

Тихо теплились огни,
Из кармана. "На, возьми,
Для тебя: мои призы
За голы, как раз с игры

Я сейчас". И Нели взгляд —
Выше всех ему наград!
Альфахорес! С дульсе лече!
Та начинка всё залечит!

Боли нет и нет печали.
Порта шумные причалы.
Провожал ее домой,
Путь хотя — не по прямой.

А потом бежал карьером
На пять-два-пять, Лавальехо —
В дом к себе, где папа, мама.
Завтра просыпаться рано.

И бежать в родную школу,
А потом опять — к футболу!

Неспокойна Ла-Бахада? —
Братья старшие — за брата!

Сам не робкого десятка —
Будущая "10"!
Ла-Бахада, Ла-Бахада —
Детства главная отрада.

Ныне с ним её кварталы:
Всюду классные муралы!
Школа "Генерал Лас-Эрас"
И мурал напротив, с Месси.

С Кубком он, в футболке
сборной,
Но, как в детстве, тот же,
скромный.
"Ла-Бахада" — "спуск",
"снижение".
Но для Месси — восхождение!

Здравствуй, здравствуй,
"Барселона"!
Драйв большого стадиона.
Как бы ни была плотна
Оборона, но "Блоха"

(Месси прозвище "Эль Пунга")
Разбирает её круто!
Лео Месси, Фабрегас
По системе "гол+пас",

По обводкам первоклассным —
Лучшие у цепкой "Барсы"!
Тернии, не только звёзды.
Дефицит гормона роста.

Сам колол себе в бедро.
Воля к цели есть добро.
Помогало, но — побочка.
Мышцы ломит днём и ночью.

Несмотря на боли (долги!)
Не забил на тренировки!
Через боль, через усталость,
Чтоб победа состоялась,

Тренировки и леченье!
Вспомнит мельком то печенье,
Ели что они с любимой,
И унынье — мимо, мимо!

Так растут, одни законы,
Во всех сферах чемпионы!
Рокуццо, совсем красавица,
Учится меж тем в Росарио.

Пройден университет.
Взят в Испанию билет.
Чтобы быть поближе к Месси.
Чтобы жить с любимым вместе!

И бессилен даже Менса
Рокуццо вредить и Месси.
Делай, маг, своё ты дело, —
Лео есть и Антонелла!

На игру пригласишь Кейна,
Но не Лео с Антонеллой!
Будет зажигать голами
На Nu Stadium в Майами

Лео. На трибуне Неля
Жар игры с любимым делит.
Лео, Неля — Лионель.
Вновь язык наметил цель.

Потрясающая свадьба!
И далекая от хайпа.
Где Шакира и Пуйоль
Вколотили в скуку гол!

(По-испански мягче — "голь").
Всё — с согласья сотен воль
Приглашённых, так талантливо
Было там, галантно, тангово!

Анто в платье Rosa Clara
С Лео — идеальна пара!
Он — в костюме от Armani.
Роз в букете ароматы.

Комментарии в сетях.
Люди пристально следят
За красивой звёздной парой.
И не просто тары-бары.

И не зависть, и не злоба.
Комменты полны восторга!
Зол? — На зло есть антитеза:
Лионель и Антонелла!

С сыном Тьяго — к алтарю...
Господи, благодарю,
Что такие вот мгновенья —
Для любви, для вдохновенья —

Даришь нам, Творец Вселенной!
"Лионель и Антонелла!
Лионель и Антонелла!!" —
Аплодирует Планета!

... Парана как воды, к устью
Тянут годы. Светлой грустью
Тихо полнятся закаты.
Проводил в дорогу папу —

В ту, последнюю дорогу,
Вверил вечности и Богу.
И как прежде, как в начале,
Утешение в печали

Антонелла дорогая —
Его зорька золотая.
А теперь еще и дети.
Можно жить на белом свете!

Без бодрячества, но прямо
Скажем. А еще и мама,
Любят все в семье ее,
Дорогую маму Селию,

Слава Господу, жива.
И в их дворике трава,
Словно прошлой жизни эхо
В домике на Лавальехо,

И деревьев старых строй
С каждой новою весной
Благодатно зеленеют,
Свежестью, прохладой веют.

… И желают Лео с Антой
Долгой жизни благодатной!

Наталья ФИЛАТОВА

Остановить бы время

Не делать ничего и под черёмухой сидеть —
Пусть снег душистый мысли обвевает.
Как быстротечно бытие!
Остановить бы время, пусть не тает!
На жемчуга сливовые глядеть.
Пока душа по облакам гуляет!

Книга бытия

Перечитать, захлопнуть книгу бытия!
И вновь открыть в ней белые страницы.
Была зима. Теперь весна.
Вокруг забывшиеся лица.
Но где-то память промелькнёт,
В осколках черт блеснёт былое,
И хаос мыслей создаёт
Из кружев прошлого земное.

И ты, и я, и мы, и дети —
Мы все уйдём, как ни крути.
Звезда летит в холодном свете,
И души — искры на планете.
И мы с тобою на пути...

Звёздный перекрёсток

Проснусь, забуду сны —
Как прошлых жизней воплощенья.
Лишь звёзды и тепло весны
Пробудят памяти томленье.
Но где я, и каких миров
Ищу на звёздных перекрёстках?
Молчит душа во тьме веков —
Она растёт, она подросток...

***

На тело не смотри — оно не совершенно,
Но в нём живёт растущий дух,
Всё время ищущий блаженства.
И обостряющий и зрение и слух.

В тщедушном теле дух ютится,
И мучается и томится.
Но терпеливо ждёт Господь,
Пока сознанье окрылится.

С ним белой тенью ангел ходит
И за спиной, под локоток на свет выводит...
И души снежные летят
И образуют снегопад....

***

По спирали

Моя ли жизнь замедленно безрадостная
На сжатом круге бытия?
А где же юности мечты те сладостные?
И неужели это я?
И снова — в прах? И всё сначала,
Смешав года и города? Ступени те же у Его портала,
И вновь над входом слово — Да!
Я тороплюсь
Я тороплюсь. Моя планета
Кружит по краткому пути.
Судьба наметила маршруты,
С означенного круга не сойти. Я не смеюсь: душа закрылась
и тихо плачет в темноте,
А незнакомая бескрылость
Из зеркала кивает мне...

Данилов монастырь

Прозрачный взгляд под куполом летал,
За ним душа, ликуя, устремлялась.
Отец Небесный всё, конечно, знал.
Зачем я только в детстве притворялась?
Всю жизнь свою упрямо шла к Тебе
Через страдания, печали и потери.
Всё правильно. Спасибо той судьбе,
Что дал мне— всё по вере!
Мы дети все твои в песочнице — Вселенной:
Всё строим, разрушаем, говорим..
А надо бы молчать и слушать вдохновенно...

Мечты

В плену снегов и белой глухомани
Ночами слушать музыку ветров!
У тёплой печки грезить на диване,
Благодаря судьбу за этот кров!
И жить мечтою о грядущем,
О том душистом веянье Весны,
Пока над миром Тихий Свете
Хрустальные нам посылает сны,
Где всё крылато, исполнимо.
Летишь за жаворонком в синеву,
Где облака толпятся мимо...
Проснёшься и забудешь наяву.
А глянешь в сад — там и светло и ясно,
И снежных яблок вывесил мороз,
Но налетит метель — и нет прекрасных
Фантазий: лишь сосулькин нос!

Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ

Автандил Курашвили

перевод с грузинского

Я всё забыл...

Я все забыл... Прошедшее пустынно,
Холодный мир безумен и постыл,
И только контур шеи лебединой,
Твоих любимых рук — не позабыл.

Я все забыл, да и не знать заранее
Что накружит веретено судьбы...
И только прелесть милых очертаний,
Твоих любимых черт не позабыл.

И только ты по-прежнему желанна,
Живешь в мечте и излучаешь свет,
Так фреска молода и постоянна,
И не боится горестей и лет.

Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ

Ирма Пицхелаури

перевод с грузинского

... Вечер вычеркнет горизонт

Вечер вычеркнет горизонт,
Заштрихует дома в дымы,
И в пастельный седой размыв
Фиолетом плеснет озон.

Вечер вычертит контур гор,
Населит огоньками даль,
Брызнет моросью на асфальт,
Из ветвей сочинит узор.

Озареньем и хрустом строк
Осенит меня благодать.
По аллее проходит Бог,
Позволяя себя узнать.

Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ

Нугзар Эргемлидзе

перевод с грузинского

Чарли

Переулок. Полночь. Лето.
Под фонарным тусклым светом,
Убаюканный печалью,
Засыпает бедный Чарли;

Не нашел тепла людского,
Не обрел родного крова,
Лег под свет, чтоб быть виднее...
Впрочем, кто его беднее? —

Ни пропойца-забулдыга,
Ни злонравный прощелыга.
Чарли видит, Чарли помнит
Хлеб, теплеющий в ладони,

И забывшуюся драму,
И потерянную маму...
Но на деле, но на деле —
Он идет к заветной цели!

Не тревожит Чарли холод,
Не пугает Чарли голод,
Ни бездушный мир, ни злоба,
Ни изношенная обувь,

Потому что все равно
Чарли сделает кино!
Надо, чтобы все смеялись!
Надо, чтобы все смеялись!

Художник

Идет художник, смел и строен,
И пусть о нем никто на свете
Пока не знает — он спокоен
И чувствует, что он бессмертен.

Что знает улица о красках,
Об озаренье и покое?
Ее герои пляшут в масках,
У улицы свои герои.

А он иной — искатель сути,
Носитель светлых дум, — и сам же

Таитель горести и грусти,
Которые с годами нажил.

Он понял цену тем и этим,
Толпе, кумирам и наградам,
И вновь душа за всё в ответе,
Взыскуя зренья и расплаты.

И он, забывшись в вечной теме,
В тугом кольце часов бесплотных,
Вживляет пойманное время
В свои безвестные полотна.

Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ

Багатер Арабули

перевод с грузинского

Поле

Поле высохло и постарело,
Блекло смотрит на мир пустынный;
Ветер выстудил сердце и тело,
Пересыпаны плечи инеем.

Только в снах шелестят первоцветы,
Распускаются дымки, как лилии,
Возвращая любовь, щедрость света
И небесной росы изобилие.

Постарело. Повсюду печати
Запустенья. Забвения — вдоволь...
Вы, хоть вы, утолите печали,
Оживите своею заботой,
Травы, выросшие поодаль...

Ночная соната

Ночь откинула полог незримым движением,
Словно женщина с лика чадру. И тотчас
Выплыл месяц — неясной печалью свечения
Откровение неба вскрывая для нас.

Распускается пряжа из звёзд, но не может
Приютить. Только отблеск бросает из тьмы.
Свет чужой и тяжёлый пронзает нас дрожью
И шипами ледовыми полнимся мы.

Знаю, небо, частицей в тебе растворённой
Быть и мне. Но исполни желанье одно —
Восприми свет очей, на тебя обращённый,
до поры — как земной...

Жизнь

Переменчивы краски в палитре:
Ночь и день рождены друг из друга,
Всё вращается в замкнутом вихре
По закону незримого круга.

В светлом чувстве живёт заблужденье,
А любовь вырождается в путы,
В душу брошено семя сомненья,
Торжествуют Каиафа с Иудой.

И уже мы готовы любимых
Распинать и желать их мучений...
Мчится, мчится по далям незримым
В никуда карусель превращений.

Переменчивы краски в палитре:
Ночь и день рождены друг из друга,
Всё вращается в замкнутом вихре
По закону незримого круга.

Ты куда торопишься, река...

Ты куда торопишься, река...
Ты куда торопишься, река,
Гриву пены радостно раскинув?
Красота дана не на века —

Спустишься в унылую долину;
Пропадёшь в болотах и прудах,
Обрастёшь лягушками и тиной,
Или растворишься навсегда
В жадной пасти моря-исполина.

Потускнеет белых брызг пыльца,
Навсегда уйдут восторг и шалость,
Потому что счастье до конца
Никому ещё не удавалось

Георгий ЧКОНИЯ

Анзор Абулашвили

переводы с грузинского

Благовест

Вчера, в глухую ночь родился мальчик,
В глухую ночь, когда всё тьмой укрыто.
Такой вчера на свет явился мальчик,
Что назван не иначе, а Давидом.

Вчера такой родился мальчик ночью,
Что сердцем — не чета монгольской сотне.
И это сердце, жертвенное, волчье
В груди того, чьё имя будет — Цотнэ.

Вчера родился мальчик Руставели,
Пастух Демэтрэ — на защиту стаду.
О, Господи, спасибо за доселе
Немыслимую милость и награду.

Враг опечален — злой, упорный, смелый,
Враг света и из пепла возрожденья,
Узнав, что в ночь вчера рожден Ханцтэли
Рожден Сулхан. И это цепи звенья.

В Алгети родились уже волчата,
Сосцы горячих солнц уже сосущие.
Георгий родилсЯ вчера, Паата
И подвиги, в неведомом их ждущие.

Илья родился этой ночью вечной
И девять братьев — в том же самом месте,
И триста Арагвинцев безупречных
Родились и погибнут тоже вместе.

Все девять врат открыты этой ночью,
И пусть порой мир этого не стоит,
Назло урочью или неурочью
Рождаются поэты и герои.

И девочка явилась миру в милость,
Прошедшей ночью, под луной-тиарой.
Такая миру девочка явилась,
Что названа была она Тамарой.

Явились миру Кетэван и Нино,
В кромешной тьме, перед рассветом мглистым.
И на мгновенье ночью, ночью длинной
Разлился свет божественный и чистый...

Мечты и сказки родились той ночью —
Агатно-черной, кобальтово-синей,
Чтобы познал, увидел мир воочию
Всю красоту Нестан и Тинатины.

И небо Грузии — высокое, как... небо
становится еще, как будто выше,
Когда наш мир не тишина над склепом,
Когда над миром крик младенцев слышен...

Возрадуйтесь!
        История не пройдена
И не вода, а вера камень точит.
Заветная, обещанная родина
Родится этой ночью,
этой ночью.

Георгий ЧКОНИЯ

Анна Каландадзе

переводы с грузинского

Облака

Вы прошли по небу, небу пирамиды,
Над страною хеттов, Мидией...
Сказочный Урарту и поля Колхиды
Видели...

Но куда теперь путь держат пилигримы?
— Не ответствуют...
Только в поднебесье —
        высоко и мимо
Шествуют...

Владимир ВЕДЕРНИКОВ

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Давно, уж триста лет тому,
Царь Петр, вернувшись из Европы,
Решил, что и его холопам
Пора набраться бы уму,
И повелел, чтобы в Столице
Простолюдин и дворянин —
Талант имеющие лица,
Наукам бы могли учиться.
И с этой целью учредил
Своим он Царским повеленьем
Научное учрежденье,
Уж третье на Руси в то время,
Назвав привычно Академией.
Из-за границы пригласил
Из разных стран ученый люд,
Чтоб научить своих холопов
Ученьям разным из Европы.
Чтоб как с Европою ученой,

Нас звали Русью просвещенной.
Чтоб вырастить своих ученых,
Чтоб те ученые смогли
В науке совершать открытия,
И это стало бы событием.

России светлые умы
Так ждали этого момента.
Заслуживают комплементов
Букет ученых иностранцев —
Французов и еще германцев,
Что с нами знаниями делились,
Все в разных областях науки,
Всем тем, что знали и умели.
Вот так в недавние века
У нас науки появились.

И вот учеба началась.
Шли в Академию холопы,
Чтоб от ученых из Европы
Принять их лучшие дела.
Они учились и росли
С желаньем и самозабвенно,
И потихоньку, постепенно
В народ те знания несли.

И появились имена,
И Ломоносов был здесь первым.
Он, обретя в науку веру,
Ей посвятил себя сполна.
А мастер чемоданных дел
Пока безвестный Менделеев
Смог поразить своей идеей —
Таблицей, что теперь везде.
Он удивил ученый мир,
Решив научную дилемму —

Периодической системой
Закрыв столь длительный турнир.

С тех пор прошло уж много лет.
Всё было — трудности, метанья,
Раздумья, поиск, испытанья,
Груз пораженья и побед.
И Академия жила,
Сменялись люди и устои.
И, я скажу, народ наш — стоик,
Ведь не простою жизнь была.
Ученый, да и весь народ,
Что жил в смирительной рубашке,
Прошел и тюрьмы, и шарашки,
И множество других невзгод.
Но всем невзгодам вопреки
Он много со времен тех оных
Явил стране своих ученых,
Создал научные полки.
И Запад многом удивил,
Когда после войны и пекла
Смог, возродив себя из пепла,
Найти и для науки сил.
И первым космос покорил
Наш, облетевший мир, Гагарин —
Триумф науки! Мы в ударе!

Их было много ярких дел
Известных всем побед научных.
И Академия жила,
Жила тогда совсем не скучно:
Мы помним первый луноход,
Как вышел в космос наш Леонов,
Чего так ждали миллионы,
И первый наш атомоход.
И это вовсе не предел.

Они — Курчатов, Королев,
Капица, Сахаров, Семенов
И еще множество ученых
Огромный сделали задел.

И Академия жила,
Жила насущными делами,
И трудно описать словами,
Как выдержала и смогла.
С тех пор прошло немало лет.
Все изменилось, все другое.
Настало время, и какое...
Смирительной рубашки нет...
Все стало проще и сложней.
Пришла пора олагополучия,
И, кажется, она не лучшая
Для тех, кто отдаётся ей.

Успеху нужен непокой,
Свобода и неудержимость.
Ведь только вариант такой
Дает уму толчок и живость.
Ты, Академия жива,
И пусть тебя не тронет леность,
Пусть снизойдет самозабвенность
На твои добрые дела.

И перестать уже пора
Оглядываться нам на Запад.
Ведь против нас все тихой сапой
Давно идет его игра.

Он не забудет нам побед
И не простит нам пораженья,
И потому нам ждать сближенья,
Скорей всего, надежды нет.

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Старый, усталый Трамвай
Тащится по Москве.
Ну же, старик, давай,
Жизнь что ль на волоске?

А волосок — дуга
Поизносился весь.
Ветры, дожди, снега —
Все приложились здесь.

Прежний, бывалый лоск
Стерся, давно пропал.
Был он когда — то колосс,
Да поиссяк запал.

Движется он неспеша,
Впал в ностальгию, в грусть.
Будущего — ни шиша,
Прошлого давит груз.

Вспомнил Бульварных сады,
Охотный и Дорогомилово,
Чистые вспомнил Пруды,
Подружку давнюю, милую.

Скажет кто — нибудь, — Вздор!
Подумаешь, ностальгия!
Но стал барахлить мотор,
Перед глазами круги ...

Дернулся старый Трамвай,
Что — то пропел его зуммер ...
Ну же, старик, давай...!?
А он захрипел и ... умер.

ФРАЗА

Я никому нисколько не обязан!
Нелепую, кощунственную фразу
Услышишь от приятелей иных.
Она свидетельство морали их.

Мы матери обязаны рожденьем,
Отцу — своим безоблачным цветеньем,
Учителям — пристрастию к наукам,
Друзьям — долготерпенью к нашим мукам.

Наверное, душою беден тот,
Кто этой фразой оскверняет рот.
Коль нечего тебе в ответ отдать,
Умей, по меньшей мере, хоть молчать!

ФАНТАЗИЯ

Красный, желтый,
Рыжий и зеленый
На березах, ольхах,
Липах, кленах
Шла и поразвесила Огни,
В одиночку
Коротая дни.
И в помине нет
Однообразия.
Эка разгулялась ты,
Фантазия.

ОСЕНЬ

Мы, наверно, устали
От общенья друг с другом,
От проблем, что как ралли
С вечно замкнутым кругом,
От волны отчужденья,
Что легла, будто просинь.
От взаимных борений
В отношениях — осень.
Будто все позабыли,
Что сближало, хоть режь.
Мы с тобою пробили
В нашей крепости брешь.
Неподвластна сомненьям,

С правотой метронома
Ты меня с облегченьем
Провожаешь из дома.
Я тогда, как больной,
Что сидит на диете.
Как ребенок шальной,
Я мечтаю о лете.

Павел КУЗОВЛЕВ

Журчит ручеёк быстротечный

Мне улыбнулась ромашка,
Кивнул лепестком василёк...
Лето, как добрая сказка
Тёплый в душе огонёк.

Травы цветут луговые,
Пчелы жужжат и шмели,
Плывут облака золотые
В голубоглазой дали

В воздухе запах медовый.
В дымке белесой поля...
Вспыхнул рассвет бирюзовый
Росами из янтаря.

Журчит ручеёк быстротечный,
Свежей прохладой маня.

Полнится тихая речка
Водами из хрусталя.

Степи мои, перелески,
Родные берёзки мои,
Как украшение лета,
Ранней июньской поры...

Вспомнил далёкое детство,
Пруд полевой за селом...
Мне это тёплое лето
Кажется сказочным сном.

И быль и небыль

Уж, сколько времени прошло,
А я всё помню
В лучах лазурных небосвод
И мчались кони!

Глаза светились, как огни,
Как звёзды в небе.
И были в радости те дни
И быль и небыль...

А, кони мчались сквозь года
И пыль клубилась.
Мы были счастливы тогда,
Душа искрилась!

Никто из нас не знал тогда,
Что будет с нами...
Сменялись солнце и луна,
А кони мчались!

Они неслись во весь опор,
Но не успели...
Ушли друзья в небесный дом.
Мы поседели.

Мечты сбылись и не сбылись.
Такая доля...
Бросала жизнь то вверх, то вниз
По Божьей воле!

...Вдруг, кони спешились, храпя
У края неба.
Как быстро жизнь моя прошла,
И быль и небыль.

Уж, сколько времени прошло,
А я всё помню В лучах лазурных небосвод
И мчались кони...
До первой звезды

Я вспомнил рождественский вечер
В деревне далёкой моей...
И тёплую русскую печку,
И запах от хвойных ветвей.

...Божница светилась волшебно
В красном углу избы...
Гуляли по снегу мы белому
До первой звезды!

Сочельника ждали, как чуда!
Хотелось увидеть Христа...
В подвешенной к матице люльке
Во сне улыбалась сестра...

И звёзды горели над степью,
Роняя хрусталики искр.
Звучали молитвы, как песни,
А мир был и светел и чист!

И тихо теплилась лампада,
Падал рождественский снег.
В деревне не было Храма,
Но вера была у всех!

На щёки падали снежинки

Снежинки-звёздочки хрустальные
На землю падали, кружась.
То ли во сне, то ли в реальности
Играл оркестр волшебный вальс.

И не было прекрасней танца,
Нежнее музыки такой.
Кружились в такт зимы посланцы
Под изумлённою луной.

А я, как будто, оказался
В том заколдованном плену,
В объятьях призрачного вальса
На зимнем сказочном балу.

В тот миг я был безумно счастлив
И думал только об одном
Чтоб, долго, долго не кончался
Волшебный вальс, мой дивный сон.

...На щёки падали снежинки
Жемчужной становясь слезой,

А подо мною в синей дымке
Кружился в вальсе шар земной.

Ах, ты, осень!

Ах, ты, осень! Осень золотая
Душу растревожила донельзя!
У лететь бы с журавлиной стаей
От себя, в небесное безбрежье...

Распахну я руки, словно крылья,
Оттолкнусь от тверди что есть силы,
И глотнув небес волшебных зелья,
К журавлиному причалю клину.

...Только бы увидеть мне до края
Золотой листвы твоей круженье!
Ах, ты, осень! Осень золотая
Ты моё хмельное искушенье...

Не хочу! Но, я тебя прощаю!
Может не о том тебя просил я?
А теперь вот в журавлиной стае
Золотой листвой лечу осенней ...

Мне дороги нет назад, я знаю.
Не даёт мне зелье мыслить трезво.
Я лечу, но я теперь скучаю
Обо всём, что было с нами прежде...

Ах, ты, осень! Осень золотая...
Был ли это сон иль наважденье.
Может быть, я крылья обретаю
От твоей любви, но не от зелья.

Мне приснилось

Мне приснилось, что звонят колокола,
В небе синем — золотые купола!
И Божественный играл оркестр...
Плыл над степью несказанный благовест!

Ангел снился мне хранитель мой,
Крест сиял в его руках золотой.
Он прикрыл меня крылом, как щитом...
Думал я, что это явь, а не сон!

Я ведь грешен! Не найти мне слов!
Каюсь крестно за любовь и нелюбовь...
Непутёвой, видно, жизнь моя была.
В небе синем словно свечи — купола!

Снилось, будто на коленях я стою,
В храме Божьем о прощении молю!
А небесный всё играл оркестр...
И услышал я «Христос воскрес!»...

И медь и золото кругом

И медь и золото кругом,
И шорох падающих листьев!
И воздуха хрустальный звон
И паутинка в поднебесье...

То вдруг дожди без перемен...
И небо серое в заплатах
И тихий голос грустных тем
В холодных сумрачных закатах!

И журавлей далёкий зов
Тревожит синее пространство...
И нежная к тебе любовь
За верность и непостоянство!

И медь и золото кругом...
Хмельной от яблок спелых запах!
Ах, осень, я опять влюблён...
И в том мы оба виноваты!

Александр ВАСИЛЬЕВ

Болезни и стихи

Очередное наважденье —
Не хочет левый глаз смотреть,
И создаётся впечатленье,
Что, правда, начал я стареть.

То в дружбе с миром я, то в ссоре,
Дела плохи# и не плохи#.
Ко мне летят болезни роем,
А от меня текут стихи.

Стихи мои, как сердца ритмы,
Как боль, как жизнь на рубеже.
Мой ум подыскивает рифмы,
Стихи рождаются в душе.

* * *

Хорошим людям жить непросто —
У них обязанностей много:
Мир видеть в цвете и не плоско
И всем прокладывать дорогу.

От зла к добру, от ночи к свету
И от вражды к любви и миру,
На всё про всё искать ответы —
Судьба им это поручила.

И не всегда «спасибо» будет,
И будет не всегда участье.
Непросто жить хорошим людям,
Но только им даётся счастье.

* * *

Я не прошу у Бога ничего.
Сам не плошаю. Только часто снится,
Что журавля поймал я своего,
Из рук на волю выпустив синицу.

Он был ли, не был, разве в этом суть?
Журавль в небе — часть прекрасной сказки,
Что, как огонь благословенной Пасхи,
Назначенный мне освещает путь.

И пусть его в руках мне не держать,
И море пусть не подожжёт синица.
Они со мной, у них учусь летать,
Мне с ними жизнь несбывшаяся снится.

Молодые горлопаны

Посвящение — Лине Павловне

Спать человечеству мешают молодые.
Они дерзки, и нет для них законов.
Их джинсы в дырах, уши — в телефонах,
И менеджеры все они крутые.

Они, уж точно, не рабы былого,
И точно уж — не мы. Но вот что странно:
Мне симпатичны эти горлопаны,
Живые продолжатели живого.

Илона ЯНКОВСКАЯ

Исповедь Софии

"Встречайте невесту, мамуля!
Вот Лиз — моей жизни подарок!
Давайте, дарите, снимаем
Все золото наше из сказок.

Она ведь упрямится очень,
Не хочет принять ту подвеску.
Что странно они так похожи..."
И к маме подвел он невестку.

"Ваш сын потрясающий, право.
И любит он Вас беспредельно.
Пусть дом ваш хранит только радость
Влюбились мы с ним безраздельно."

И маме все стало понятно,
Глядя в ее томные очи.
Ей было тепло и приятно,
Что выбрал он умную очень.

"Так вот для какого сюрприза,
Готовил мой Алекс колечко.
Вы очень красивая, Лиза!
Колотится сильно сердечко."

"Как важно, чтоб были подруги
Из вас навсегда вековые.
И дом я куплю, где прислуги
Исполнят капризы любые.

Скорей покажи ты подвеску
Где ушко, что в стиле барокко
Они близнецы" и по жесту
Открылась Жар-Птица их оку.

Блестнула она словно искра,
На миг вдруг Катрин оглоушив.
И все показалось ей склизко,
Надежду о счастье разрушив.

"Да это и есть те сережки...
Здесь две от нее половинки.
У них только сняты застежки.
От боли немые слезинки.

Ответьте быстрее откуда
Вы оригинал раздобыли?"
Текла незаметно минута
Глаза неподвижно застыли.

"Я не покупала Жар-Птицу
От мамы родной, мой кулончик.
Поведала тайны частицу...
Но видно роман не закончен.

Я Алексу все рассказала,
Про дом и пожар среди ночи.
Но ведь совершенно не знала,
Чего означает кулончик."

"Зовут вашу маму Марией,
Вы чуть старше Алекса, точно.
Бездетный богач за любимой
Отдал свою жизнь так досрочно."

"Позвольте, да что же такое!?
Как смеете знать про семью, ведь
Вы только приехали в город
Уедьте! Никто не заметит!"

"Зачем же пришла в это место,
Где я народилась когда-то?
Зачем возвращается детство?
Не знаем, путей мы фрегата...

Я знаю страшнейшую тайну,
Но выдать ее так опасно.
Отдам временному комбайну
Стереть лист судьбы очень страшно.

Но ложь не пройти стороною.
Напрасно вернулися в город.
Вы сводные братик с сестрою.
Отец — это часть приговора.

Ваш дом Лиз на речке, что в гору
Там Вы родилися когда-то.
Мой Алекс родился зимою
В квартире, что в стенку прижата.

Тайны любви

Лиз с мужем светились от счастья,
И крестные их обнимали.
Мутнело в глазах, но остался,
Стоять, словно вкопанный в зале.

Не ведал за что обманула,
Играла со мною жестоко.
Как-будто судьбу проклянула,
Придумать такого не смог бы.

Супруга была в положеньи,
И храбрости быстро набравшись.
С Софией пошел по теченью,
В толпу поздравлявших вписавшись.

Меня лишь завидев, невольно
С лица она вмиг побелела.
Но я улыбнулся спокойно,
Хоть в теле от боли скрипело.

"И мы поздравляем с супругой!
Желаем вам жизни здоровой!
Вы правильной были, и умной,
Ждёт город родной и особый".

"Спасибо друзья и соседи,
Что Лиз уважаете очень.

Она так тоскует по дому,
И к папеньке ехать все хочет.

Мы здесь на крестины лишь сына,
Работа моя вся в разъездах.
Я знаю ей больно, обидно...
Но дом наш не терпит отъездов.

Родился мой первый наследник,
У Виктора много прислуги.
Мы едем домой в понедельник,
Успеть бы в свой город до вьюги."

Вдруг понял, что Лиз меня любит,
Раз имя мое у ребенка.
Но связь с бедняком дом осудит.
Порода должна быть вдогонку.

Я словно почувствовал скверну,
Орал на Софию весь вечер.
Отправился позже в таверну.
Напиться и сделать с Лиз встречу.

Там пил сколько, точно не помню.
И с грузчиком так разболтался.
Рассказывал тяжкую долю,
Он к ночи совсем растрепался.

"Живет на окраине барин,
Жена у него молодая.
Вот если б помочь им с ребенком,
То жизнь бы пошла золотая."

Тот старый искал молодого
И скрытного парня-тихоню.

Женатого, очень простого
Заплатит за дитятко долю.

"Меня попросила кухарка
Найти паренька удалого.
Нам не было б лучше подарка,
Старик чтоб подкинул немного."

В душе я поклялся навеки
Богатым вдруг стать в одночасье.
И пусть понесут к черту реки,
Найдется в деньгах мое счастье.

Всю ночь я задумывал планы,
Как мне затесаться в доверье.
Расставить хитрее капканы,
Пошел в барский дом подмастерьем.

Хозяйка тот час заприметив
Построила глазки мне сразу.
На вздохи Марии ответив
Постель нас ждала по заказу.

Она в меня страстно влюбилась,
И телом, душой привязалась.
Про бегство наивно открылась,
Как мужа рабой оказалась.

Что бьет он ее среди ночи,
И мучает слов униженьем.
Наследника видеть он хочет.
Бежать ей казалось спасеньем.

И я предложил ей убийство,
Как только ребенка зачали.

Забрать старика все богатства,
И дом утопить, с ним, в пожаре.

Мечталося Лизу мне встретить,
Приехать к ней в город богатым.
Купить дорогое поместье.
Увидеть ее уже знатным.

София рожала зимою,
И в детях три месяца разность.
Мой сын это Алекс — открою,
Что он для меня был не важен.

Проблемы с ребенком Марии:
Рожала с трудом, тяжелейше.
Упреки ей сыпал косые,
Старик ждал лишь сына сильнейше.

А тут родилася вдруг дочка,
Назвал я красавицу Лизой.
Сказал, что сбежим с ней и точка
Мария была не капризной.

За время обдумал план действий
И как убежать в ночь с дурехой.
Убить старика мне без трений,
Мария ж боялась за кроху.

Жене же сказав о пожаре,
Чтоб золото с Алексом взявши.
Бежала б она той же ночью,
Назвал другой город, навравши.

Сказал, что во всем помогу ей.
В том городе будто бы друг мой.

Как ехать за ней буду пулей.
И, мол, заживем жизнью вольной.

Я чувствовал в ней подозренье,
Но было совсем не до сына.
Ее не любил ни мгновенья,
Мерещилась Лизы картина.

Смотрелся мираж так волшебно
Где снова встречались украдкой.
Казалось не так уж и скверно
Грехи утаить все под шапкой.

Старик не проснулся в тот вечер,
Привязан был мной до пожара.
Сломал об него я подсвечник,
И жизнь меня также сломала.

А дальше бежали с Марией
В тот город, где Лиз проживала.
Там сняли большую квартиру
На деньги, чьей крови желала.

Она теперь больше молчала,
Убийство ввело сильно в ступор.
Ее только дочь занимала,
Довериться мне было глупо.

Поверить такому прохвосту,
Кто смог погубить столько жизней.
И плюс к моему идиотству
Стал страшно черствей и корыстней.

Я знал, что любимая в Церкви,
Бывала на каждой вечерней.

И ждал ее молча у двери,
Когда Лиз входила последней.

Она, и ребенок в пеленках!
Похожи на образ святыни.
Красивый, здоровый мальчонка
И муж рядом, в славной гордыне.

Глазами моргнул на записку
Присел на скамейку пустую.
Засунул ее быстро в книжку.
И будто бы книгу целую.

Как раньше, поняв очень точно,
Скользнула к скамейке с ребенком.
И будто совсем ненарочно
Молитвенник взяв, вышла боком.

В письме я молил о свиданье,
Как было давно между нами.
Ни слова про боль и страданье,
Лишь место и час, с адресами.

На завтрашний день под часами
Заброшенной старой аллеи,
Мы встретились снова сердцами,
Лишь голуби грустно смотрели.

Когда ее муж был в отъезде
Мы часто встречались украдкой.
Поведал план действий о бегстве
Идея была слишком шаткой.

Как брак по расчету ужасен,
Так наша любовь неделима.

Тот путь был тернист и опасен,
И правда играла без грима.

Решил обокрасть свою дочку,
Забрать в одночасье все сразу.
Как бросил когда-то сыночка,
Не вспомнив об этом ни разу.

Одно пожалел взять для бегства,
Цепочку с красивой Жар-Птицей.
Мария повесила с детства,
Она была дочки частицей.

Почувствовал стыд лишь однажды,
Малышка была у кровати...
Воскликнула: "Папа" мне дважды
Я видел Любовь в ее взгляде.

Как Ангел смотрела в глаза мне,
Невольно слеза подступила.
Не смог я дать счастья Принцессе
Повергла греховная сила.

Мы с Лиз убежали бездумно,
Подсыпав снотворное мужу.
Из дома исчезла бесшумно,
Уехав на поезде в стужу.

В порыве покинув семейство,
Беду наша страсть источала.
Как в театре — концовка там действа
Затем, чтоб начать все сначала.

Нас поезд катил заграницу,
Закатное солнце сияло.

Деревья слились в вереницу
И вечер укрыл в одеяло.

"Я Рая желаю земного!
Люблю вас навек, что есть мочи!
Могу уничтожить любого,
Кто мне с вами ад напророчит!

Поверьте, не стоит стесняться,
Что деньги нам жизнь поломали.
Не надо игриво смеяться
Вы все это зная — солгали."

"Ох, Виктор, не просто отныне
Тебе отвечать на вопросы.
Как воду искать по пустыне,
Зачахнуть в крутые морозы.

Семья моя тоже понятна,
Им парня не надо простого.
Я знала, поймут все привратно
Приставят ко мне часового.

Но страстной любви, то раздолье,
Убило во мне слово "гордость"
Вновь тьма позвала на застолье
И снова сломала всю твердость.

Мне хочется быть лишь с тобою.
Не вынесу больше разлуку.
Как сын мой взростет сиротою?
Он маме не даст больше руку.

Взглянувши тогда — ты навеки
Остался моим прегрешеньем.

Любви, той далекой, побеги
Блуждают в дурном сновиденьи."

Так горько и так безрассудно
Сказав, она взгляд потупила.
"С тобою одним обоюдно
Я прошлое громко разбила.

Ты веришь в меня как в Богиню,
Что прячет ответы в вопросах.
Я знаю, к тебе не остыну.
Ты будешь мне слышаться в грозах."

Она отвернулась, и быстро
Смахнула слезу, словно искру.
Потом посмотрела так чисто
Глаза заискрились лучисто.

Хоть искра горела мгновенье
Запомнилась мне эта вспышка.
Ее наполняло мученье
Молчал я, как глупый мальчишка.

Проверили двери купе мы,
Ко сну приготовились тихо.
И не было больше дилемы
Что выбрали черный мы выход.

Но вдруг среди ночи, очнувшись
Рванул, но был связан в секунду.
Почувствовал кляп всей гортанью.
Я страха того не забуду.

Как долго меня колотили
Не буду вести здесь я речи.

По почкам все били и били
Того, кто всем жизни калечил.

Узнал я супруга Марии,
Ее он швырнул что есть силы.
Сказал изведет деспотией
Да так, что застынут все жилы.

С сознанием жизнь распрощалась,
Но смерть не всегда отвечает.
Тогда она мимо промчалась.
Увидел, что свет исчезает.

Чистилище все поглотило,
Не видилось щели просвета.
Раскаяньем сердце пробило,
Вернулся тогда с того света.

Очнулся и понял — не вижу!
Лишь голос расслышал Лусии.
Сказала, что чудом я выжил
И новости очень плохие.

Скатился под гору, что к лесу
Где лишь поезда быстро ходят.
Лежал я под снежным навесом.
Шакалы вокруг только бродят.

Я так благодарен судьбине,
Что встретил прекрасные семьи.
Теперь я плету здесь корзины
И слушаю птиц песнопенье.

И все получив по заслугам,
Молю о прощении Бога.

Мне прошлое билось со стуком,
Во снах открывалась дорога.

Там память цепочкой хранилась
Историей наших страданий.
Былое всё снилось и снилось,
Обманчивой пылью свиданий.

Не знаю еще как ответить
За судьбы детей, мне, пред Богом.
Как мог ведь тогда не заметить,
Что путь выбирают с порога.

О, если б унял я гордыню,
Смирясь со своим положеньем.
Не ставил бы деньги в святыню.
Сегодня не жил бы с мученьем.

Дорога указана Богом,
На дланях людских пролегая.
Лишь разум не влемлет тревогам,
Хоть тайнам любви нету края!

Лавочка антиквариата

Его называли торговцем...
Торговцем крутого формата.
И надпись висела в оконце
"Лавочка антиквариата"

Ее называли богиней...
Рабыней красы и веселья.
Закрашеных век в ярко-синий,
Тот взгляд убегал от безделья.

Она признавала лишь книги
И музыку слышала в рифмах.
Внутри рисовала картины
Писала о рыцарях, нимфах.

Бродила она одиноко
По городу, словно пустому.
Вдыхала судьбу однобоко,
Как все могло быть по-другому.

А он как-то просто по-детски
Стремился поправить свой бизнес.
И снова скупал все подвески,
Надеясь продать лихо в кризис.

Однажды зашла она в лавку,
Увидев подвеску с жар-птицей.
"Ты птичка, неси меня в сказку
Там буду я вечно царицей".

"Подарок" — ответил спокойно
Красивый и бархатный голос.
Вмиг вся подтянувшись невольно,
От голоса чуть закололось.

"Спасибо...конечно приятно,
Мне слышать сюрпризы в свой адрес.
Пока мне совсем непонятно,
Чего я вдруг так растерялась."

Высокий, чуть взрослый мужчина
Шагнул за ее вдруг спиною.
Читал он внутри магазина
Когда был прельщен красотою.

Услыша и внемля однажды
Не могут забыть тембра голос.
И он...увидав, растерявшись
Впечатал блондинки тот образ.

"Вы просто зашли и сказали...
Что будет у Вас тогда сказка.
Поверьте, читал я романы...
Вы Ангел..." — сказал он с опаской.

Я право и сам понимаю
Что слово сюрприз неуместно,
Но все же пред вами растаю,
Умру и Жар-Птицей воскресну.

"Лечу я на горы в туманах,
В глаза ярко-жизненной силы.
Плыву я как-будто в обманах,
В потьмах светло-выжженой тины.

Запомните! Здесь всех не любят,
Скривив от грызни даже ножны.
Возможно их это погубит,
Ведь щас они так невозможны."

"Позвольте узнать Ваше имя
Сошедшая словно из Рая.
За дух агрессивный отныне
Отдам я полжизни, родная".

Закрыв вдруг глаза, убежала
Невольно разбив все надежды.
Влюбив, навсегда растоптала
Вскипела вся кровь под одеждой.

Он бросился в поиск, как нищий
Мечтает в пути встретить воду.
Близ города было жилище,
Там флюгер крутил непогоду,

И местность была неприступна
Светился Лучом только образ.
Её красота неотступно,
Вела интуицией кобры.

Юрий БОЙКО

(1963-2009)

Я отведу беду

День замирает в дымке зари
Рассыпались огни в небесах
Читаешь книжку Экзюпери
Со слезами на глазах.

Да надо ж было так повзрослеть,
Да как такое стало со мной
Но я тебя умею жалеть, по-русски
Всею душой

Сквозь слёзы смотришь ты на меня
Я улыбаюсь, так повелось
Мужчинам знаешь плакать нельзя
Как больно не пришлось.

Я твой гвардеец, твой часовой
Я не устал стоять на посту
Но чтобы не случилось с тобой
Я отведу беду.

На маленькой планете твоей
Прошло уже две тысячи лет
А ты вдали тоскуешь по ней.
И утешенья нет.

Пускай я взрослый, но всё равно
Я постараюсь, что-то понять
А звёзды постучались в окно
И надо улетать

Семейный альбом

Шестьдесят лет прошло
После трудной победы
Я листаю наш старый
Семейный альбом.

От Москвы до Берлина,
От Ростова до Вены
Все события в датах
Отмечены в нём.

Поседевшие рано
Солдаты, матросы
С детства верил на свете
Нет надёжней людей

Фотография деда
Сержанта пехоты

Я сына назвал
В честь него Алексей.

Пожелтевшее фото
Морячёк краснофлотец
Бескозырка, бушлат
Всё красиво, всё в масть

Совсем юною, мама
Давно в сорок пятом
Написала на снимке
«Ура! Дождалась!».

Сколько старых альбомов
Свято в семьях хранятся
На просторах великой,
Но только бывшей страны.

В них великая гордость
Великая правда
И великая совесть
Великой войны.

Дождь и я

Барабанит по палатке дождь,
И, я.
Не могу уснуть ни как всю ночь
Под дробь дождя. А ещё я не могу уснуть,

Потому,
Завтра мне в обратный путь
Не к кому. А вокруг такая тишина
И дождь

Думал, смогут горы и тайга
Мне помочь
Думал, что среди своих друзей
У костра
Разберусь с проблемою своей
До конца.

Но случилось всё не так со мной
Как хотел.
Стал в кругу друзей своих чужой
Не у дел.

Сам себя я где-то обсчитал,
Обманул.
Мой корабль, кажется, попал,
Потонул.

Потонул ни в горе, не в вине
Не в долгах
Потонул он в собственной вине
Быстро так
Прятаться нет смысла от себя
Мы теперь хорошие друзья
Дождь и я.

Дмитрий ФУРМАНОВ

Марина Соловьева

Дмитрий Фурманов — поэт. Немного странно звучит. Фурманова — автор легендарной книги «Чапаев», бесстрашный боец и комиссар времен Гражданской войны, тонкий ценитель чужой прозы, открывший новые таланты, работая в Госиздате и подчас критик своего творчества. Но таким он станет чуть позже. А в юности он мечтал о поэзии, хотя его первые стихи... Что и говорить, они не совсем профессиональны. Да и сам он понял это, перейдя на прозу. Хотя в 20-х годах, в трудные дни личных переживаний, в осмыслений великого перелома, он иногда пишет стихи, не собираясь их публиковать. Мне кажется, что, читая его, пусть не всегда совершенные строки, мы переносимся в то далекое время. Дмитрий Фурманов искренне верил, что наш мир измениться к лучшему. Он слишком рано ушел из жизни, а быть может именно вовремя. Он остался для нас настоящим чистым воплощением революционного романтизм. И поэтому в год его 135-летия, мы решили предложить читателю неопубликованные стихи Дмитрия Фурманова. И это будет нашим подарком к юбилею этого хорошего писателя и человека.

Три жизни

Нет, чтоб достигнуть в жизни счастья,
Нам нужно многое отдать:
Сперва умно засеять нужно,
Чтоб после было, что пожать.

Коль ты не сеешь, не трудишься,
То, что уж после горевать,
Что после жизни оскудеешь,
Что с поля нечего собрать?

Золотом счастья труд священный
Один лишь в мире может жить
Собою душу заполняя,
Он душу может усладить.

Он наш источник жизни,
Наш твердый, верный, стойкий друг,
Он заставляет ненавидеть
Пустой бессмысленный досуг.
. . . .
Кто плелся здесь, скрестивши руки,
Тот не жил, а на жизнь глядел.

1911 год

***

Как в городе Иванове,
Вблизи моста Куваева
Есть здание кирпичное,
Училище публичное.

Ну, милые галчатушки,
Родимые ребятушки,
Ведь много куда тут —
Так кинемся в редут.

***

Милую науку —
Русский наш язык —
Я учу усердно,
Ибо курс велик.

К Наташе

Я люблю твои очи ясные,
Я люблю твой взор с тайным пламенем,
Кудри светлые, шелковистые,
Зов любовный твой, полный радости.

Я возьму тебя крепко за руки,
Уведу с собой в даль туманную.
Зацелую я губы алые,
Очи спавшие от бессилия...

Обойму тебя, мою милую,
Горячо прижму к молодой груди.
И шелковые кудри светлые
Буду гладить, приговаривать:

«Ты храни меня, ты люби меня,
Раздели со мной радость светлую,
Обойми скорей, поцелуй меня,
Разожги в груди пламя чистое

Ты гори, гори, солнце ясное
Путь мой радостью освещающи:
Я люблю тебя за любовь твою,
За огонь лучей в утро майское.

Мать

Мать! Даже самое слово
Как-то сердечно звучит,
Нежному, чуткому сердцу.
Много оно говорит.

Мать — наша крепкая сила,
Верная наша стена,

В жизни за деток без счету
Вынесет горе она!

Горе ребенку, коль с детства
Матери он не знавал —
Значит, любви и утехи.
Он для себя не видал.

Если уж горе случится,
Сердце заставив страдать,
Кто с тобой, горе разделит,
Как не родимая мать?

Кто отзовется скорее,
Глубже заглянет в тебя?
Кто в помощь руку протянет,
Ласковым словом привета

Кто тебя будет встречать?
В жизни от бурь и тревоги
Теплым крылом охранять?
Кто в дни унынья и скуки

Будет с тобою дружить?
Чашу житейского горя
Вместе безропотно пить?
Трудную полосу жизни

Вместе с тобой будет жать?

Только по крови родная
Многострадальная мать!
Так и до гроба с любовью
(Коли бы даст пережить)
Будет за детищем милым
Верная матерь ходить!

И над могилой родимой
Кто будет пуще рыдать,
Коль не убитая горем
Обезумевшая мать?

Дай же, господь, чтобы детки
Помнили матерь свою,
Зная, как нежно хранила
Их она в прошлом бою!

Пусть же признательной лаской
Ей они будут платить
И беззаветно до гроба
Милую матерь любить!!!

Пробуждение великана

Тише. Огромное чудо свершается,
В темном лесу великан пробуждается,
В темном, дремучем лесу.
Он еще дремлет под шапкой мохнатою,
Он еще сердцем и мыслью крылатою
Солнца не знает красу.
Видите: в небе заря занимается,
Светлое солнце из мглы поднимается,
Хочет оно осветить.
В заросли хмурые, дебри безродные
Врезать лучи золотые, свободные.
Светом от сна пробудить.

Слышите: по лесу словно шептание,
Это его, великана, дыханье,
Шутит, играет листвой
Слышите звон и биенье неровное-
Это колотится сердце огромное,

Чует восход золотой.
Тише. Проникнитесь думой глубокою
С мудрой душою и мощью огромною
Встанет гигантский народ.
Встаньте торжественно, в полном молчании,
Новая сила идет.

Мы

Мы живем, как метеоры:
Быстроту наших движений,
Смысл великих достижений
Невозможно охватить
И словами воплотить.
Мы несемся, словно вихри,
Поднимаем мир уснувший,
Сокрушаем век минувший,
Отчеканивая Звон,
Рвущий зов со всех сторон.
Мы, как молнии, сверкаем,
Утонувши в злой неволе,
Мы зовем их к лучшей доле
И указываем путь,
Где мы можем отдохнуть.
Будьте ж ярки, метеоры,
Вихри, молнии и зовы,
Мы, как тигры, разъярены.
И пока не победим,
Мы свой меч не отдадим.

Старушка

За стеной живет старушка —
Ростом клоп, хорек глазами,

В черной, плюшевой жакетке,
На руках со сковородкой,

Она прежде чтилась в «свете»,
Нынче числится подметкой
Дама высшего полета
И дворянка столбовая,

Она, век нужды не зная,
Деньги тратила без счета.
А теперь с Советской властью,
Сжалась в узел, как мышонок,

Ходит, стонет по несчастью
Без карет и без деньжонок.
У нее есть дочка Вера,
Очень маленького роста.

Целоваться мастерица,
А в работе, как ягница.
Есть сынок зовут Аркашей.,
Все ругается с мамашей.

И не как-нибудь с «приятном»-
Трехэтажным кроет матом.
Век прожив в пустом безделье
Среди шелка, блеска злата —

На советском новоселье
Они стонут, как ребята.
К ним за дверь войти противно,
Как в хлеву, темно и грязно.

Им-хоть что — живут пассивно,
Тускло, скучно, безобразно...

Пальцем палец не ударят,
Только хихикают ехидно,

Тут и жарят, тут и варят,
Тут и мочатся бесстыдно...
Так бессильны в новом строе,
Тунеядцы — лиходеи
За разбитое былое
Зло шипящее, как змей.

1920 год

Здесь, в суровой и чужой стране...

Здесь, в чужой и суровой стране,
На далекой окраине мира,
Среди голых степей и скалистых хребтов,
Среди чутких и странных и новых людей.

Я томлюсь и тоскую один.
Меня тянет к рабочим родных городов,
К шуму фабрик и мрачным, как ночь корпусам
Меня тянет к просторам и темным дворам,
К грязным блузам,
К столам, где не стоят
Пьедесталы трибун в ярко красных шелках.
Я хотел бы побыть в сально — шумной стране.
Средь голодных, больных, истомленных людей,
Слабых грудью, чахоточных, бледных как тень.
Светлых мыслью, решительных, смелых бойцов.
С непреклонною волей и светлой душой.

г. Верный 20 июня 1920 г.

Виталий ЕРЁМИН

ВЕСТЕРН

В поисках благостной тишины Братеев сплавлялся по узкой речке, местами быстрой и порожистой, местами неподвижной, заросшей по берегам ивами и кувшинками, живописной и уютной, а главное — тихой. На моторках здесь не носились, сплавлялись на байдарках и резиновых лодках. Даже разговаривали здесь негромко.

У Братеева была традиция, и он готовился ее соблюсти. Перед ним лежала нехитрая закуска: малосольные огурчики, вареная молодая картошечка, вареная телятина; стояла фляжка с водочкой. Заканчивая приготовления, он открыл баночку с крупной икоркой кеты. Вот теперь можно было приступить. Он взглянул она часы. Было 11 часов 15 минут. В это время он родился.

Братеев причалил к бережку, и готов был начать трапезу.

В этот торжественный момент женский голос сказал из кустов:

— Смотритесь, конечно, мило. Но под вашим рестораном мой поплавок.

«Жерлица», — мелькнуло у Братеева. Осторожно загребая веслами, он сдвинулся с этого места.

— Извините за беспокойство, — сказал женский голос.

И тут же громкий детский шепот. И шепот другого ребенка.

Братеев причалил к берегу.

— Между прочим, вас сюда не звали, — сказал женский голос.

— Я тоже не ожидал, что кто-то может прервать мой ресторан, — сказал Братеев. — Но раз уж это случилось, приглашаю к своему столу.

Он вынес на берег свою нехитрую закуску и фляжку. Но никого не увидел. Он всмотрелся в кусты. Неужели ушли?

Он вернулся на берег и взялся за леску жерлицы. На другом конце бился улов.

Братеев вытащил килограммовую щучку.

Сказал в кусты:

— Вот и ваша уха.

Тишина. Он забрался в лодку и отчалил. Тогда только из кустов вышла молодая женщина и двое деток лет шести и восьми. Все трое были худые, можно сказать, истощенные, и хмурые.

— У нас нет соли, — сказала женщина.

Братеев выложил свои запасы.

— И спички отсырели, — уже не так мрачно сказала женщина.

Братеев отдал свои спички.

— А котелок, ложки есть? — спросил Братеев, догадываясь, что нет.

Подумал также: «Дождя не было, и если спички отсырели, значит, они провели здесь ночь, неужели без палатки?»

— Где ваша палатка?

— Мы без палатки.

— А хлебушек есть?

Хлеб у них был, целый батон. Внятного разговора не получалось, но кое-что стало понятно. В километре отсюда спал в квартире запойный муж-отец с опасной идеей-фикс убить их, а потом себя.

Гостиницы в поселке нет. Родных у них тоже нет. Проситься к знакомым неловко. Служба спасения посоветовала обратиться в полицию. Полицейского в поселке не оказалось.

Свою миграцию на берег речки они называли вестерном. Братеев отдал им маленькую одноместную палатку, спальник, плащ и снасти с насадкой. Оставил себе только спиннинг и лодку.

Предыдущие сплавы Братеева по речкам были удачнее. Но те речки протекали вдали от жилья. Там успех в поиске тишины был гарантирован. Он искал тишины, а тишина не только там, где мало людей. Тишина там, где люди ее соблюдают. Но люди все меньше соблюдают то, что делает их людьми. Им словно надоело, они словно устали от этого.

Он понимал, что теперь ему придется сделать выбор между маршрутами с гарантией душевного равновесия и маршрутами, подобными этому. И этот выбор сам по себе повлияет на то, что он будет потом думать о себе. Загребая веслами, он пришел к выводу, что думать о себе хорошо он уже не будет никогда. Он все сделал не так. Точнее, он по сути ничего не сделал так, как надо. Ему надо было остаться и реально помочь этой женщине и ее детям. Тем более, что поселок был рядом и там есть какая-то местная власть. Вместо этого он сделал то, что было гораздо проще. И если с этими тремя беззащитными существами что-нибудь случится, в этом будет и его вина. Но если с ними, не дай Бог, в самом деле что-то случится, он скорее всего не узнает. Если, конечно, не произойдет что-нибудь ужасное, и об этом не объявят по ящику.

Он еще долго думал о себе в этом случае, и сделал неожиданный вывод. Наверное, так устроен даже неплохой, или даже очень хороший человек: он способен поделиться любым куском, только не самым большим.

ХВОСТ ДА ЧЕШУЯ

Савелий хлопотал на кухне. Варил пшенку и горох, запаривал перловку и жмых, нарезал кубиками свежее свиное сало. Дуня здесь же гладила белье, с веселым коварством поглядывая на суету мужа.

— Мотырышей не забудь.

Так она называла мотыля и опарышей, Савелий особенно часто их забывал.

— Спасибо, Дунечка, — глянув благодарно, Савелий полез в холодильник за драгоценной насадкой.

— Я за тебя спокойна. Если со мной что-нибудь случится, с голоду ты не помрешь, — сказала Дуня.

— Что с тобой может случиться, — заискивающе подхватил Савелий. — Ты у меня еще огого. Орлица!

— Вчера опять сердечко прихватило, — поделилась Дуня.

— Так это... Что ж молчала-то? Давай я тогда не поеду, — неуверенно предложил Савелий.

— Не надо мне таких жертв, похожих на взятку, — сказала Дуня. — Когда муж собирается на рыбалку, жена думает, в чем же она виновата. Как сказал вчера по телеку юморист, рыбалка — это побег от непоправимого семейного счастья.

Савелий опешил.

— Дуняша, так ведь мы и вместе сколько раз ездили. И живем душа в душу. Какой побег? Кого ты слушаешь? Это ж балаболы. Или маленько ревнуешь, что не можешь ехать со мной? Ну, давай я последний раз съезжу, и все на этом. Буду рыбачить в рыбном магазине.

— Лучше б я не ездила с тобой, — драма в голосе Дуни крепчала.

Савелий почувствовал, что хватит пятиться.

— Ты сегодня, однако, не с той ноги встала. Это ж с чего вдруг? Вроде, была довольна под Астраханью. Из парной воды часами не вылезала. Рыбка во всех видах бесплатно. А сколько навялили. Сколько экономии.

— Ты знаешь, какую рыбу ловил Хемингуэй? — перебила Дуня. Савелий этого не знал. Но фильм «Старик и море» видел. И был, помнится, впечатлён: вот это рыбалочка! Но как же называется та большая рыба?

Запомнилось слово меч. — Рыбу — меч Хеминуэй ловил. А в кино старик боролся с рыбой — марлином. с мечевидным носом, — тоном авторитетного эксперта сказала Дуня. — Вес ее был 500 фунтов. А это, не хухры-мухры, двести с лишним кило. А ты что, Севочка, ловишь на своих мотырышей?

Савелий виновато улыбнулся:

— Дунечка, так что ловится, то и ловлю. Марлин не попадается, это тропическая рыба, в наших водах его нет.

— Это не аргумент. И у нас можно найти достойного противника. Достойного! — подчеркнула голосом Дуня. — А помнишь нашего соседа на берегу под Астраханью? Красный флаг вывешивал над па-

латкой, когда ловил рыбу больше пяти кило. Победой считал, достижением. И все другие на берегу завидовали.

— И мы завидовали, — вставил Савелий.

— До меня не всё сразу доходит, — сказала Дуня. — Но мне тогда уже было противно. А ведь из таких мелочей, мелких успехов, у некоторых вся жизнь состоит.

— Ну, ты будто вчера родилась, — осторожно возмутился Савелий. — Все так живут. Власть кабанов с вышек стреляет, а разве раньше, при царях, такое было? Раньше на медведя с рогатиной ходили, а теперь сколько собак и стволов зимой вокруг берлоги? В Африке тоже могли бы вышки понаставить и бить львов безо всякого риска, однако же... Другие у нас взгляды на такие вещи, и будут только эти взгляды, а не те, что в Африке. Так что...

— Что так что? — сказала Дуня. — Сволочное у нас отношение и к охоте, и к рыбалке. И не получится у тебя переубедить меня. Ловят, сколько не сожрать.

Солят, вялят, коптят, консервируют, замораживают. Как же, бесплатно, халява. Поймают нечаянно стерлядку и едят тайком, чтобы соседи не увидели, и соседи точно так же, по-воровски, едят. И никто не считает это позорным. Все радуются такой удаче, как дети малые.

Савелий сел на табуретку.

— Всё! Достала. Не поеду никуда.

Дуня избоченилась.

— Ну, уж нет. Поедешь, и привезёшь мне большого леща. Свежая рыбка есть свежая рыбка. А большой лещ — это большой лещ. Жирненький. Нам-ням.

— Плотва гораздо вкуснее, — сказал Савелий.

— В смысле, леща можешь не поймать? Ладно, согласна. Плотва, особенно зажаренная до корочки, вкуснее. Ее можно вместе с косточками, а в косточках фосфор, а тебе нужен фосфор, — строго закончила Дуня.

— Это в каком смысле? — насторожился Савелий.

— Фосфор хорошо горит, а у тебя огонька маловато.

Савелий состроил незаслуженную обиду.

— Короче, вези плотву, если леща поймать не можешь, — беспощадно согласилась Дуня.

— Давай поедем вместе, — предложил Савелий.

— Хороший хитрый ход, — признала со смешком Дуня, — а кто белье гладить будет?

— Приеду и поглажу, пока ты будешь с рыбой возиться.

— Ну, уж нет! — воскликнула Дуня. — У тебя это лучше получается. А я себе все руки пораню.

— Получается, я и рыбу чистить, и белье гладить? — возмутился Савелий.

— Ладно уж, езжай сам, — разрешила Дуня, — но если со мной что случится...

Она притопнула, сделала два па народного танца и пропела заводно:

— Эх, страсть моя, хвост да чешуя!

ОСТРОВОК

Веронику оставили на островке посреди Волги. В июле, ночью, после бесшабашной попойки. С ней произошел непростительный грешок: перебрав, она начала строить глазки приятелю своего бойфренда. Тот, конечно, приложился от души, как достойный представитель сильного пола.

Девушка поплелась по бережку, хлюпая разбитым носом. Отойдя подальше, решила искупаться. Ее снесло течением, она вышла на берег там, где сидел молодой рыболов. Человек не суеверный, он все же спрятался в кустах и ошалело следил за русалкой.

Ей кричали — она мстительно не отзывалась. Ей стали угрожать, что сейчас уедут, и она останется одна. Но к этому времени рыболов уже вышел из кустов и произвел на девушку обнадеживающее впечатление. Теперь Веронике было не страшно молчать, когда крики стали раздаваться совсем близко.

Устав искать, парни сделали вывод, что девушка либо крепко уснула, либо утонула. Ну, что другое думать, если не отзывается, неужели хочет остаться ночью одна? Вызывать службу спасения не стали, решили уехать. И уехали.

Веронике стало холодно в купальнике. Рыболов дал ей куртку. Ей захотелось еще выпить. У рыболова была водка, граммов сто пятьдесят. Девушка выпила в три духа и поинтересовалась, не найдется ли закусить. Умяв два бутерброда, потребовала палатку и спальник.

Терпение рыболова держалось на ее угрозе, что утром, когда за ней неизбежно приедут, она скажет, что он напал на нее и утащил в кусты. Настроение Вероники заметно изменилась, когда Мефодий развел костерок, и она разглядела его. Он был в ее вкусе: высокий, поджарый, мускулистый, носатый, с кошачьими движениями. Выражение глаз рассмотреть было трудно, но состояние души и умственный уровень выдает голос, интонации, запас слов, наконец. Вероника поймала себя на мысли, что ее ничто не раздражает, что само по себе было для нее редкостью. Она презирала мужчин и ненавидела себя за то, что пользуется ими. Вероника понимала, что испортила Мефодию рыбацкий кайф. Но чувство вины неизменно вызывало у нее потребность не убавить, а прибавить, довести мужика до белого каления. Есть такая разновидность женщин. Она понимала, что ей надо сказать что-то смешное. Лучше — смешное о себе. Не получалось, ну никак. Ее выручил звон колокольчика. Мефодий начал тянуть леску. Веронике уже приходилось видеть этот маньячный азарт. Но сейчас ей вдруг захотелось стать соучастницей. Мефодий уступил ей удочку, хотя было ясно, что вываживать большую рыбу она не умеет. Ну и ладно, если упустит, зато, может, сбавит обороты.

Вероника вытянула рыбу и устроила по этому поводу пляску, а потом устроила пляску рыба, и сорвалась с крючка, и поскакала по берегу в воду. Вероника пыталась схватить ее, но до крови укололась о плавник, это был большой судак. И великан вьюном ушел в воду.

Мефодий даже не шевельнулся.

— Мог бы и помочь, — сказала Вероника, съезжая на «ты».

Мефодий выдохнул всеми легкими.

— Как интересно ты можешь ненавидеть, — сказала Вероника. — Или это полнейшее равнодушие? Хотя какая разница. Как ты здесь оказался? Я не слышала мотора. И лодки у тебя нет.

— Сюда надо проплыть немного, а потом — до самого острова — брод.

— Проплыть немного — это сколько? — Метров двести. Здесь рыбачат местные мальчишки. Я тоже здесь развлекался пацаном.

— Значит, это как бы твой остров?

Мефодий не ответил. Он насадил на большой крючок живца, забросил донку и только тогда сказал:

— Значит, вы считаете, что вас приедут искать утром?

— Тебе-то это зачем? — грубовато спросила Вероника.

— Не хотелось бы уносить ноги, когда уже приедут. Лучше уйти заблаговременно.

— Тебе-то чего бояться? Про то, что уволок в кусты, я никому не скажу.

— Откуда мне знать, не захочется ли вам так пошутить на следствии.

— Могу доказать, что не сделаю этого. Или все равно не поверишь? Мефодий заманчивое предложение как бы не услышал. Он напряженно держал пальцами леску, сделал подсечку и несколькими уверенными движениями вытащил увесистого судака.

— Я плаваю хорошо, но могу потерять тебя из виду и поплыть не к берегу, а в другом направлении. Мне надо привязаться к тебе толстой леской, — сказала Вероника.

Мефодий не знал, как лучше ответить, чтобы не вызвать истерику.

— Ты ведь не обманешь? Не отвяжешься? — сказала она тоном детсадовской девочки. Если бы она рассмотрела в темноте его взгляд, она бы вздрогнула. Но он ответил ей терпеливо и равнодушно:

— Слушайте, вы что-то не так понимаете. Я хочу отвязаться от вас, а вы хотите еще больше привязаться. Вам нечего бояться. Слышите, даже сейчас мимо идут лодки одна за другой. Вас заметят и подберут. Небо заметно посветлело, звезд стало гораздо меньше. Мефодий сматывал удочки, укладывал рыбацкие пожитки в рюкзак с привязанной надувной подушкой. Упаковал и самого большого судака, остальную рыбу выпустил из садка. Почистил свою стоянку, убрал чужие окурки.

— Как же я докажу, что здесь был рыбак, поэтому я не отзывалась? — спросила Вероника.

— Я не мешал вам отзываться, — сказал Мефодий. — А если вы будете это утверждать, то никак не докажете.

— Слушай, ты такой же негодяй и трус, как и другие, — выпалила Вероника.

Мефодий усмехнулся:

— Лучше выслушать эту гадость, чем оказаться под следствием.

Вероника совсем завелась:

— Ну, не может вот так все кончится. Если это произошло, значит для чего-то, а не просто так.

— Я не знаю, что там у вас произошло, — сказал Мефодий и добавил снова с усмешкой. — И знать не хочу, мне это не интересно. — и еще добавил. — Ну, не будете же вы рассказывать мне о своих отношениях, зачем вам это, и зачем это мне?

Теперь Вероника озадаченно молчала, а Мефодий продолжал, его прорвало:

— Думаете, я не мог бы приехать сюда на моторе? Но я не люблю моторы. Я органически их не перевариваю. Сочувствую рыбам. Представьте себе, что над нами, людьми, то и дело проносились бы летающие моторные лодки. Вы приехали не для того, чтобы тихонько половить рыбку, понежиться на солнце, поговорить о чем-то интересном. Даже здесь, за полкилометра, слышались ваша музыка и крики. Вы жрали мой покой, мою тишину. Вы отравляли мне отдых. Ваши моторы — это террор. Когда это будет понято? Почему это никак не может быть понято? Технический прогресс нельзя остановить? Дело не в прогрессе. Дело в том, кто и как им пользуется. Только богатые, из них две трети моральные уроды. Прогресс в руках уродов..

— Наконец-то, поняла. Ты — журналист. Ты прочитал сейчас свою статью, — Вероника была довольна собой.

— Странный вывод, мадам. Разве так не может думать и формулировать учитель, врач, офицер, да что там — просто человек с мозгами? Ладно, приятно было побеседовать о гримасах прогресса. Счастливо оставаться.

Мефодий закинул рюкзак за плечи и пошагал.

— Уйти, оставить женщину в беде, сам-то ты кто? — выкрикнула вслед Вероника.

Мефодий не отозвался. И тогда девушка пошла следом.

Николай ДАНИЛИН

АКСИОМА ЛАНДАУ

Александр Федорович долго готовился к этому разговору, сомневался, медлил. Он хорошо помнил историю о Ландау, которую ему рассказал его друг.

Однажды жена академика Ландау Кора попросила мужа принять ее хорошую знакомую, дочь которой влюбилась в женатого мужчину. Ландау, как известно, был ценителем женской красоты, и часто у него завязывались романы с симпатичными женщинами, поэтому жена справедливо полагала, академик сможет помочь знакомой дельным советом.

Ландау принял ее, долго выслушивал историю жизни, как она, в свое время безумно влюбилась в женатого мужчину, поверила его обещаниям о разводе, родила от него дочь, и всю жизнь одна растила ребенка, ее возлюбленный отказался разводиться, бросил ее, и сейчас она не хотела, чтобы дочь повторила ее судьбу.

Академик, не перебивая, внимательно выслушивал посетительницу, наконец, сказал: — Вы хотите передать ваш жизненный опыт дочери. Это невозможно, человек учится только на своих ошибках, опыт других для него не существует.

— Все-таки, вы поговорите с ней, прошу, — настаивала она — Пусть не меня, вас то она послушает.

— И меня не послушает.

— Ну, почему же, почему? — Конечно, я бы мог вам дать некое обоснование, например, сказать, что, человек, чувствуя свою уникальность, интуитивно считает, что у него будет не так, как у других. Я скажу по-другому, как физик, немного разбирающийся в математике. Мое утверждение не требует доказательств, это — аксиома. Александр Федорович много раз на своем примере убеждался в верности слов академика. Он также не слушал своих родителей, женился вопреки их воле, потом развелся также вопреки их настоятельным советам. Много позже он убедился в правоте родителей, но, когда он принимал решение, к несчастью, был уверен в своей правоте.

Сейчас в старости аксиома Ландау сомнений у него не вызывала. В первый раз мучительное чувство бессилия возникло, когда он приехал проведать сына с невесткой. Ольга, его внучка, не вышла по обыкновению его встречать. Он спросил в прихожей, где внучка. Сын с усмешкой ответил:

— У себя в комнате, переживает сердечную драму.

— Не понял, какую драму?

— Да, влюбилась, поначалу радовалась, а теперь истерит, видеть никого не хочет, такие дела.

Именно тогда у него возникло желание поговорить с внучкой, предостеречь и успокоить, но он останавливал себя.

Месяца через два он по обыкновению приехал в гости к сыну, зашел к внучке в комнату и увидел ее зареванную. Тогда он и решился.

— В конце концов, хуже не будет, — сказал он себе, — попытка не пытка. Ничего не говоря, он присел на краешке ее тахты и, глядя на стену, где были наколоты разные фото, в том числе и, как он догадался, ее избранника, начал свой рассказ:

— Хочу рассказать тебе одну историю, произошла она давно с моим очень хорошим знакомым, однокашником.

Понимаешь, влюбился он на первом курсе, да так, что и себя не помнил. Я тогда удивлялся, что он нашел в своей избраннице. Ну, ничего выдающегося в ней не было. Внешность достаточно скромная, прямо сказать, не красавица, полноватая, крупная фигура, довольно

круглое лицо, прямые русые волосы. Что касается умственного развития, в наш институт дуры но попадали, у нее была хорошая память, она много читала и разговаривать с ней было интересно.

Так вот, мой однокашник прямо прилип к ней. На общих лекциях обязательно садился рядом, после занятий провожал ее до дома, благо жила она недалеко. Он познакомился с ее матерью, отца к тому времени не было в живых, скончался от инфаркта.

Как вспоминал знакомый, ее отец был большим человеком, у нее дома в гостиной висел его парадный портрет, вся грудь в орденах. После войны он служил военным атташе не то в Польше, не то в Чехии, где пережил известные венгерские события. Поначалу все у моего знакомого складывалось хорошо, ходил радостный, говорил, что Тамара, так звали его избранницу, сказала ему, что он ей нравится. Но к Новому году началось охлаждение, чем дальше — тем больше, Тамара стала его избегать. Что произошло, он понять не мог, когда мы пересекались, жаловался мне.

Где-то в марте-апреле он мне сказал:

— Все, кончено, не буду бегать за ней Так и поступил, хотя было видно, дается ему это с большим трудом, тем не менее, характер выдержал.

После первого курса, сдав сессию, он уехал в стройотряд, и, как мне говорил, стал свою избранницу потихоньку забывать.

А дальше я хочу рассказать тебе о трех эпизодах, которыми он поделился со мной. Первый произошел на втором курсе, осенью. В конце октября или начале ноября в институте был организован вечер бойцов стройотрядов. Вечер, по его словам, был интересным. Вспоминали только что минувший сезон, строили планы на следующий, пели песни, шутили, смеялись, было и награждение отличившихся. Когда официальная часть закончилась, объявили танцы. Как он сказал, она сама подошла к нему, заговорила. Он стал ей рассказывать о жизни в стройотряде, о том, как работали, как отдыхали. Потом объявили «белый танец», она пригласила его, и весь вечер он с ней танцевал. В танце она прижималась к нему, как к любимому человеку...

Вечер закончился, они договорились, что он проводит ее до дома. Она сказала, чтобы он ждал ее у раздевалки, сама пошла в туалет.

Ждал ее долго, все уже разошлись, в зале, куда он заглянул, никого не было. Говоря современным языком, Тома его продинамила...

На следующий день он искал ее, пытался узнать, что же произошло, думал, что-то вчера перепутал, не понял. На занятиях в институте ее не было, домашний телефон не отвечал. А потом перестал искать встречи, однокашники сказали, что на вечере она поспорила с подругами, что соблазнит его.

Ее обман он принял за чистую монету, а узнав все, как есть, очень на нее обиделся, не мог представить, что можно на такое спорить. Хоть и обиделся, но думать о ней не переставал, понимал, что оказался слаб, хоть и давал себе слово, что не будет бегать за ней, в тот вечер не устоял.

Надо сказать, что я его очень хорошо понимал, как устоишь, когда к тебе прижимаются нежной грудью и шепчут в ухо ласковые слова.

После этого они виделись редко, и только здоровались при встрече. Следующий эпизод произошел лет через десять после окончания института. Мой знакомый мне предложил съездить в институт, там на кафедре оставался один наш однокашник. Мы встретились, поехали в институт. Знаешь, какое это удивительное чувство, побывать в стенах, где провел пять незабываемых лет. Знакомый поговорил с профессором, получил у него консультацию, потом по традиции вместе пошли пить кофе.

Идем по коридору, навстречу нам идут три женщины, мы спокойно проходим мимо.

Вдруг наш однокашник, спрашивает моего знакомого:

— Ты чего не здороваешься?

— С кем? — отвечает он.

— С твоей симпатией, за которой ты на первом курсе ухлестывал, ты что, не узнал ее? Оказалось, одна из женщин — Тамара, она осталась в институте и работала переводчиком в каком-то отделе. Мой знакомый был несказанно удивлен. Он и предположить не мог, что эта неопрятно одетая, непричесанная и плохо выглядевшая женщина, от которой разило табачищем — Тамара.

Я был свидетелем этого эпизода, и тоже Тамару не узнал.

Когда мы пили кофе, мой знакомый, вспоминая встречу в коридоре, с усмешкой сказал: — Никогда бы не подумал, что за десять лет

человек может так измениться. Теперь буду всю жизнь благодарить Бога, что отвел от меня эту женщину.

Был и третий эпизод. Он произошел много позже, уже в двадцать первом веке. На юбилейном вечере выпускников собралась хорошая компания, нашему выпуску исполнилось тридцать лет. Нас собралось немного, человек семьдесят. Мой знакомый припозднился, поэтому, когда пришел, часть народа была уже навеселе, мероприятие стало разбиваться на небольшие компании.

Знакомый взял в руки гитару, он со студенчества не расставался с ней. Стройотрядовские песни вновь объединили собравшихся, пошли общие тосты, воспоминания, смех.

К концу вечера вижу, знакомый уединился с какой-то женщиной. Потом он мне сказал, что это была Тамара.

Честно говоря, узнать свою однокурсницу мне было сложно: испитое, опухшее лицо алкоголички, обилие макияжа.

Я спросил у знакомого, о чем так келейно беседовали. Оказалось, Тамара интересовалась его жизнью, где он, кем работает, есть ли семья. Была удивлена, что у него трое детей. О себе сказала, что сейчас живет одна, с мужем разошлась, есть взрослый сын.

Поговорили и разбежались, и, как он сказал, желания встретиться с ней еще раз у него не возникло.

Так что, что ни делает Господь, все делает к лучшему, даже если это для тебя поначалу душевная боль и слезы сердца.

Такая история.

Внучка приподнялась на кровати, и жестко сказала: — Значит, это была не настоящая любовь! — Знаешь, сейчас трудно судить, настоящая, не настоящая. Одно могу сказать, тогда моему знакомому казалось, что самая настоящая, единственная, на всю жизнь. После того вечера бойцов стройотрядов, когда его продинамили, он даже с горя стихи написал:

Ну, вот и все, отлив, безверье,
Исход ускорен мной самим.
Стал сразу тихим и безмерным
Теперь уже никчемный мир.

Ну, вот и все, а что осталось?
Дымок развеянной мечты,
Воспоминания и усталость,
И ощущение пустоты.

Но разум шепчет, что когда-нибудь,
Быть может, к следующей весне
Вся горечь этого страдания
Покажется нелепой мне.

И все пройдет, все перемелется
В воспоминания, в строки, в синь,
К весне погода переменится,
Дожить бы только до весны.

Внучка спустила ноги с тахты, села рядом с дедом, помолчала.

— Дедуля, я и не знала, что ты стихи пишешь.

— Это не мои, товарища.

— Так я тебе и поверила, рассказывай.

— Да я тебе все уже рассказал. — Он вздохнул. — Терпи, хорошая моя, другого выхода нет.

Внучка задумалась:

— И долго терпеть? — Год. Месяца через три станет полегче, через полгода будет еще легче, года через три болеть перестанет совсем. Останется только шрам, а шрамы, как ты знаешь, не болят, они — просто память о том, что было.

— Хорошо бы, если так.

— Ты девочка волевая, умная, знаю, все сможешь.

— Попробую. Сессию она сдала плохо, на трояки, но Александр Федорович не унывал, главное — сдала. А вот лето выдалось для нее не простым. Он видел, как она переживает, приезжает на побывку с практики к ним в деревню и, после ужина, молча уходит в свою комнату.

Однажды он поднялся к ее светелке и посмотрел в щелочку, чем она занята. Ольга просто лежала на кровати и смотрела в потолок. Оттаивать она начала осенью, когда начался третий семестр. Только

тогда он увидел первую улыбку на ее лице, услышал первый смех. Это было счастьем.

Зимнюю сессию она сдала хорошо, а дальше проблем с учебой не возникало. На третьем курсе у нее появился бойфренд. Александру Михайловичу избранник Ольги понравился: улыбчивый, рукастый, готовый помочь. Было видно, Ольга ему нравится. Наблюдая за ним, Александр Федорович радовался: несмотря на возраст, в избраннике Ольги чувствовался мужской стержень, та спокойная, добрая сила, которая отличает настоящих мужчин.

На пятом курсе перед защитой диплома Ольга с сияющими от счастья глазами торжественно вручила ему приглашение на свадьбу.

В ресторане, глядя на радостное веселье молодых, Александр Федорович с усмешкой думал: «Великие академики даже ошибаются к счастью!».

Игорь КЕЦЕЛЬМАН

КРЕСТИК

Прямо поверх блузки у нее висел крестик. Две серебристые полоски поперек друг друга.

— Ты что, крестилась? — спросил я у девушки. Знакомая, случайно встретил.

— Давно, еще в детстве, — ответила она. — Только не носила.

— А чего сейчас?

— Подруга посоветовала. Как стала носить и все у нее хорошо, и в личной жизни, и со здоровьем. Надо только попросить.

Она помолчала и тихо добавила:

— И я попрошу…

— О чем?

Молча на меня посмотрела, взгляд, словно говорил:

— А ты не знаешь?

— Знаю, — подумал я. — Замуж хочешь.

— Человек умер, — сказал я, — а вы у него просите.

— Подруге же помог. Значит, не совсем умер, — возразила она.

Я пожал плечами.

— Проси.

А через месяц я опять ее встретил. Та же блузка, длинная юбка, босоножки с тесно прижатыми друг к другу пальцами. Крестика не видно.

— Ты его, что ли под ворот засунула? — спросил я.

Покачала головой:

— Нет. Я его сняла и на шкаф закинула. Так просила! А он — ничего. Пусть теперь там валяется!

— Вот и еще раз Его убили, — подумал я. Бедолага.

Владимир ЛАВРОВ

Говорят, что лучшие в мире корабли делают в Японии и в Италии. В Италии был, но подтвердить это не могу. В Японии не был, но так хочется в это верить. И дело вовсе не в кораблях...

ТЕПЛЫЕ ОГНИ ЙОКОГАМЫ

На краю Земного шара Владимир собрался вести технические бои с японскими корабелами. Его фирма, разбогатев на морских грузоперевозках вина, замахнулась на строительство парочки особенных кораблей для себя. Покорять иностранцев фирма снарядила шустрого специалиста всезнайку тридцатишестилетнего Владимира N. Прилетев в Японию с объемным досье на строительство кораблей в этой стране и с документом, удостоверяющим его большие полномочия, Владимир напросился на встречу с представителями фирмы «Джапане Марине интернейшинэл». Это мощная судостроительная организация, которая законно гордится своими кораблями.

Приехал наш товарищ один, нашел русскоговорящего японца, нанял его переводчиком и попер буром на местных мастеров: хочу по-

луподводный корабль для перевозки вина через моря и океаны. Умудренные корабелы японцы слегка охренели от этого русского: такого в мире еще не было. Но его идея была интересна и главное — за ним стояли солидные деньги.

Рассыпавшись в цветистых восточных выражениях радости от появления его на японской земле, японцы скоро поняли, что парень не простой. Пришлось его отправить в Научно-исследовательский центр по проектированию кораблей в Йокогаме. Вернее сказать три сотрудника компании с почетом сопроводили Владимира в свою лабораторию святая святых фирмы. Туда, где рождаются чудеса!

Славная машина фирмы«ото представительского класса плавно слас по автобану.

Хвалясь, японцы разлили горячий кофе по чашкам и, передав одну русскому «коллеге» заявили:

— Не расплескаете, высокоуважаемый господин, наша машина хороша.

И действительно не расплескался в дороге горячий напиток на дорогие кожаные сидения и на не менее ценные части тела клиента.

— А ещё, — продолжали они, — в Японии всё самое передовое.

— Так кто ж спорит. Вы молодцы, только как бы вам сказать потактичнее, затюканные вы какие-то историей своей и жизнью беспросветной. Да и с юмором у вас беда. И землицей вовремя не обзавелись, ютитесь на небольших вулканических островах на краю Марианской бездны.

Возникла неловкая пауза: зарубить пришельца, как приписывал древний этикет, непозволительная роскошь. Этот купец с деньгами приехал. Его нельзя трогать. Скрипнули зубами потомки самураев, и снова беспросветные улыбки одели на лица.

— Всё хорошо, господина. Скоро чай пить будем. Водка уже холодится.

Думаю: зачем я их злю, только хуже будет. Но вспоминаю — так тоже можно вести переговоры: с позиции силы. Глядишь и осознают, что не одни они мастеровые. И я приехал их нанимать, а не они будут мне здесь условия ставить. А то махну в Голландию. То-то мне!

В это время мы приехали, но не сразу в Центр ихней, а в отель в славном городе Йокогаме.

Цель ясна — прощупывать будут: что я хочу, и сколько денежек из меня можно будет вытянуть. Что ж, их право меня поить и ублажать. Азиаты хитры! Впрочем, и мы так зачастую действуем. Ну что ж, посмотрим, кто больше сакэ выпьет!

Возле отеля было заведение похожее на баню. Там девушка в национальном наряде, почти как гейша, с поклоном дала мне полотенце, шапку войлочную и подвела к большой бочке из кедра.

Пришлось лезть. Вода горячая, черт бы их побрал! Для всех такая, руку совал — с трудом терпит.

Все сидим по плечи в воде, только головы торчат. Японцы мне улыбаются или оскал у них такой при варке ног и всего прочего? Ну и я жмурюсь — мол, хорошо придумали.

Потом был легкий расслабляющий массаж. Ну, что сказать — не плохо всё, умиротворяюще.

Музыка усыпляющая льется, бамбуковые шторки из рисовой бумаги расписные кругом стоят.

Будто в восемнадцатый век какой попал. Когда разнеженные и посвежевшие мы все вышли на улицу, то было уже темно и звездное небо отражалось в воде маленького озерка. Рядом стояла мини пагода, и темнел ухоженный садик. Владимир встряхнул головой — я в Японии! Точно! В серьезных напитках японцы понимают мало. Свое сакэ (слово то какое, господи, срамное придумали) наливают в малюсенькие чашечки и еще зачем-то его нагревают. Тут он не сдержался — доколе они будут мучить себя и меня. Время уже позднее, надо пошустрее застолье вести. Взял большие фужеры и плеснул им грамм по сто двадцать. Тост должен быть коротким и емким как выстрел: — Ну, дети солнца (флаг у них такой, мол, первыми их страна встречает новый день. Ха, про Камчатку и не слышали!), вздрогнем за вашу страну и за умных и прилежных ее жителей. Выпил и захрустел огурцом. Смотрю. Сначала они были удивлены его действием, но когда слова переводчика докатились до них, то посуровели самураи, гордо распрямили свои узкие плечики и приложились к бокалам! Пили, кашляли, морщились, но пили! Дисциплинированные и почитают страну. Это хорошо. Ну, тогда, ребятки, по второй, чтобы чакры раскрылись! ... Утро. Настроение не очень. Хреновое у них саке оказалось. Приехали, забрали из отеля и отвезли в Центр. Там поклонились и передали его парочке молодых ребят. Хотя очень трудно по виду установить возраст японцев. Итак, их огромный плюс, что знают немного русский. А минус: слово «немного» и означает дословно немного. Ему они представились как Изуми Моро — чернявый, худой, и Миято Кавасаки — чернявый, плотненький. Парни лет под тридцать, но видать головастые. Чтобы не заморачиваться с восточной цветистостью при представлении, Владимир их обозвал коротко ИМ и МК. Они уже встречались с американцами и привыкли к сокращениям. Вздохнули — и те и эти бойкие, наглые и бесцеремонные. Но их Босс сказал:

— Надо терпеть. МК заранее обложился проспектами с моделями судов и, улыбаясь, стал их листать, лелея надежду, что Владимир выберет нужный стандартный образец. Но не вышло. Пролистав два — три каталога, тот со вздохом отложил их в сторону:

— Не то.

Японцы огорченно переглянулись — быстренько срубить бабки с залетного богача не получилось. Тогда они зашли с другого конца.

— Что господина хочет, — начал ИМ и положил чистый лист бумаги и карандаш.

Владимир сначала нарисовал кисть винограда, потом бутылку и бокал вина. Потом опрокинул бокал в цистерну на машине. Нарисовал порт и корабль.

— Ферштейн?

Они заулыбались и ИМ, взяв карандаш, ловко набросал танкер. Вот всё бы им на миллион тонн перевести и меня раздеть заказом! Не выйдет, дети японской страны. Владимир решительно перечеркнул танкер. И коряво, но любовно стал рисовать свою Это был небольшой корабль с прямоугольной дырой в середине: два корпуса поплавка катамарана связывались вверху спереди и сзади общей палубой с надстройками. Корабль спереди имел общий нос, закрывавший пространство в корабле от океанических волн. На палубе лебедки опускали в образовавшийся док без дна изюминку проекта: металлическую секцию из тонких балок, которые оплели два ряда эластичных танков. Подумав чуток, он нарисовал цифру пятьдесят тонн на одном танке. Японцы были сильно заинтригованы его проектом. Это он видел по их бездонным глазам с черными зрачками, что такого они еще не встречали.

— Эх, ребята. Нам бы вашу усидчивость, мы бы весь мир завалили оригинальными проектами! Потом он нарисовал кораблик с пыхтящий трубой в море. Под ним, внизу свешивались на тросах трипять таких секций и перемещались на глубине сорок метров. Там, где нет волн, и где температура воды часто всего +10 градусов Цельсия. Японцы ошалело смотрели на русского гения или сумасшедшего. Зачем, вопрошали их глазки.

Пришлось опять нарисовать бокал с вином, опустить туда градусник и показать температуру двенадцать градусов имени умнющего мужика Цельсия.

— Дринк, хорошо!!!

ИМ и МК с уважением посмотрели на меня:

— Господина хочет долго плыть и пить охлажденное вино из танка в пятьдесят тонн?

— О, да!

Владимир рассмеялся — поняли, наконец, черноголовые, мой грандиозный замысел. Пришла девушка, типа секретарь. Поставила чашки с чаем, плошку с кусочками сахара и тарелочку с микро пирожками. МК испросил моего разрешения сделать копию с чертежа. Зная их хитрый нрав стырить чужие идеи, Владимир взял ручку и написал «Собственность российского гражданина Нечаева с 20 марта 2015 года». Обвел всё на рисунке колючей проволокой и поставил пограничника — мой патент!

Разочаровано заулыбались:

— Да, господина, конечно. И ушли шептаться с начальством. А Юрико, так звали девушку, включила мне музыкальный фильм про Японию. Сидим, слушаем музыку, а я еще и любуюсь ее лицом и фигурой. У нас в России все смотрят на красивых женщин, чего стесняться. На то и красота чтобы ей восхищаться! Да то в России, а тут менталитет у них другой — стесняются девушки, когда на них откровенно смотрят мужчины. А я вот думаю: скоро вечер, а мне показать страну, город, кафе, и японскую настоящую кухню и некому. Сиротинушка я тут. Вот Юрико, симпатичная молодая женщина, сидит, краснеет, а сказать мне ей нечего — чистая японка: только по-своему говорить и может. Что же придумать? Тут мой взгляд упал на черновик рисунка. Эврика! Есть еще язык рисования.

Беру чистый лист и рисую девочку и кольцо на пальчике, и большой вопрос около него. Двигаю лист ей — смотри и отвечай: ты замужем? Еще больше краснеет маленькая (они тут многие низковаты по росту). Смотрит и качает головой, типа нет. Не замужем. Уже хорошее начало! Рисую малыша рядом с ней и опять вопрос ставлю. Смотрю, ей понравился наш молчаливый диалог. Взяла карандашик и зачеркнула малыша. И чувствую уже, что она ждет, что же дальше будет. А ничего особо нового и не будет. Все мы мужики кобели, как часто слышим мы это от дам на просторах нашей страны. И это правда: не равнодушны мы к женскому полу. Хотя точнее сказать и не кобели вовсе, а согреватели женских сердец! Поэтому, вдохновленный ее ответами, рисую луну, одинокого странника стоящего на распутье; туда — кафе, сюда — колесо обозрения, и еще есть кораблик по морю и большой вопрос ставлю.

А потом рисую мальчика и девочку, что идут вместе на кораблик. Затем стрелкой указываю на кафе, и потом что они смотрят на звезды. Девушка смотрит, лукаво скашивает на меня свои узенькие черные глазки. Ждет: о чем это таком вы, господин, мечтаете? Указываю на мальчика карандашом и тыкаю в себя и чуть склоняю голову: я — хороший! Потом указываю на девочку и медленно поднимаю карандаш и нацеливаюсь на нее. Тишина звенит. Всё замерло. Как она ответит?

Встала, подошла к окну, с минуту стояла, отвернувшись от меня. А потом развернулась, быстро подошла к столу, взяла карандаш и решительно обвела кругом мальчика и девочку, а потом нарисовала циферблат часов и поставила вопрос. Маленький такой чудесный вопросик!

Я улыбнулся ей, поставил цифру 19 часов и нарисовал домик отеля с его названием. Спохватившись, поставил и дату: сегодня будет свидание. Она кивнула, и я спрятал бумагу. Потом прижал пальчик к губам: тихо, это наша тайна и широким жестом руки предложил пить чай. Мол, угощайся вместе со мной. Уж так у нас порой бывает: мое, не мое, но раз стоит на столе — давай чаёвничать!

Она удивилась, приоткрыв ротик и показав ровненькие зубки, потом прыснула как девчонка и села за стол. Приятно, черт побери, сидеть в далекой стране и смотреть как женщина, почти покоренная тобой, разливает чай и с нежностью протягивает тебе чашку!

Пришли ИМ и МК. Удивительное дело, за полчаса они накидали рисунок судна, моего судно в нескольких проекциях. Надо было теперь все образмерить. И мы окунулись в работу. Юрико тихо исчезла: мальчики двигают историю и всё строят, а удел женщин делать мир уютнее. Прошли три часа. Да, упорные японцы ребята, дотошно все проработали и на многое мне открыли глаза. Зато проект моего транспорта набирал силу и обретал на редкость стройные очертания. Да, в правильное место я попал. Осталось только вечером закрепить успех. Так я ехал в отель, вернее меня туда везли трудолюбивые японцы. Интересно когда они отдыхают?

Отель был чисто японский — читай спартанский стиль по моему разумению: минимум мебели, жесткая кровать, низенький маленький столик. Зато телевизор большущий. Ну и ладно, перебьемся.

Я принял душ и уставился на часы: 18 час 20 мин. Выходить рановато. Закралась мысль: а вдруг не придет? Может плеснуть в баре местного виски? Японцы тоже умелые ребята по части виски — пробовал, знаю. Что за мысли? Я же из команды виноделов, какое такое виски. Только вино и только с девушкой. Прочь сомнения — надо идти. В фойе отеля тишина. Вышел на улицу — девушка возможно смущается. Наверное, тут как и везде, если девушка в отеле сидит внизу, то значит порченная? Не хотелось бы в это верить. На улице редкие прохожие. Тут трудолюбивая публика и дисциплинированная. С работы — домой. А на часах уже без пяти семь вечера. Не переживаю сильно, Юрико слово сдержит. Она же японка! И точно подъехало такси, она выглянула в окошко и поманила меня к себе. Сел и машина медленно поехала. Девушка выглядела иначе, чем днем. В этой стране отсутствие прически уже прическа. Не заморачиваются они. Это только гейши долго ладят сложное сооружение на голове и потом неделю спят шеей на чурбачке, чтобы идеальную прическу не помять. Зато короткий плащик не скрывал открытые ноги, вязанная кофточка была веселой расцветки, а макияж делал лицо милым и особенно привлекательным. Завершала наряд красивая сумка. Я не силен в брендовых названиях, но чувствовалось, что это не Китай. Вечер знакомств Россия — Япония, считаю открытым!

Девушка достала карту города и показала маршрут поездки: причал Осанбаши, район Минатомирай, где много кафе и торговых

центров и высокий небоскреб с обзорной площадкой Небесный Сад Башни. Все это я прочитал в пояснении на русском языке (какая она молодец!). Согласно кивнул головой и сказал: — Вези меня красавица в ночь любви и наслаждений!

Чего не покрасоваться, перья распушить, когда никто тут ни бельмеса по-русски не понимает. Но тут случилось чудо: маленький приборчик в ее руке ожил и что-то прокаркал, видимо, на японском языке. Потому что Юрико, услышав, лукаво посмотрела на меня и немного зарделась от услышанного. Я совсем забыл в какой стране нахожусь: электроника и чудеса на ее основе здесь национальная гордость. Умненькая девочка купила (одолжила) переводчик, чтобы понимать дикого медведя из заснеженной далекой России. Что ж, это упрощает дело, а то я взял блокнотик, чтобы весь вечер рисовать ей картинки. Да, 1-0 в пользу Японии! Моя средневековая сообразительность была побита достижениями высоких технологий. — Юрико, это просто замечательно, что ты так облегчила нам общение! Давай вначале посмотрим на море — едем на причал!

Переводчик исправно меня выслушал, выдал свой перевод ей и ответил мне:

— Да, мой господин! Ответ меня немного озадачил. «Мой господин» — это круто и многообещающе!? Или это просто форма общения с лицом мужского рода, который старше. Тут я призадумался: а сколько же лет самой девушке? Очень непросто у японца определить возраст. Да и самих их запомнить на лицо.

И вообще она совершеннолетняя? Стал рассуждать. Раз работает в компании, то вроде да. Но теперь поздно — как говорится, «взялся за гуж — не говори, что не дюж». Пока я смотрел в окно на город, который медленно обволакивала вечерняя нега, такси выскочило на простор приморского бульвара и скоро подъехало к необычному сооружению. Оно большое, словно крыша, на которой разместилась смесь стадиона со многими рядами лавочек, зеленых садов и маленьких магазинчиков. Мы поднялись на верх. Перед нами раскинулось море. Вечерний бриз нес соленный свежий воздух. Заходящее солнце окрасило небеса в багрово желтые тона. Ленивые волны несли всполохи вечерней зари. Мои ноздри затрепетали. Как в юности возникло чувство приключений, лихой своей уверенности, что все будет хоро-

шо, и девчонки, загадочные девчонки, будут ко мне благосклонны. Я молод, полон сил и неясных мечтаний!

Юрико почувствовала мое волнение, взяла за руку и мы побрели мимо молодых деревьев прямо на вечернюю зарю. Город остался где-то далеко. Мы были одни! Впрочем, чуть приглядевшись по сторонам, я увидел много парочек, которые и гуляли держась за руки и сидели на лавочках, тесно прижавшись, друг к другу. Это было волшебное место свиданий молодежи! Мы тоже присели на лавочку, коих здесь было великое множество и стали молча смотреть на угасающее солнце. Оставалось совсем чуть-чуть, чтобы его огненный край опустился в темнеющие Девушка застыла в десяти сантиметрах от меня и не решалась приблизиться — я чужой, иностранец, которого она увидела лишь сегодня в обед. Сами японки довольно целомудренны. Например, в одежде они тщательно закрывают плечи, шею, и одеваю одежду, скрывающую и грудь и талию. Только ноги оголяют, как бы говоря: я нежная, закрытая от посторонних в раковине, но внутри ее я живая и страстная! Я тоже не смог проявить наглой настойчивости. Хотя атмосфера вокруг располагала к обниманиям и флирту. Интуитивно я чувствовал, что она тоже волнуется и еще не до конца решила как себя вести со мной и что можно допустить ей на этой встрече. Но каждый мой чересчур настойчивый жест могла принять за оскорбление. Тут видно свой ритуал ухаживания — для меня похожий на минной поле: может всё пройдет на раз, а может и полный облом. Решил не форсировать события. Просто взял ее руку и поцеловал кисть: спасибо за вечернее море, за свидание, за нежный запах духов и за жар юного девичьего тела рядом! Ее рука дрогнула, она отчаянно прикрыла глаза. Повисла напряженная пауза. Я погладил ее щеку. Она глубоко задышала. Ее маленькая грудь впервые обозначилась под кофточкой, плащик давно был расстегнут. Быстро посмотрев по сторонам, я не увидел ни густых кустов, ни ветвистых деревьев. Уединиться было негде. Это вам не Россия, где каждый кустик нас бы спрятал. Поэтому, смирив плоть, сказал в коробочку переводчика:

— Как хорошо здесь влюбленным, правда, Ю-ри-ко! Последнее слово я произнес грудным с придыханием голосом, стараясь выразить все свои чувства восхищения ко всем молодым женщинам мира, олицетворением которых в данный момент была несчастная Юрико.

Почему несчастная? Да, она чувствует мое обаяние и желания и хочется ей ринуться в любовный угар с незнакомцем. Но! Традиции и её воспитание не дают ей сразу самой раскрыться навстречу мужчине. Хотя это такой удачный случай — незнакомец, европеец, слышала, что он богатый и симпатичный какой! Были бы на всю жизнь воспоминания! А если случилось бы чудо и ее увезли бы в Европу. О, это был бы такой Джек-пот!

Юрико очнулась от своих мыслей. Владимир-сан проявил деликатность и не уронил своё лицо.

Возможно, всё впереди и сейчас надо просто смотреть на мир и радоваться, что гуляешь не одна. Она вздохнула и ответила: — Здесь действительно хорошо, когда гуляешь не одна. Город остается где-то в дали и только двое наедине и море. Бесконечно разное и вечное. И еще ночные звезды!

— Ты пишешь стихи, Юрико? — Раньше писала, когда была взрослеющей девочкой. А сейчас, немного опаленная жизнью, уже нет. Замуж мне пора. С детьми заниматься и ждать по вечерам любимого мужа с работы. Проза жизни зовет.

И Юрико горько улыбнулась. Помолчали. Она сказала: — Уже холодает. Поедем ужинать, в тепло.

Они спустились вниз. Всего надо было пройти метров триста как город вновь взял их в плен. Шум, многоликая реклама, авто и много гуляющих. Взяли такси и поехали на поиски кафе или ресторана.

Юрико не очень богата, и не может часто бывать в подобных заведениях, поэтому не знает где, что, почем. Честно об этом сказала и Владимир-сан так же честно ответил: — И я не знаю, где нам повезет. Но одно то, что мы будем вместе, делает любой ресторан желанным.

Девушка улыбнулась: ну, вот как эти русские так красиво говорят, что сердце начинает таять. Они вышли на широкой улице в районе Минатомирей и пошли по залитым огнями мостовым, выбирая где можно приземлиться.

Когда они вошли в понравившийся ресторан, то быстро нашелся свободный столик: в дорогих ресторанах бывает и полупусто. Но Владимир сегодня сделал большое дело и мог позволить угостить девушку вкуснотой. Правда, как и ожидалось, японская кухня оказалась ему не по зубам.

Это он понял сразу, как только раскрыл меню.

— Юрико, давай выбирай и себе и мне одинаковое, полагаюсь на твой вкус. И она постаралась. Нет, они не стали брать популярно-опасную рыбу фугу. И всякие там суши не брали. Просто принесли много тарелочек, на которых были маленькие порции и мяса, и рыбы, и кальмаров, и овощей. Всё под соусами и маринадами. Еда оказалась довольно вкусной, хотя по вкусовым ощущениям необычной. Я, как джентльмен, расплатился, хотя счет в иенах оказался пугающе длинный. Что ж: кто девочку танцует, тот и платит! Истина стара как мир. Мы вышли на улицу и тут до меня дошло. Я же разведчик, заброшенный в чужую страну. И что? Чем занимаюсь и как секреты выуживаю? Что ответить? Хожу тут, понимаете ли с девочкой, и развлекаюсь. Так? Ладно скажем по другому: вошел в контакт с местным населением. Это гораздо лучше звучит. А теперь приступим к главному.

— Скажи, Юрико, вот ты молодая женщина. А куда ходит молодежь по вечерам?

— Да в бары заглядывает. Хочешь посмотреть?

— Точно! Давай зайдем.

Юрико задала вопросы встречным парням и скоро доложила:

— Тут есть рядом бар, «Счастливая утка» называется. Пойдем?

— Всенепременно!

Тут хваленный переводчик поперхнулся, загорелся красный символ и он выдал:

— Скажите это другими словами.

Да, брат, не все ты знаешь из богатого русского языка. Отвечаю:

— Почапали.

Снова сигнал и сердитый голосок вновь требует повторить ответ.

— Поканали.

В очередной раз загудел аппаратик:

— Не понял, повторите Ваш ответ. Юрико с любопытством смотрела, как я пререкался с переводчиком. Ей это было в диковину: дорогой всезнающий прибор с богатейшим словарным запасом не мог справиться с выражениями русского!

Я решил не терзать электронную память друга, ведь он нам очень помогает сегодня.

— Пойдем.

Девушка выслушала, наконец, мой понятный всем ответ и потянула меня за руку: нам туда. Около бара и в самом нем было много ребят и что удивило девушек. Все что-то пили. Сейчас я смогу узнать, что хочется японской молодежи вечером вдали от пап и мам. Это был хост-клуб, такое местечко, куда девушка приходит, чтобы выпить в компании симпатичных японцев, пообщаться с ними, да и просто весело провести время. Никакого секса, господа. И полапать дам там нельзя. Короче — там парни вытягивают иены из девушек за свое с ними общение. За треп и хиханьки-хаханьки. Ходят туда девчонки вовсе не ради плотских утех, а именно ради общения. Они выросли и теперь готовы сломать стену отчуждения между ними и парнями. И тут они тренируются. А парни многие здесь на подработке: их задача помочь девушкам освоиться, раскрепоститься, заговорить и подвигнуть на покупку порции легкого алкоголя.

В природе все уравновешено. Есть у них «Кябакура», вот чудное словечко, — это абсолютно то же, что и хост-клуб, но уже только для парней и комплексующих мужчин. Чудны твои дела Господи в Японии!

Мы шли по улице, и вот мелькнула неоновая вывеска «Снек бар».

— Что это за заведение, Юрико?

Она улыбнулась — как хорошо просвещать иностранца про вечернюю жизнь молодежи, когда сама в теме. Юрико наклонилась пониже к коробочке переводчика (шумно кругом) и он,поднатужившись зашипел на русском, видно батарейки садятся. — У нас в Японии очень быстрый темп жизни, времени на отношения зачастую просто не остаётся, так как люди ставят работу на первое место. Один знакомый рассказывал, что несколько раз TVE приходилось ждать свидания пару месяцев просто потому, что у девушки всё не было времени на это. Плюс у них попросту нет такой культуры ухаживания парней за девушками, как в Европе.

Он не выдержал и расстался с ней.

А еще здесь парни грубоваты. Вот и мечтают девушки уехать подальше. Владимир слушал эти сентенции и мрачнел. Не так он представлял себе эту страну. Из дальнейшего повествования девушки следовало, что японцы, правда, не все поголовно, больше в молодом возрасте, очень любят выпить. И как результат: подобные заведения

как это популярны. Это иллюзорная возможность на пару часов просто забыть обо всём и отключиться. Одинокие они. Даже простое общение здесь приходится покупать, причём за достаточно приличные деньги.

Он подумал, что Юрико сгущает краски. Вошел в интернет и вскоре наткнулся на такой рассказ русского парня, побывавшего здесь и оставившего такой вот отзыв.

«Сегодня мы бухарили с японцами в их традиционном кабачке — из разряда тех, куда туристов не водят. Тут царит истинно японский дух! В таком небольшом кабачке можно посадить и двадцать и тридцать человек. А набить туда пятьдесят посетителей слабо? Так, чтоб сидели друг у друга на головах? Хозяева заведения именно так и сделают!

Мы сидели и орали, чтобы расслышать друг друга, хотя музыки в кабачке не было совсем. Вот такой бывает накал веселья, когда каждый выпивший пытается доказать другому не менее пьяному свое мнение по любому вопросу. Любому! Потом, накачавшись пива, японцы повели меня в бар пить русскую водку. Хитрецы — говорят, что это старинный японский обычай: без закуски и запивона. Удивить, что ли меня хотели или на Руси нашей не бывали?

Впрочем, мы, русские, оказались не настолько сильны в жесткой и бессмысленной выпивке, как японцы, или же чувствуем меру. Поэтому после нескольких доз, когда в стакан наливают водки немного — всего на палец, я покинул ребят, которые будут здесь напиваться в стельку до утра. Я же объяснял им, этим детям природы, которым уже за тридцать лет: градус не понижать, красное — белое не мешать....

А они — виски пивом запивают! Потом винца тяпнут. Опять виски. И пивком потом залакировать хотят. Вот чудные ребята! ... еще в Японии водку едят, вы не ошиблись, читая, именно едят! Мы были в каком-то парке и меня друзья-выпивохи решили удивить и научили не только пить водку, но и есть ее — в виде желе. Японцы сделали желе из водки! А что, намазывай ее на холодец и вперед!!! Не знаю, то ли восхищаться их изобретательностью, то ли крутить пальцем у виска: мальчиши-плохиши». Разговоры разговорами, но Владимир помнил, что послан сюда фирмой и как разведчик с развеселым и нереальным заданием: узнать, что тут пьют молодые люди. Покорять своим вином Японию, это будет не хило! Поэтому он начал заказывать разные

напитки и для себя, мужчины, и для девушки, Юрико. Очень было важно понять, что пьют девушки Японии, ну пусть не совсем всей страны, но хотя бы тут, в Йокогаме. Вечером, уже изрядно под хмельком, он нацарапал на страницах фирменного отельного блокнотика свой первый отчет с полей выпивания или алкоголепробования. Вот где-то так получается.

1. Чху-хай — фруктовый алкогольный напиток, который продается в банках в любом магазине или супермаркете. Кислятина — забродивший, типа, сок.

2. Пиво — самый популярный алкогольный напиток в Японии. Вот на заметку, что они пьют. «Асахи» — местные ребята сделали революцию в мире японского пива. Есть более сладкий и более терпкий вариант. Второй по мне. «Сантори» — самое востребованное пиво с глубоким и богатым ароматом. Позиционируют себя как «премиальное пиво». Не совсем я с этим согласен — ребята, сгоняйте в Чехию, потом поговорим — поспорим. Это пиво с горчинкой, варится по секретному запатентованному рецепту.

3. Вино! В Японии очень нежные и тонкие вина, поэтому они отлично сочетаются с местной кухней. Алкоголь всего 3-5 градусов. Советуем попробовать Мускат Бейли А, Кай Нуар и Кошу.

4. «Сакэ». Во всем мире считается, что сакэ — название особого алкогольного напитка из риса. Но

в Японии это слово относится ко всему алкоголю в целом. Содержание алкоголя: от 10 до 20%.

«Сётю». Содержание алкоголя больше 25 ~ 40%. Крепкий напиток, который гонят из риса, ячменя, гречихи или картофеля. Он мощнее, чем сакэ, поэтому многие его разбавляют водой, чаем или соком. «Виски». Самый популярный сувенир. Известный бренд — Синтори. Какой пузырь вы бы ни выбрали, он будет красив и вкусен.

6. «Умесю» и другие фруктовые ликеры. Сливовые, абрикосовые, апельсиновые, мандариновые — каких только нет. Гарантируем, что девушкам понравится. Так же, как сётю и виски, ликеры разбавляют содовой или пьют чистыми.

Судя по предпочтениям Юрико, ей нравится вино, ликер абрикосовый, пиво Асахи сладкое. Не против она и выпить небольшую дозу виски Синтори, лучше с газировкой. Неплохой право напиток! А пар-

ни и очень простые по поведению девушки дуют пиво: и дешево и сердито! Как и во многих странах мира, кстати. Они обошли семь-восемь баров с короткими там остановками. Напитки попробовал. Но Владимир увидел, что танцев там нет и в помине, значит девушку не обнять. А после вина этого хочется, душа же петь просит! От этого он немного загрустил, и это сразу заметила чувствительная Юрико.

— А пойдем, я покажу тебе наш вечерний город.

— А мы сейчас где, — попытался он отшутиться.

— Мы увидим его с высоты, с 69 этажа небоскреба, из Небесного Сада Башни.

Владимир оживился: он в Японии и здесь много красивых возвышенных названий.

— Как это поэтично звучит: Небесный Сад! Они пошли на обзорную площадку. Было уже десять часов вечера. Скоростной лифт уносил их вверх. Народу в кабине было много и Владимира притиснуло к девушке. Он руками ограждал ее от чрезмерного давления окружающих, а она немного прижалась к нему. Ее оборона, до этого успешно справлявшаяся с его молчаливыми атаками, впервые дала трещину. Он ощутил ее тело, а она притихла в его руках. Обоим хотелось, чтобы лифт двигался долго-долго.

Но ... конечная остановка и все вышли на обзорную площадку. Пару секунд они стояли почти обнявшись. Потом она тихо скользнула в сторону, и они вышли последние. За всё в этом мире надо бороться. Так и тут. Чтобы прислонится к стеклу надо чуток поработать локтями, послушать тихое шипение (хорошо не знать языка) и, наконец, протиснуться к окну.

Владимир протащил миниатюрную Юрико к самому стеклу и закрыл ее сзади своим телом от толчков соседей. Жестко и решительно прижался к ней, и она восприняла это как должное: сопровождавший ее мужчина (не так важно на вечер или на всю жизнь), оберегал ее, нежную и хрупкую. Она в его власти! Он же взглянул в широченное окно и замер. Внизу лежал драгоценный ковер из тысяч светлячков. Расчерченный магистралями на квадраты, город светился в ночи мягким желтоватым светом и всполохами рекламы. Море рисовало своей темнотой очертания и изгибы набережной. Но и там, в морской темени, были бусинки света и некоторые медленно перемещались. А над

всем этим висела бледная Луна и заливала мир своим светом. Зрелище завораживало! А тепло от спины девушки давало дополнительные эмоции.

Мужчина наклонил голову и вдохнул аромат ее духов. Его руки непроизвольно легли на грудь девушки, ощутили округлости ее грудей. Все замерло в томительной неге. Пропали голоса соседей, исчез волшебный вид из окна, глаза их закрылись, а мысли унеслись в небеса...

Вот так вечер! Владимир, входя днем в офис японской корабельной фирмы, не представлял, что судьба выкинет такой фортель, и он окажется в одном из лучших вечеров своей жизни!

... Когда они вошли в фойе гостиницы, он взял ключ от своего номера и протянул Юрико:

— Ты его хозяйка, — скрипуче отозвался переводчик. Ключ лежал на моей раскрытой ладони. Девушка смотрела то на меня, то на ключ. Текли секунды. Наконец она подняла руку и сжала мою ладонь. Покачала головой. Нет. Потом открыла сумочку и достала свой ключик. Ее голос тихо прошелестел:

— Вот ключ — ты его хозяин.

Теперь он смотрел на узкую девичью руку, которая звала его к ней. Владимир шагнул ближе, заглянул в её черные бездонные глаза и взял ключик.

У них словно гора с плеч упала. Оба засмеялись и, взявшись за руки, вышли в ночь. Мудрая Йокогама, светя теплыми огнями, одобрительно смотрела на двух понравившихся друг другу людей, что весело усаживались в такси. Впереди у них была ночь. Ночь нечаянно возникшей Рано утром Юрико тихонько выскользнула во двор. Там, среди нечастых городских деревьев, проблескивало встающее солнце. Только вчера вечером оно, усталое, закатилось за горизонт, а сейчас бодрое и умытое взмывало на светлеющее небо. Юрико смотрела на солнце и улыбалась. Всего несколько часов и ее жизнь перевернулась. Девушка влюбилась! В мужчину, что сейчас еще спал в ее кровати. Она тихонько попросила у богини Изиды — пусть и он полюбит меня. Меня, такую, какая я есть!

Елена ЩЕПЕТОВА

ШУМ ОБРУШИВШЕГОСЯ ЛИВНЯ. ТАРУСА

Телефонный звонок застал её в автобусе, когда ехала от мамы. Мама жила с сиделкой, но она ездила к ней чуть ли не каждый день. После смерти отца та почти не вставала и ни на минуту не оставалась одна. Номер был незнакомый: «Елена, вы помните, что у Вас выставка в Тарусе?» Она почти забыла о двухлетней давности разговоре на эту тему. Женский голос заведующей галереей настаивал, и она согласилась: «Зовут, грех отказываться, тем более у меня давно не было персональных выставок».

Шум обрушившегося ливня заглушал всё. Толкнула спящего мужа: «Послушай, что творится». Но он не захотел проснуться. Она вышла на незастеклённую террасу, смотрела на непроницаемую завесу льющейся на землю воды и слушала все усиливающийся гул её падения. Гроза началась ещё вечером: гремело, сверкало, ветер трепал ветви молодой яблони, полные зелёных плодов, в саду их маленькой деревенской гостиницы. Притихли, спрятавшись, разномастные красавицы куры и

роскошный петух какой-то экзотической породы. Но сейчас, ночью творилось вообще что-то невообразимое, завораживающее своей необузданной мощью, в которой хотелось раствориться. И ей удалось это на несколько минут. Отошло в сторону всё: тревога, боль, суета. Только мощный звук воды, срывающейся вертикальными струями с отяжелевшего неба, и воздух, наполненный мельчайшими каплями живительной влаги. Больше ничего, или всё. Почти так же, как когда-то давно в горах Приэльбрусья. Только тогда была звенящая своей чистотой и хрупкостью тишина, уходящее в бесконечность безоблачное небо и вершины, пронзающие его кристальной первозданной белизной.

Это была та же тарусская гостиница, в которой она с компанией художников ночевала два года назад. Тогда несколько человек приехали в Тарусу на открытие выставки приятельницы. После открытия сидели, болтали, отмечали открытие на той же террасе часов до двух ночи. Начал накрапывать дождь, разговоры об искусстве превратились постепенно в бессмысленный трёп, виновница торжества устала, потихоньку народ расползся по своим койкам.

Да, это была та же гостиница, так понравившаяся всем в тот приезд. Только теперь она приехала с мужем и привезла свою выставку в этот облюбованный художниками и прочей творческой интеллигенцией городок.

Цветаева, Паустовский, Борисов-Мусатов, Ахмадулина осветили его. Камень на высоком берегу Оки с надписью: «Здесь хотела лежать Марина Цветаева», могила Борисова-Мусатова, и его надгробие с лежащим мальчиком скульптора Матвеева, создавали неповторимую ауру щемящей нежности.

Молодая, очень симпатичная пара устроила гостиницу на своём участке. Таня и Серёжа. Таня и Серёжа придумывали и делали все вместе. И у них все получалось. Летний домик с террасой, два номера в нем, с душем и туалетом, как положено. Старый, казавшийся совсем развалюхой дом рядом, внутри оказался теплым со всеми удобствами, в нём можно остановиться и зимой. Сам участок сохранял деревенский и дачный дух одновременно. И яблони, и сливы, и кусты смородины, крыжовника, и огород, и цветы, всё росло как бы само собой, хотя понятно, что труда в них вложено много. А ещё невозможной красоты куры, сказочные петухи, гуляющие за сеткой, если пройти по деревянной дорожке подальше, фазаны. И это не всё. Серёжа создавал

забавную скульптуру из металла. Всё шло в ход: чайники, шестерёнки, детали старых машин, всё, что найдётся. Скульптура украшала лужайку возле дома, в котором жила эта счастливая юная пара. Только детей они не торопились завести. «Вот сейчас ещё одну задумку осуществим, и тогда», — говорила Таня, улыбаясь почти застенчиво.

Когда звонила им, чтобы заказать номер, очень приветливо отвечала Таня. Да, она помнила компанию художников, останавливавшуюся у них два года назад. Приехав, они поставили машину в траве возле калитки, встретила их Таня, Серёжи видно не было. В этот день в гостиницу они с мужем вернулись поздно: много суеты с выставкой. Открытие завтра. С утра нервничая, договаривались о месте, где поселятся собирающиеся на открытие гости из Москвы, и где можно будет посидеть, выпивая и закусывая. Непонятно, кто приедет, скольким нужен будет ночлег? Она нервничала: «Господи, скорее бы всё кончилось». Закупали продукты, вино. Слава Богу, всё прошло удачно: народ приехал, московские знаменитости, проводящие лето в Тарусе, сказали хвалебные слова, всех кого надо, поселили, удалось и застолье. Вернулись в свой деревенский номер безумно усталые. Вот тогда и началась гроза.

Утро после ночной грозы было окутано туманом. Проснувшись рано, она оделась и вышла за калитку. По гравийной дорожке спустилась к заросшему оврагу, постояла на мостике, погрузившись во влажную тишину, перешла на другую сторону. Было так тихо, казалось, что и сады и дома покинули люди, жизнь замерла, остановилась. Почти призрачный мир окружил её. Лишь серая кошка мелькнула, перебегая улицу, больше никого. Как ни пленительна была утренняя туманная тишина, ей захотелось поскорее вернуться в свою неровную жизнь. День предстоял суетный, а вечером длинная дорога домой.

Муж проснулся, на террасе они пили чай, когда появилась Таня. Затеялся ничего не значащий разговор. «Как Ваш музей?» спросила она у Татьяны. Дело в том, что на Серёжином и Танином доме была прикреплена табличка: «Музей скульптуры из металла». Таня ответила тихо, что всё ничего, люди приезжают, смотрят. И добавила, почти отвернувшись: «Только жаль, что ничего нового уже не будет». Она могла предположить всё: что, может быть, Сережа уехал на заработки, что, казавшаяся такой счастливой и любящей пара разрушилась, да мало ли ещё что происходит в жизни. И спросила: «Что случилось?»

«Серёжи больше нет», — ответила Таня, и на глазах её появились слезы.

Это был несчастный случай. Он занимался своей скульптурой. Соскочила пила. Бог его знает, как называется инструмент, которым режут металл, и перерезала ему горло. Мгновенная смерть. Произошло это полтора года назад. Сейчас Таня одна, помогают её родители. Музей в память о Серёже, куры и фазаны тоже в его память. Всё, что она делает сейчас, в его память. Она ещё молода, красива, всё может, всё умеет. Есть надежда, что всё ещё сложится в её жизни. Но сложится ли?

Не осталось у Тани от Серёжи ни сына, ни дочки. Нет у Серёжи продолжения. Только музей, пока им занимается Таня.

ВЕДЬМА

С утра город плавал в тумане, было холодно, серо, и только рыжий ковер под ногами и листва, задержавшаяся на кустах и на ветвях деревьев яркими всполохами расцвечивали остывающую жизнь. На несколько минут брызнуло солнце, осветило верхние этажи, блеснуло в окнах и рассеяло туман. Стекла балконной двери вдруг запотели. Темнело, очень быстро темнело, слишком быстро. И уже не солнце, а электрический свет в окнах. Жизнь съёживалась до размеров тесных квартир, сворачивалась калачиком, сберегая собранное за лето тепло, так что бы его хватило на всю долгую зиму.

Наташка раскачивалась на качелях детской площадки, всё выше и выше. Качели скрипели, а в голове се звучало из старой песни: «В каждой женщине должна быть змея». Звучало и звучало...

Они с мужем провожали с вечеринки Сашку, давнишнего студенческого приятеля мужа, приятеля, который смотрел на Наташку восторженно с того самого дня, как первый раз увидел её в белом коротеньком платьице на их с Витькой свадьбе. Приятель был заводной и чем-то смешной, но преклонение его было Наташке приятно. Витьку это чуть-чуть злило, но совсем не мешало их общей дружбе. Муж и приятель стояли неподалеку, о чем-то спорили, посматривали на неё и ждали. — В каждой женщине должна быть змея, — прокричала она с качелей и засмеялась.

«Какая к черту змея, почему?» Через много-много лет Наташка опять, но на этот раз не так отчаянно, раскачивалась в сгущающихся сумерках на детских качелях в пустом дворе. Вдруг вспомнился тот давнишний вечер. «Боже мой, теперь, наверное, мою подросшую внучку волнует вопрос, должна ли быть в каждой женщине змея?»

Темно, холодно, из-за крыши соседнего дома поднимается луна. Чересчур огромная, даже не верится, что это просто луна. Холодный ее свет сквозь голые ветви деревьев падает на детскую площадку, свет и тени подползают все ближе. Тени всё резче, свет всё ярче. Чертовщина какая-то. Женщина, змея, луна? Женщина, главное Женщина. В ней всё. Должно быть всё. «А во мне было это ВСЁ? Или всегда чего-то не хватало? Так может быть хоть сейчас?»

— Вы совсем рехнулись, дед с бабкой? О какой любви Вы с Витькой говорите? Точно, рехнулись на старости лет, — вещала приятельница, широко раскрывая удивлённые и возмущённые глаза.

— Ну и пусть, — подумала Наташка, стала раскачиваться всё сильнее, вспоминала, как девочкой прыгала с взлетевших вверх качелей, и продолжала раскачиваться. Качели скрипели, она взлетала всё выше и выше, голые ветви деревьев пытались её удержать, но ей было всё равно, она уже летела. Её окружали вспыхивающие звёзды, диск луны то поднимался, то опускался, а она летела. «Как же здорово! Может быть, во мне проснулась, наконец, ведьма? Я лечу и никакой метлы не нужно», — промелькнуло в Наташкиной голове. Она вспомнила и крикнула: «В каждой женщине должна быть змея!». Крикнула и расхохоталась.

Хорошо всё же, что во дворе никого в этот момент не было.

Она поднялась на восьмой этаж и открыла дверь своим ключом. Муж стоял перед ней с её телефоном в руках. «Ты что? Я проснулся, тебя нет, и телефон твой на столе лежит. Где ты была?» — спрашивал он, и в голосе его звучало неподдельное раздражение. Наташка посмотрела на него седого, не выспавшегося, сердитого, улыбнулась обворожительной таинственной улыбкой и ответила: «Я летала, Витя! Я летала!» Помолчав минутку, добавила: «Давай пить чай, дорогой, очень хочется горячего чая». Стянула с себя куртку, сапоги, и пошла на кухню. Витя ничего не понимал, но неожиданно для себя тоже улыбнулся и направился вслед за ней. «Ведьма», — подумал он.

Екатерина ЛАЗАРЕНКО

ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

(рассказ для младшего и среднего школьного возраста)

Всё началось, как обычно.

Я разогрела маргарин в кастрюле. Сил моих нет дожидаться пока он растает, а заранее достать всегда забываю. Потом я насыпала в теплый, жидкий маргарин муки. И вот тут что-то произошло. Была какая-то первая весточка. Подсказка.

Но какая-то неуловимая. Едва заметная.

Так что я не обратила на неё внимания, а смело влила яйца в кастрюлю и туда же высыпала стакан сахару.

Я готовила печенье. Совершенно самостоятельно.

Между прочим, когда мама готовит, я ей всегда помогаю и бабушке тоже, и тёте.

А вот они мне — не всегда.

Потому что, когда мне очень хочется печенья, всем почему-то некогда. А некоторых еще и дома нет. Они, видите ли, на работе.

В общем, печенье я обычно готовлю сама.

И делаю это на все пять баллов! Мне даже девчонки в классе позавидовали, когда я своё печенье в школу приносила. Я первое место заняла в кулинарном конкурсе. Правда, это было во втором классе. А теперь я в пятом, и девчонки уже тоже научились печь печенье.

Но моё — ведь ещё и оригинальной формы. Меня мама научила. Я тесто через мясорубку со специальной накладкой пропускаю. У меня и звездочки получаются, и полоски, и треугольники, и даже цветы с пятью лепестками. А ещё можно делать завитушки. Тогда надо снять накладку и просто провернуть тесто, как фарш. Получаются затейливые ракушки или завитушки. И тут нужно не зевать, вовремя ножом всю эту красоту срезать и на противень укладывать.

Правда, теперь у нас есть кулинарный пистолет, с ним ещё проще. Но я, по привычке, кручу тесто в мясорубке.

Вот пока я его крутила, опять пролетела какая-то весточка. Вторая. И опять же я не очень на нее внимание обратила.

Так, что-то в воздухе. Может, машину кто заводит на улице или соседи жарят лук.

А вот третья весточка, оглушительная и ясная, пришла через пять минут после того, как я поставила печенье в плиту.

Я ещё ничего не успела сказать или спросить, как в кухню влетел дедушка и с криком «Катюха, кышь отсюда!» рванул дверцу плиты.

Кухня тут же наполнилась странным едким запахом.

— Что у вас там? Газовая атака?! — послышался из дальней комнаты голос Вовария.

Это мой дядюшка. Старший. У меня их два. Но об этом в другой раз.

— Нет! — отозвался дед.

— Катюха спалила, наконец, печенье?! — уточнил дядюшка, появляясь на кухне.

Дед отрицательно покачал головой.

— Тогда, что это?! — поинтересовался дядюшка.

Я всхлипнула. Не хотела. Но так получилось. Я так гордилась своим печеньем, а тут — странный острый запах.

— Катюха, не реви! От твоей стряпни пока никто не погиб! — подбодрил меня дядюшка. — А кто-нибудь уже пробовал, что у неё там такое?

— Ещё рано! — честно предупредила я.

Хотя уже комок стоял в горле, и мне с трудом удалось пропихнуть через него хоть какие-то слова.

— Когда будем дегустировать?! — по-прежнему жизнерадостно полюбопытствовал Воварий.

— Через десять минут! — честно призналась я.

Дед и дядюшка кивнули и покинули кухню.

А я осталась одна с моим ожиданием не самого лучшего.

Правда, я еще надеялась попробовать печенье первой и, если дело безнадёжно, быстро выкинуть всё в ведро.

Ну не будут же они доставать из ведра!

Но как только я открыла духовку, дед и дядюшка тут же возникли за моей спиной.

— Разойдись! Горячее! — хмуро скомандовала я.

Оба уселись за стол и потребовали немедленно выдать им на пробу мой шедевр.

Делать было нечего. Я осторожно переложила печенье на красивое блюдо и поставила на стол.

Дальше к делу приступили дегустаторы.

— Странное вещь! — через минуту-другую первым заговорил Воварий, с загадочным видом отправляя в рот вот уже третье печенье. — Перевела столько продукта! Гадость страшная! А мы это едим!

— Ну не пропадать же, — отозвался дед, уплетая тоже не первое печенье.

Дядюшка налил себе чаю.

Дед — компоту.

— Катюха! Это отличная закуска к пиву! — подвёл итог дегустации дед.

— Сахару только многовато! — внёс свою ложку дёгтя Воварий. — Но есть можно!

— Попробуй! — предложил он мне. — Мы же едим! Я взяла печенье, осторожно откусила кусочек, но уже через секунду выплюнула его, и слезы хлынули из моих глаз. Это была жуткая остро-сладкая гадость, а не моё любимое печенье!

Я пулей вылетела из кухни, добежала до своей комнаты, рухнула на кровать и от души зарыдала.

— Странное дело! — услышала я над собой голоса, даже не начав как следует реветь.

— Приготовит человек оригинальное блюдо и в слезы.

Это был дед.

— Да! — довольно пожёвывая печенье, отвечал дядюшка.

Оказалось, что парочка моих дражайших родственников переместилась вслед за мной в комнату и теперь уже здесь один пил чай, другой — компот и, что возмутительно, оба поедали мое неудавшееся печенье. И оба делали вид, что не обращают на меня никакого внимания. Хотя только что они бесцеремонно вторглись в мою личную жизнь и не дали мне, как следуют выплакаться. А это, между прочим, полезно. Я по телику слышала, как кто-то из врачей вещал про это.

— Не забудь оставить Лене! — строго заявил дед.

— Да! Если смогу остановиться! Катюха, ты чего туда положила?! Признавайся! — вдруг обратился ко мне Воварий.

Говорить я ещё не могла, реветь уже не могла. В такой компании довольно трудно сосредоточиться. А процесс рыдания требует внимания и самоотдачи.

Так что я промолчала.

Тут послышался звук открывающегося замка, и через мгновение в квартиру вошла мама.

— Ух ты! — воскликнула она. — Что ж это такое вы приготовили?!

И я радостно зарыдала опять.

К вечеру того же дня удалось установить причину странного вкуса печенья. Всё оказалось банально просто. Кто-то из друзей (до сих пор никто из них не признаётся) порекомендовал положить к муке чеснок, чтобы в муке не заводились жучки. Но не предупредил, что не в саму муку, а рядом с пакетом или банкой. У нас же чеснок лежал прямо в муке, которая и впитала чесночный запах. Так получилось странное печенье.

Мама тоже сказала, что моё печенье гадость страшная, но тоже с удовольствием пила с ним чай.

А за остатки они чуть втроём не подрались.

Вот и непонятно, то ли это они меня так утешали, то ли на самом деле получилось вкусно. Но только для взрослых.

Анастасия САМОКИНА

НИТЬ

Работал я нерегулярно, часто филонил и отсиживался в стороне, иногда мог ничем не заниматься день, неделю, а порой и месяц. Обязанности у меня были важные, да только с начальниками повезло, вот и получалось отлынивать.

Один из них был низкий, с густой блондинистой, почти белой шевелюрой, вздёрнутым носом, карими глазами и длинными, но реденькими усами. У него была скверная привычка вечно цокать каблуками, когда он ходил по офису. Он был очень выборочен в еде, немного напыщен, но в целом казался мне приятным, добродушным и даже иногда сердечным. Имя у него было необычное, какое-то иностранное, но весьма вкусное по звучанию. Второй начальник был постарше предыдущего и в их коалиции всегда держал лидирующую позицию. У него тоже были светлые волосы, не такие густые и белые. Он был гораздо выше первого, зеленоглазый, с щетиной, широкими плечами и небольшим пузиком. Он много курил, сам по себе был молчалив, но на интересные темы любил поразмышлять. Его взгляд мне казался слегка одиноким и грустным, но отчего — сказать не могу.

Что же входило в мои обязанности? Поверьте, это совсем не обывательская работёнка. Я буквально был связующим между двумя начальниками, координировал их межличностные отношения и следил за их слаженной работой. Я — мостик от одного к другому, нить, что связывала их руки.

Почему же тогда я так часто филонил? Всё просто: начальники, по правде, хорошо работали вместе и без меня. Взаимопонимание у них было замечательное, да и с координацией всё как надо. Обычно я пригождался лишь в долгих командировках и вылазках. Первый начальник, покидая родную среду, начинал буянить — он был падок на женщин, да ещё и расист, материл всех почём зря — вот мне и приходилось быть сдерживающей силой, контролировать его. Но такое случалось редко, а сейчас я и вовсе вышел на пенсию.

Старый, затёртый тёмно-синий поводок вместе с ошейником, щёткой для шерсти, щипцами для когтей и зимним костюмчиком уже полгода лежали нетронутыми в дырявой коробке из-под обуви. Их никто не собирался выкидывать, но трогать тоже не хотелось. Всё внутри коробки, да и вокруг неё будто застыло, остановилось, замерло или вышло на пенсию.

28 марта у Николая умерла маленькая белая собака со смешным вздёрнутым носом, кучерявой шеей и необычным именем — титулом древнеримского полководца или названием всем известного салата. Прожили они вместе четырнадцать лет: вместе спали, вместе ели, гуляли вместе, и почти всегда без поводка. По Николаю трудно было сказать, тяжело ему от утраты или нет. Его грустный и одинокий взгляд так и остался грустным и одиноким, да и жизнь, кажется, никак не поменялась. Можно и спать одному, и есть тоже можно в одиночку, вот только не надо больше ходить гулять, да и поводок больше не нужен. А так ничего не поменялось. Только порвалась какая-то нить, только что-то с болью и силой оторвалось…

Татьяна ПОЛЯКОВА

МОЯ ПОДРУГА АСЯ

На пороге осень. А в парке расцвели одуванчики, ярко сияющие, как посланцы солнца, пушистые друзья ребятишек. Всматриваюсь в маленький жёлтый цветок, а он вдруг подмигивает мне, конечно, это она, моя Ася, ведь у неё сегодня день рождения и вспоминаю её постоянно. Слышу лёгкий шёпот: «Ты помнишь, как нас заставляли в огородах выдёргивать одуваны с корнем, а бабушки варили из них полезный кофе, а ты помнишь, как…».

Действительно, я помню её, мою любимую подругу с неукротимым жизненным энтузиазмом, вечно с заботами о ком-то, но всегда с любовью и уверенностью в своей нужности.

По теории нашего великого учёного И.И. Мечникова, человек оптимистичен по своей природе, он рождается с биологическим оптимизмом. В детстве — все весёлые. Но с возрастом жизнь часто перетирает оптимизм на его противоположность. Ася же сохранила его на всю жизнь и упорно затягивала окружающих людей в своё жиз-

нелюбие. Её давно нет, но она всплывает в памяти, милая, заботливая, ну просто как образец душевного совершенства. Мы дружили с раннего детства, так как жили в одном посёлке, который создавали с 1937 года наши родители, бабушки, дедушки, кто-то как постоянное жильё, а большинство как дачный уют. Посёлок объединял нас. Мы дети, придумывали свой мир — в походах исходили в округе леса и поля, придумывали свои игры, дружили, любили и здесь появлялись первые ростки будущих крепких семей. Что называется — от детства до конца жизни.

Завтра её день рождения, заглянула в свой дневник и поняла, что она до сих пор со мной, рядом. Дневниковая запись о нашем посёлке в разные периоды жизни, всколыхнула мою память. Ася прожила всю жизнь в нём и знала почти всех, помогала людям и советом, и делом. Захотелось поделиться мыслями о сложных ситуациях в жизни Аси и необычных, подтверждающих её мировоззрение, выходах из них.

Итак, дневник.

Дни насыщены делами, но в основном заботой и беспокойством о здоровье моей близкой подруги Аси, на днях она перенесла серьёзную операцию. Хожу ежедневно к ней в больницу, навещаю и помогаю чем могу. Больница старая, обветшалая, вернее здание такое и занесено в списки «необходимой реставрации», вероятно скоро закроется. Но это не повод невнимательного отношения персонала к больным. Сегодня чуть не взорвалась от возмущения и ужаса от безразличия, наплевательского отношения к человеку после операции. Я дежурила около Аси, когда пришла медсестра обработать послеоперационный шов, она сняла все повязки и открылась огромная через весь живот рана, кровоточащая, воспалённая. Длиннющие хирургические «щипцы» захватили ватный с антисептиком тампон и начали медленно двигаться по ране. Я смотрю за процедурой. Ася слегка стонет, но терпит, потом следующий заход с новым тампоном, руки медсестры движутся, а сама она уже отвернулась и довольно эмоционально с кем-то в палате разговаривает, рука у неё дрогнула и металлический угол щипцов вдруг врезается в рану. Фонтан крови брызжет из неё, Ася от боли в обмороке, я ору. И что? А ничего, сестра даже не вздрогнула, просто накричала на меня и заставила выйти из палаты, мол не мешайте мне работать. Бедная Ася.

В жутком стрессе после увиденного в больнице, я пошла на массаж в клинику Тибетской медицины. Благо, она не далеко. Принимал врач, массажист из Китая. Не зная ни слова по-русски, он прекрасно понял все мои проблемы и, удивительно, только ему известной техникой, буквально омолодил меня. Вышла окрылённая, тело требовало движения, и я лёгкой походкой решила прогуляться по бульварам. Рождественский бульвар, Страстной, вот и Пушкинская площадь, затем Тверской б-р, свернула на Б. Никитскую улицу к Консерватории. В Малом зале играет Сергей Стадлер. Я помню, впервые увидела его ещё юного, скромного мальчика со скрипкой в «Клубе у Фрида» при Доме Композитора*. Сразу вспомнился этот удивительный Московский молодёжный музыкальный клуб, где господствовала неповторимая атмосфера любви к музыке, желание узнать о ней больше, глубже, даже свободнее. Каждый четверг велись живые беседы, диспуты на различные темы, например: —«Музыка и живопись», «Музыка и подсознание», «Музыка и ассоциации» и другие. Создавались новые интереснейшие циклы вечеров. Приглашались известные композиторы, музыканты, искусствоведы и молодые дарования, лауреаты различных конкурсов. Благодаря приглашению юного Сергея Стадлера в клуб Григорием Фридом, мы услышала его прекрасную игру. В 10 лет он уже выступал с симфоническим оркестром и был лауреатом уже различных конкурсов, в том числе и международного.

Увидев афишу в Консерватории о С. Стадлере, как … Виртуоз-скрипач создал цикл, посвящённый Малеру и Гёте — музыка и поэзия. Не раздумывая, пошла на концерт.

Каждое произведение на концерте сопровождалось предысторией его создания, звучали стихи Гёте и удивительная скрипка Стадлера. Держа, в руках скрипку, он рассказывал, что в библиотеках в поисках информации открываются не только неожиданные истории написания произведений, но и новые стороны жизни и творчества композиторов. Гёте, оказывается, высоко ценил Моцарта, как величайшего музыканта, а Бетховен — Гёте и написал на его стихи романсы, но никто не знает и не может найти на какие именно. Затем звучали произведения Вагнера и Бетховена, Сарасате и Венявского, на тему драмы Гёте «Фауст» в блестящем, страстном исполнении скрипача Стадлера и камерного оркестра VIVA. Я погрузилась в звуки. Но что удиви-

тельно, сегодня вдруг по-новому открылись мои уши, звуки влились внутрь, побежали по нервам, по всему телу, завибрировали и довели почти до слез. Мне казалось, что звуки бродят во мне и живут там. Я постоянно хожу слушать музыку, но это было что-то магическое, новая реакция и очень специфическая. Я почувствовала, что музыка, подсознание и незнакомые мне физические ритмы здоровья вплелись в единое ощущение. Порассуждав, решила, что после тибетского массажа открылись новые каналы восприятия, как пишут в китайской медицине. Здорово.

На следующий день я подробно рассказала больной Асе о своих ощущениях после массажа и концерта. Взбадривала её. Она просто воспряла и с живостью в голосе поклялась, что непременно пойдёт на массаж. Мы с ней решили, что хорошо бы массажную практику под музыку применять в больницах и в реабилитационных центрах.

К большому сожалению, Ася перенесла ещё одно потрясение в этой больнице. После выписки на третий день ей пришлось опять вернуться туда с высокой температурой. Хирург допустил непростительную ошибку при операции: зашил катетер 18 см длиной, и больной пришлось вновь пережить повторные операционные мучения и боли. Восстановление было невероятно трудным, но помогла Асина настойчивость и крепкая воля. Вместо слёз и стонов мы с ней делали лёгкий, небольшой комплекс упражнений. Нашла у врачей эти рекомендации и ходила с ней заниматься. Врачи удивлялись, но поощряли. Это позволило ей даже морально восстановиться. Выписавшись, она активно взялась за восстановление.

В Тибетском центре, куда, помня свою клятву, она пошла, преодолевая после операционную слабость, ей сделали особый восстановительный массаж. Её как бы реанимировали за несколько сеансов после издевательств в больнице.

Потихоньку она поправлялась, живя на даче в окружении старинного сада, вдыхая свежесть каждого утра. Но однажды, в тёплый летний вечер, звонит и приглашает на тайную встречу у неё в саду на даче, где она постоянно живёт.

— Что за тайна,— спрашиваю.

— Приходи, узнаешь, захвати какой-нибудь коврик, — проговорил она загадочно.

Я пришла в назначенный час и увидела знакомых из нашего посёлка, с некоторыми не виделись с юности. Разговоры, бурные воспоминания прервала Ася, пригласив всех в сад.

— Поговорим за чаем, а сейчас усаживайтесь вот под той старинной яблоней. Ещё папа эти Мичуринские яблони сажал в далёком лохматом году, — и показала в глубь сада.

Под старой развесистой яблоней все разложили свои коврики и сели. И вдруг появляется мужчина в национальной восточной одежде. Конечно, я узнала «нашего массажиста» из Тибетского центра. Оказывается, Ася с ним, не без труда, заранее договорилась об этом «представлении». Ведь у неё в крови забота больше о других, чем о себе. Из окна дома послышалась тихая музыка и он начал вести урок гимнастики типа Тайцзи и Цигун. Мягкие, плавные движения сидя и стоя, дыхание по восточной системе, без напряжения. Мы забыли все свои горести и волнения, расслабились. А чай в саду, с Асиным коронным пирогом из собственной вишни и ежевики, довершил неожиданные радости этого дня. Действительно, это был незабываемый для всех подарок от Аси, любящей жизнь и людей.

Моя подруга, пройдя множество непредвиденных осложнений, все-таки выжила, и мы ещё несколько лет с ней ходили по концертам, не забывая и о массажах, и о гимнастике. Хотя тот случай в больнице и был причиной слишком долгого её выздоровления.

* Клуб, созданный Г.С.Фридом — это высокая культура просвещённости, духовности и доброжелательства, в нем проводились увлекательные вечера фольклора и классической музыки разных эпох.

Евгения БЕЛОВА

АПТЕКАРЬ

На углу Пантелеймоновской и Гимназической улиц в тени раскидистых платанов притаился небольшой двухэтажный домик, первый этаж которого занимала аптека. Если смотреть с улицы на единственное окно аптеки, то в глубине её можно было увидеть множество мелких предметов, разложенных по полкам до потолка, и человеческую фигуру у противоположной стены, постоянно растирающую что-то в белой ступке большим белым пестом. Фигура принадлежала аптекарю Аркадию Перельману — старому низенькому и суетливому еврею с седой бородой, большим носом и красными, чуть вывернутыми наружу, нижними веками, отчего выражение его лица было преимущественно грустным. Перед аптекарем на красивом, витиеватого рисунка крючке покоились маленькие весы с черными чашами для взвешивания порошка; в гнёздах деревянной коробочки, стоящей под ними, блестели маленькие гирьки разного веса, и рядом стояли всякие лёгкие ступки и фарфоровые чашки. За спиной аптекаря во всю стену располагались полки, полные фаянсовыми, с крышками, банками, украшенными синими латинскими надписями, ютились колбы,

бутылки и множество пузырьков. Пузырьки были наполнены бесцветной и, наоборот, яркой жидкостью какого-нибудь цвета от коричневого, зелёного или синего цвета до ядовитого цвета фуксии. Всё это играло в пробивающемся внутрь аптеки в полдень солнечном луче, и будь Перельман не аптекарем, а художником, он мог бы их искусно расположить, создав подобие радужного витража. В выдвижных ящиках с бронзовыми ручками в виде лаврового венка хранились различные пилюли, порошки, гомеопатические средства, лепёшки от кашля и мыло. У боковой стены красовались и соревновались по изяществу формы бутылочки жидкого гематогена Гоммеля и кёльнской воды, а в бутылочках попроще ждала своего часа вода укропная. Чуть пониже стояли бутылки с минеральной водой «Куяльник», «Боржоми», а также содовой и сельтерской. Интерьер завершала стеклянная витрина с блестящими медицинскими инструментами, грелками и клизмами. В центре аптеки стояли два маленьких плетёных столика для желающих выпить в жару воды или в холод травяного чая.

Перельман был человеком общительным, что обусловливалось не только свойством его характера, но и законом успешной коммерции. «Если человек заходит в аптеку, а не купается на Ланжероне, — рассуждал аптекарь, — значит ему что-то нужно, и это нужно обязательно найдётся у Перельмана». К нему часто забегали младшие гимназисты из соседней мужской гимназии, и для них он всегда держал лимонные леденцы и мятные лепёшки. По улицам, на углу которых стояла аптека, целыми днями ехали разного рода телеги с самым невероятным грузом. Это могла быть рыба, которую везли с моря на Привоз, могли быть божественной красоты ароматные фрукты, которые развозили по соседним лавкам, только что испеченный хлеб, навоз, шорный товар, но всякий раз то, что провозилось мимо аптеки имело свой сочный и неотразимый аромат, разливающийся по улице, так что любого, кто входил со звоном колокольчика в аптеку, обдавало в дверях облако встречного запаха — провозимого мимо аромата, смешанного со скучным и неистребимым лекарственным духом аптеки, заставляя вошедшего сразу думать о бренном.

В тот день, жаркий и пыльный, Перельман, как всегда, толок что-то в ступке. У входа тихо звякнул колокольчик и в дверь вошёл темноволосый гимназист с длинными нервными руками, резко выступаю-

щим кадыком и оттопыренными ушами, по виду, из старших классов. На нём была несколько помятая форменная фуражка, и хотя пуговицы на гимнастёрке и пряжка ремня с цифрой «5» держались браво, было заметно, что гимназист относился к числу неудачников по части расположения к нему женского пола. Он нерешительно огляделся, с деланным равнодушием подошёл к витрине, что-то в ней рассматривая, и затем, как будто случайно увидев аптекаря, стараясь преодолеть дрожь в голосе, спросил:

— У вас есть мышьяк?

Перельман, который уже вышел из-за своего прилавка ему навстречу, спросил в свою очередь: — Простите великодушно, молодой человек, он вам нужен для собственного употребления или кого-нибудь другого травить будем?

— Мне для мышей, — ответил раздражённо гимназист.

— В таком случае, юноша, советую вам менее опасное, но более эффективное средство — заведите кота.

— Это не ваше дело! — с дрожью в голосе вскрикнул молодой человек. — Это моё дело, чем их морить! — в голосе послышались слёзы.

Перельман снял очки и мягко подошёл к гимназисту.

— Слушайте сюда, милый юноша, — и взяв гимназиста под локоть, подвёл его к окну, — вы видите ту цыганку, что попрошайничает напротив? Вы видите, как она молода и нежно качает своего ребёнка? И вы, наверное, думаете, что она нежная мать? Так вот, я, Аркадий Перельман, боюсь её больше всего на свете. И всё потому, что за все эти дни как она работает напротив моих окон, её ребёнок не издал ни одного звука. А это значит, что либо она качает куклу, либо, если это живой ребёнок, он с её помощью потребляет опиум. Вы понимаете, юноша, к чему я веду?

— Нет, — насупившись, ответил тот.

— Я её боюсь, потому что если какой-нибудь шлёма подаст ей копейку, это будет дело самого шлёмы. Но если к ней подойдёт господин полицейский, то это уже будет дело Аркадия Перельмана, потому что он подумает об опиуме и сразу нагрянет ко мне. А к кому же ещё, если я под боком? И как я докажу, что не я поставляю ей отраву? А тут ещё вы, молодой человек. На том пузырьке, что вы унесёте для мышей, будет

непременно бумажка с печатью моей аптеки. И тогда бедному Перельману не миновать тюрьмы. Заметьте, к вам не будет никаких претензий, они все будут ко мне. Знаете что? Давайте-ка лучше сейчас выпьем сельтерской (с каким сиропом хотите?)

Немного успокоитесь, назовёте имя вашей мыши, и мы поговорим за что нам дальше делать.

Аптекарь налил стакан сельтерской с малиновым сиропом и протянул его гимназисту. Юноша был бледен, его руки тряслись, зубы стучали о край стакана, и он послушно, как больной мальчик, которому дали лекарство, начал пить. — Ну вот, видите? И чем эта барышня довела вас до такого состояния? С её стороны можно было действовать тоньше. Она бросила ваши цветы на землю? Сказала, что папа ни за что на свете не согласится на вашу свадьбу? Молодой человек, мне бы ваши заботы.

— Нет, она просто не хочет со мной танцевать.

— Боже мой, юноша, вы, оказывается, совсем не знаете женщин! Она танцевала с другим, но всё время смотрела на вас? Таки я вас умоляю, она делала это, чтобы вы стали больным на голову и думали только о ней. Поверьте, Перельман никогда не ошибается. Аркадий Перельман ошибся только один раз.

— Тоже женщина? — серьёзно спросил гимназист.

— Да. И представьте себе, входит в аптеку довольно милая дамочка, таки с зонтиком, делает кислую физиономию и начинает плакать:

— Помогите, — рыдает, — у меня запои, жестокие запои...

— Мадам, — говорю я. — Никогда не поверю, что у вас запои. Вы неплохо выглядите, — а сам начинаю думать, чем я могу помочь такой милой особе. — И долго они у вас длятся?

— Один-два дня...

— О, мадам, — говорю я, старый Аркадий Перельман, — это же прекрасно, что так мало. Чем вам удаётся так быстро от них избавляться?

— Кьизмами, тойко кьизмами.

— Нет, вы видели, юноша, ещё такого осла, как Перельман, который думал, что он умнее всех на свете? Она просто не знала двух букв, и я чуть не стал её лечить совсем от другого.

Гимназист невольно улыбнулся.

— А теперь, юноша, поговорим за вашу Офелию.

— Она Катя, а не Офелия.

— Да,да, простите великодушно. Я мог перепутать. Офелия — это у Шекспира. Так неужели из-за танцев вы решили лишить себя жизни?

— Да, я ей отомщу. Я умру, и она будет плакать у моего гроба.

— Я вас умоляю! Как вы узнаете, что она будет плакать у вашего гроба? До чего же юноши бывают простодушны! А что вы собираетесь делать, если она совсем не подойдёт к вашему гробу?

Вы только зря умрёте! Ваша месть пропадёт, как воздух. Я хочу вам сказать, мужчины совсем не умеют мстить. Это удел женщины. О! Они делают это тонко и чтобы запомнилось на всю жизнь. Знаете, в моей практике был такой случай. Один господин совсем стал изменять своей жене. И это не удивительно, потому что он был, таки, красавец, редкий для всей Одессы. Если бы вы видели, какая красивая у него была борода! Таки вся светлая и курчавая. Я думаю, не одна дамочка чувствовала себя кошечкой, ласкаясь об эту бороду. И ко мне пришла его жена. К старому Перельману часто приходят те, кого обижают. Вы бы видели, юноша, как настойчиво она требовала у меня мышьяк. Мышьяк — это проклятие аптекарей. Я ещё не видел той мыши, для которой этот мышьяк покупался. Всё почему-то расходовалось, не дойдя до неё. И мы таки сели рядом с этой дамочкой, она выпила сельтерской, вот как вы, юноша. И её голова сразу прояснилась.

— Тогда, — говорит она, — дайте мне что-нибудь такое, что нельзя отмыть.

Я хочу сказать, что самое лучшее из того, что нельзя отмыть, это жидкость Кастеллани. Вы знаете эту жидкость? Нет? Вы счастливый человек! И вот представьте, просыпается утром муж, смотрит на себя в зеркало, а там на него тоже смотрит его борода, вся в ярчайших красных пятнах.

Спрашивается вопрос, можно ходить с такой бородой в приличном обществе, не говоря о дамах? Конечно, нет. И он сбрил бороду, и ничего не сказал жене. А что он мог сказать? Но через три дня дамочка подумала, что можно ночью покрасить его усы, и таки покрасила,

пока он храпел. Вы думаете, у него нашлось, что сказать жене? Таки нет. Он тихо сбрил усы. Но женщина не может быть женщиной, если не отомстит до конца. Так он лишился своей шевелюры и стал похож на айву. Вы видели когда-нибудь, чтобы дамочки болели на голову, глядя на айву? Я тоже нет.

— Так что же мне делать? — криво усмехнулся гимназист.

— А почему вам хочется что-то делать? Ваша Офелия умна, как Соломон, красива, как Саломея или у неё родинка под нижней губой? Боже ж мой! Полюбить родинку — всё равно, что барабульку в море. И вы всю жизнь собираетесь смотреть на эту родинку? Я вас умоляю. Когда через двадцать лет она будет кушать свой фиш, у неё под родинкой таки не будет зубов. Оно вам надо? Послушайте старого Перельмана, юноша. Идите домой и идите спать. Нет лучше лекарства от родинки, как хорошо выспаться. И когда завтра вы зайдёте к Аркадию Перельману, вы таки скажете, что старый Перельман всегда прав.

— Да, наверное, — более твёрдо, чем минуту назад, произнёс гимназист. — Конечно. Я пойду и ей назло высплюсь. Спасибо вам большое, — и направился к двери.

— Минуточку, — засеменил за ним аптекарь, — у вас есть заплатить за сельтерскую с сиропом?

Александр СИНЮКОВ

ШВЕЙЦАРИЯ

Неожиданные пробы

Стоял январь 1993 года. Я учился на 2 курсе театрального института. Наш мастер курса был руководителем крупного московского театра. И нас, студентов, понемногу занимали в спектаклях этого театра. Тут вдруг по Москве распространилась весть, что в Дома Актера на Арбате какой-то английский режиссер проводит пробы на свой фильм. Ему нужны молодые ребята-студенты. Думаю, дай схожу!

Приезжаю после репетиции ближе к вечеру в Дом Актёра, нахожу нужную комнату. Вижу довольно много молодых ребят моего возраста. Женщина со списком сначала на меня посмотрела удивлённо, но потом записала под девяносто восьмым номером. Нас по очереди стали вызывать в соседнюю большую комнату. Кто-то задерживался там подольше, кто-то вылетал пулей. Наконец вызвали меня. Захожу. В большой комнате сидит довольно много народа — человек восемь, а посередине за столом режиссёр. Я его узнал сразу по солидному виду, по костюму и очкам. При этом он был довольно молод. Он стал со мной разговаривать на русском языке с английским акцентом, по-

просил рассказать какую-то интересную историю. Я рассказал что-то смешное про своё поступление в институт. Потом он вдруг спросил, есть ли у меня любимая девушка. Я сказал, что есть. А он говорит: «А вы могли бы, если бы вдруг пришлось, убить человека ради любимой девушки?? ». А я был в то время довольно категоричным молодым человеком. Один знакомый даже называл меня «панком по жизни». И я отвечаю: «Да, мог бы» И я вижу, что мой ответ режиссёру понравился. Потом еще немного поговорили. Напоследок мне сказали: «Оставьте свои координаты». И я поехал домой в общагу. Особой надежды, что меня выберут, не было — на пробах было очень много ребят-студентов.

Однако спустя неделю на вахте общежития мне передали записку, где был номер телефона, и просьба позвонить по нему. Я позвонил, и женский голос мне сказал, что я понравился английскому режиссёру и меня вызывают на следующую пробу. На пробу надо было ехать утром. Помню, я проснулся около пяти утра, и от волнения не мог больше уснуть.

В этот раз народа на пробах было мало — передо мной сидел только один парень. С ним общались довольно долго, потом пригласили меня. Режиссёр встал мне навстречу с улыбкой, поздоровался, сказал с акцентом: «Меня зовут Джон Василевски. Я работаю в Англии на Би-Би-Си». Кроме него в комнате было человека три. Потом мы сели, и Джон Василевски рассказал мне вкратце сюжет будущего фильма. Действие происходит в Швейцарии, вскоре после того, как там в 1977 году похоронили Чарли Чаплина. Трое молодых людей — эмигрантов из России, решили разбогатеть. Они выкрали гроб с Чарли Чаплиным (!), спрятали его, а потом стали требовать с родных великого артиста выкуп за то, чтобы вернуть гроб. Но у них ничего не получилось. Сценарий основан на реальных событиях. Причём по жанру это должна была быть комедия. «Как вам эта история? » — спросил режиссёр. Я ответил, что нравится. «Мы хотим вас попробовать на главного персонажа. который придумал всю эту авантюру с чарли чаплиным. это бедныи молодог парень, бросивший театральный институт в России и переехавший в Швейцарию». Режиссёр дал мне листок с текстом и попросил прочесть монолог героя на камеру. Монолог был смешной. После пробы Джон Василевски громко захохотал, сказал «Гуд!», потом радушно со мной

попрощался. «Кстати, съёмки будут летом, в Швейцарии, на Женевском озере», — сказал он мне напоследок. Это было круто! Я тут же представил себе летнюю Швейцарию с голубым небом, зелёную шелковистую травку, синее Женевское озеро, а вокруг очертания Швейцарских Альп с белоснежными вершинами... И посреди всего этого я! А сколько денег можно заработать! «Хоть бы всё получилось! » — думал я про себя, когда ехал по зимней снежной Москве в общежитие.

Подготовка

Прошло недели две. Я узнал, что англичане уехали восвояси. И вдруг (опять волшебное «вдруг») мне снова передают на вахте общежития записку с просьбой позвонить. Все тот же женский голос по телефону мне сообщает, что Джон Василевски меня УТВЕРДИЛ на роль в свой фильм, а так как съёмки летом будут в Швейцарии, мне необходимо начать учить французский язык! Для этого мне надо начать брать уроки у репетитора. Через несколько дней первый урок. Вот это да! Контуры съёмок в Швейцарии стали вырисовываться более явно! «А за уроки я должен платить?» — испуганно спросил я. Денег у меня, бедного студента, не было, кое-как сводил концы с концами. «Нет, нет, уроки вам оплатят», — с улыбкой ответила девушка на том конце провода. Через несколько дней я увидел эту симпатичную девушку Лену. Она привела меня в квартиру возле станции метро «Красные ворота» и познакомила с моим будущим репетитором по французскому — пышной женщиной средних лет. Её звали Людмила Анатольевна.

Начались уроки французского. Этот язык был мне совершенно неизвестен. В школе мы изучали английский и по нему у меня было что-то между тройкой и четвёркой. То есть отношения с языком не очень складывались. Французский мы начали с азов. Я очень старался всё запомнить, но дело двигалось медленно. Уроки всегда происходили утром, около девяти. Меня встречала ещё сонная Людмила Анатольевна, мы с ней проходили в кухню и первым делом она поила меня чаем. Мне, как вечно голодному студенту, это было особенно приятно. Пару раз я утром встречался в дверях с мужчиной, выходившим от

Людмилы Анатольевны. По некой стыдливости поведения их обоих, я сделал вывод, что это не муж «француженки», а любовник. В такие утра Людмила Анатольевна (которая всегда встречала меня в халате) выглядела особенно томно.

Где-то в конце февраля в Москву приехал Джон Василевски, и меня пригласили на встречу с ним. Джон встретил меня в небольшой съёмной квартирке непрезентабельного вида. Кроме него там находился высокий мощный человек с длинными волосами и двуцветной — седой и чёрной — бородой. Человек выглядел настоящим богатырём.

— Это Афанасий Чернов, — представил его Джон, — он друг Венедикта Ерофеева. Вы ведь знаете этого писателя? Афанасий выведен у него в «Москве-Петушках» в образе Черноусого.

Еще бы! Конечно же я читал произведения Венички Ерофеева! Книга «Москва-Петушки» в своё время ходила по рукам. Она мне нравилась. Читал я и пьесу «Вальпургиева ночь или Шаги Командора». Оказалось, что Джон несколько лет назад снимал в России документальный фильм о Веничке Ерофееве. Тогда же он и познакомился с Афанасием Черновым. Я был очень взволнован — еще бы, общаюсь с другом Венедикта Ерофеева! Джон закурил, предложил мне. Я от волнения закурил тоже. Потом мы пили чай, а Афанасий Чернов рассказывал про дессидента Веничку. Например, как в советское время на 1 мая они с Веничкой взобрались на крышу сельсовета Петушков и сорвали с неё красный флаг. Потом провели 15 суток в милиции. Могло закончится хуже...

— Афанасий тоже будет сниматься в нашем фильме. Он будет играть роль одного из ваших друзей, — сказал мне Джон. — А второго вашего друга будет играть актёр-молдаванин. Он был у нас на пробах, очень понравился, но с тех пор мы его никак не можем отыскать. Да, очень хороший актёр, — застенчиво улыбнулся Афанасий. Вообще, в нём сочеталась физическая сила и застенчивость. Он как-то сразу располагал к себе. Джон предложил нам с Афанасием разыграть небольшой этюд, как мы договариваемся об афере с похищением тела Чарли Чаплина. Заснял его на небольшую камеру. Этюд вроде бы получился органичным.

— Потом, уже в марте, я ещё пару раз приезжал на квартиру Джона. Он сделал еще две кинопробы. Джон встречал меня, ставил чай, закуривал и предлагал сигареты мне. И хотя я тогда курил очень редко, отказываться стеснялся и курил вместе с Джоном, отчего у меня начинала болеть голова. Одну пробу мы записали у него в квартире, а другую на улице в телефонной будке. Я должен был по телефону требовать у вдовы Чарли Чаплина миллион долларов за возвращение тела её покойного мужа. Текст я импровизировал на ходу. Джон вроде бы пробой был доволен, а я — не совсем. Мне показалось, что в пробе не хватило юмора. Все-таки по жанру это была комедия! А ещё побаливала голова после сигарет.

Неудача

Джон Василевски в начале апреля уехал в Великобританию. Сказал, что вернётся через месяц. Ночами мне снилась Швейцария. Снилось, как я ныряю в Женевское озеро с прохладной и чистой водой. Выныриваю — а вокруг Альпы со снежными вершинами.. Уроки французского у меня продолжались. Они шли раз в неделю. Я еще раз перечёл «Москва— Петушки», чтобы больше настроится на роль. Параллельно у меня шла довольно напряжённая учёба в ГИТИСе. После одного из занятий я сказал педагогам, что меня утвердили на иностранный фильм производства Би-Би-Си. Что съёмки, мол, летом. Педагоги сдержанно меня поздравили, но сказали, что в июне до съёмок я должен обязательно сдать все экзамены, а также мастерство актёра.

Тут в апреле меня вызвали на студию «Три Т» Никиты Михалкова.

Оказывается, английский фильм Джона в нашей стране курировала эта студия. Студия самого Михалкова — это было круто! Помню, я долго искал в кривых московских переулках нужный дом. Наконец его увидел — на стене дома крупно красовались написанные завитками буквы «Три Т». Высокая миловидная женщина средних лет дружелюбно встретила меня, представилась Екатериной и попросила заполнить анкету. Потом меня сфотографировали и поставили в «Три Т» на учёт. «Будем вас иметь в виду для новых проектов», — сказала

женщина. Это было замечательно! Я уже мысленно предсталя, ка снимаюс в новом фильме Михалкова!

А потом повисла большая пауза. Прошли первомайские праздники. Я ждал звонка от англичан, но его всё не было. Углубился в репетиции в институте.

Наступила середина мая. И вдруг как-то после одного из занятий в ГИТИС, мне однокурсница говорит, что в институт заходили какие-то киношники-англичане и искали меня. «Сказали, что никак не могут тебя найти». «Какой-то Васи... Васи...», — не могла вспомнить она. «Василевски?», — переспросил я.

«Да, да, точно, он!», — ответила однокурсница, — «это было дня четыре назад. Но я тебя несколько дней не видела и поэтому говорю только сейчас. А они тебя не нашли?». «Нет», — отрицательно помотал головой я.

Это было очень странно! У Джона и его помощников были мои координаты. Они могли со мной связаться и через ГИТИС, и через общежитие. Как они могли меня потерять? В этот день занятия в институте закончились поздно. А на следующий день с утра по телефону, который мне дали в «Три Т», я позвонил Екатерине. В ответ я услышал её раздражённый голос: «Где вы были?! Вас везде искали и не смогли найти! Джон Василевски приехал с оператором и продюсером! Они уже завтра уезжают. В итоге им пришлось срочно проводить пробы и искать другого артиста на вашу роль!».

Я не мог поверить ушам. «Но как же так! Я никуда не уезжал. Они же раньше оставляли записки на вахте, чтобы я перезвонил... Меня можно было найти в гитисе...» «Ничего не могу вам сказать. Им срочно нужно было заключать договор с артистом на съёмки. Вас они не нашли. В итоге взяли студента-четверокурсника из ГИТИСа». «А как же я?», — чуть ли не со слезами прошептал. понимаю, что это неприятно, заговорила сочувственным тоном Екатерина, «Не переживайте. Мы будем вас иметь в виду на будущие проекты». И тут у меня промелькнула надежда: «Вы сказали, они уезжают завтра? А где они остановились? Я попробую их найти!». На том конце возникла пауза. «Хорошо, попробуйте... Насколько я знаю, они остановились в гостинице «Балчуг». «Спасибо», — выдохнул я. «До свидания!», — и екатерина отключилась. я сидел на диване возле вахты общежития и

тупо смотрел в одну точку. я не мог поверить, что все закончилось... Не может быть, чтобы они меня не могли найти! А может, не очень хотели?.. Как быстро нашёлся другой артист!

Но нужно было бороться до конца. Я решил поехать в гостиницу «Балчуг». Доехал я до нее только после обеда, потому что до этого у нас была репетиция экзамена по актёрскому мастерству. Гостиница «Балчуг» располагалась в самом центре Москвы, недалеко от Концертного зала «Россия». Сейчас там парк «Зарядье». Я прямо-таки вбежал в холл гостиницы и бросился к ресепшену. «Скажите пожалуйста, у вас остановилась киногруппа из Англии. Вы не могли бы сказать, в каких номерах они живут? Мне нужен режиссёр Джон Василевски». Ответ администратора ошеломил меня. «Я ничего вам не могу сказать ни о какой киногруппе. И ни о каком Джоне Василевски у меня нет никаких сведений»

«Ну как же, это киногруппа Би Би СИ. Они приехали некоторое время назад, завтра уезжают...». «Повторяю, молодой человек. У меня нет никакой информации». «А у кого еще можно спросить? » «Это бесполезно. Вам никто ничего не скажет». Последняя ниточка оборвалась... Так я и уехал из гостиницы, не солоно хлебавши. А может быть, надо было сесть у входа и ждать до ночи, пока не пройдёт Василевски? Но если они и правда не в «Балчуге»?

В общем, так я и не понял, что произошло. Конечно, сильно переживал. Обидно было, что я не увидел Швейцарию и не заработал хороших денег, которые так бы пригодились мне, небогатому студенту... Но слишком сильно переживать было некогда — близились экзамены, мы много репетировали. Естественно, уроки французского закончились. Мне было жаль — я привык к утренним занятиям с Людмилой Анатольевной...

Естественно, я сказал педагогам в институте, что съёмки у меня, похоже, отменились. Они поняли это по-своему. Один однокурсник сказал мне, что педагоги приводили ему меня в пример: дескать, вот Саша даже отказался от большой роли в кино, ради того, чтобы сдать экзамены за 2 курс! «Пусть думают так», — решил я. А ещё я тогда решил, что вскоре куплю хороший мотоцикл и буду на нём рассекать по городу, превышая скорость! То есть стану крутым, не смотря ни на что! Почему-то возникло именно такое намерение, хотя мотоцикл я

не водил никогда в жизни. Видимо, хотелось острыми ощущениями скрасить неудачу со съёмками... Эта мысль меня очень утешала.

Мотоцикл я так и не купил.

Время спустя

Судьба порой совершает удивительные виражи! Я и не знал, что спустя 4 с лишним года я снова встречусь с Джоном Василевски. И в очень неожиданном месте! Но до этого она (судьба) свела меня с Афанасием Черновым, тем самым другом Венедикта Ерофеева. После окончания ГИТИСа я работал в одном небольшом театре. Не скажу, что был там сильно занят. Оставалось много свободного времени. И мы со знакомым актером из театра им. Ермоловой и актрисой из театра им. Маяковского сделали совместную поэтическую программу. Она была посвящена поэтам середины 19 века: Тютчеву, Фету, Майкову, Полонскому... Несколько раз выступали с программой в разных местах. Однажды нам предложили выступить в Фонде Никиты Михалкова. Он располагался в большом старинном особняке рядом с метро «Кропоткинская». Выступление прошло успешно. И вдруг после него на выходе из зала я встречаю Афанасия Чернова! Он нисколько не изменился. Все та же борода, все те же длинные волосы. Оказывается, он был на нашем концерте, ему понравилось. Он сказал, что сотрудничает с Фондом Михалкова, стал расспрашивать меня о моих делах. Конечно же я спросил его, чем закончилась та история со съёмками английского фильма. Я про это почти ничего не знал.

— Все в порядке, сняли тогда фильм, — в своей краткой манере ответил Афанасий.

— Как и хотели, в Швейцарии? — спросил я. Со временем переживание той неудачи затихло. Мне просто было интересно.

— Да, съездили в Швейцарию. Вместо тебя снимался какой-то парень с курса Петра Фоменко. Я так и не знаю, почему ты не снимался.

— Честно говоря, я и сам не знаю... — засмеялся я. Но финансирование тогда сократили. Не получилось снять, что задумывали. В итоге фильм прошёл как-то незаметно. Его мало кто видел. Вроде бы Василевски опять собирается здесь что-то снимать... Поговорив

ещё немного, мы тепло попрощались с Афанасием. Приятно было видеть этого большого добродушного человека! А летом этого же года я, чтобы заработать денег, подрабатывал в массовке в кино. На киностудии «Мосфильм» был такой массовочный отдел. И однажды мне предложили принять участие в массовке российско-английского фильма «Стингер». Сначала мы ехали от Ярославского вокзала на электричке и что-то снимали там. А потом приехали на какую-то станцию, где недалеко располагалось большое поле. На этом поле должны были снимать массовую драку. Сказали, что с нами, участниками массовки, хочет поговорить режиссёр-англичанин. Подошел режиссер. Я смотрю — а это Джон Василевски! Он меня тоже сразу узнал. «О-о-о! Саша! Привет! » — заулыбался он. — «Как твои дела?» Я сказал, что закончил институт, работаю в театре. Потом Джон стал разводить массовую драку. И вдруг говорит второму режиссёру: «Это Саша, мы с ним знакомы. Пусть он не будет принимать участия в этой драке. Угостите его чаем». Как я понял, он просто пожалел меня, чтобы я не пострадал в этой жесткой драке. Меня отвели к месту, где располагалась съёмочная группа. Там я увидел высокого парня в очках. Парень был похож на студента. Он скромно сидел за столом и пил чай. Стали снимать драку. В перерыве между дублями ко мне подошёл Джон. «Рад тебя видеть, Саша! Давай я тебя познакомлю с артистом, который играет у нас главную роль». «Серёжа!» — обратился он к высокому студенту в очках. Тот подошёл к нам. «Саша, познакомься, это Сергей Бодров. А это Саша Синюков, мы с ним вместе работали. Он актёр, учился в ГИТИСе». И тут я узнал этого парня — он же снимался в недавно вышедшем фильме «Кавказский пленник»! В очках его узнать было трудно. Сергей улыбнулся своей скромной доброй улыбкой, пожал мне руку. Спросил, у кого я учился в ГИТИСе, чем сейчас занимаюсь. Я сказал. «А я учился в МГУ, сейчас учусь в аспирантуре», — улыбнулся он и показал на тетрадь на столе. — «Вот, занимаюсь».

Тут подошёл Джон, попросил напоить меня чаем, стал рассказывать про фильм, про артистов, которые в нём снимаются. О том, почему он тогда в 93-м не снял меня в фильме, ни я не спросил, ни он сам ничего не сказал. Как будто даже было не к месту говорить на эту тему... В общем, мы тепло простились, мне заплатили деньги за съёмку и я, не дожидаясь её конца, поехал на электричке домой. Внутри было приятное чувство. Вот так мы еще раз встретились с Джоном Василевски... Спустя много лет, в 2015 году, на очередной церемонии Американской Киноакадемии объявляли победителей «Оскара». В категории «Лучший фильм на иностранном языке» тогда победила англйско-польская картина. Фамилия режиссера показалось мне знакомой. «Василевски» — сказал диктор. Я не поверил ушам, потом бросился смотреть в интернете. И правда — режиссер картины Джон Василевски! Неужели тот самый, мой знакомый? Открыл его страницу в Википедии. На меня с фотографии смотрел и улыбался тот самый Джон Василевски! Только волосы у него уже были с сединой. Он получил «Оскара»! Это было поразительно! Я очень обрадовался за Джона!Все-таки он добился признания! Доказал, какой он режиссёр!

И где-то внутри мне было приятно, что я с ним сотрудничал.

А до Швейцарии я так пока и не доехал... Но всё впереди!

Рамиля МАЗНАЯ

ИВАН ДА МАРЬЯ

"В душе моей-пустынная пустыня, —
Так что ж стоите над пустой моей душой!"

(В.Высоцкий)

Отчаявшись получить квартиру в Уфе по очереди молодых специалистов, мы переехали по приглашению или по так называемому "вызову" в город Нижнекамск — город химиков и технологов в Татарии. Мой муж два или три месяца прожил в общежитии, потом нам дали комнату 10 метров в малосемейке, в небольшой двухкомнатной квартире. Этой крошечной комнате на пятом этаже без лифта, на окраине города мы были рады больше, чем всему остальному гораздо более комфортабельному жилью, полученному или купленному в последующие годы. Квартира была маленькая, общий коридор и очень маленькая узкая кухня, через окно которой я выпрыгивала на балкон для того, чтобы развесить бельё. У соседей была комната побольше

нашей с выходом на большой балкон. Кухня была крошечная, с маленьким окном, там удивительным образом размещались газовая плита, два обеденных стола с полочками внизу и два холодильника. Как мы там готовили еду, завтракали, обедали, ужинали, да даже просто передвигались, я сейчас не понимаю!!! Но жили мы дружно и даже счастливо. Мы были молоды, полны сил и мечтаний, наши дети были одногодками, им было по три года. А с маленькими детьми жить в небольшом городе очень удобно, потому что садик, школа, остановка, кинотеатр, магазин, дом культуры, поликлиника-всё рядом. Впервые за три года после рождения сына мы смогли спокойно ходить в кинотеатр, оставляя его играть в квартире с соседями и их дочкой.

Соседей звали Иван и Мария, они были рабочими на химкомбинате. Мой муж работал с Иваном в одном цеху. Мы работали инженерами, с 8 до 17 часов, с двумя выходными; они работали в три смены, по четыре дня с утра, после обеда и в ночь с одним выходным между пересменками. Наверное, и в этом был секрет нашей дружной жизни: мы не толпились в местах общего обитания одновременно.

Мария сразу на правах сторожила, сказала мне с усмешкой: "Вы грамотные, "энтеллигентные", а я шизанута на чистоте, болезнь у меня такая, поэтому ты будешь заниматься детьми, а я драить квартиру". Мои сомнения и возражения были отвергнуты: "Я всё равно буду драить, а так хоть ребёнку будет польза." Надо сказать, у неё действительно была мания чистоты, Маша тряпку из рук не выпускала, вещей у нас было мало, сантехника сияла серебром и сверкала белизной. Она была невероятно расторопна, у неё было чему поучиться, но угнаться нереально. Конечно, я тоже принимала участие в общем домохозяйстве, но надо признать, что всё блестело благодаря ей. А я с удовольствием занялась детьми. Вечером после работы и ужина или в выходные, мы садились читать, рисовать, лепить, играть. Я выписала в посылторге фильмоскоп и много диафильмов, может быть, сотню. Мы садились на пол, а дверь комнаты была экраном, сколько чарующих историй и завораживающих сказок посмотрели и прочитали мы, с повторами и остановками, обнявшись, соля, смеясь или вздыхая. Этот фильмоскоп мы потом при переезде оставили у дверей подъезда, а жаль, можно было с внучками реликтовые диафильмы посмотреть.

Иван и Мария были родом из соседних с Нижнекамском деревень, из многодетных семей: у Марии в семье было восемь братьев и сестёр, У Ивана-шесть, и все родственники жили в Нижнекамске или очень близко. Посчитали, сколько дней рождения в месяц? Невозможно сосчитать! Со временем, очень скоро, у моих соседей обнаружились некоторые особенности: они часто устраивали праздники-застолья с пирогами, с закусками. Зачастую начатая бутылка вина и какие-то продукты из нашего холодильника в наше отсутствие перекочёвывали на праздничный стол, но неукоснительно возвращались наутро в том же качестве и количестве. Мы под любым предлогом старались уйти из дома во время таких гулянок, но пойти нам особо было некуда, потому что наши родственники жили далеко, а друзей и знакомых у нас было мало. Нижнекамск, как нефтехимический город был построен с учётом розы ветров, на улице всегда было ветрено, много не нагуляешь с маленьким ребёнком, поэтому нам не всегда удавалось избегать таких застолий.

Маша с Ваней очень хорошо пели дуэтом, плавно вступали и дополняли друг друга. У Маши был такой богатый низкий грудной тембр голоса, а у Ивана-прекрасный тенор. В начале праздника обычно они пели эту песню:

"..Ты запомни, сынок,
Золотые слова —
Хлеб — всему голова,
Хлеб — всему голова... "

и так хорошо, душевно, временами надрывно они её исполняли, что вышибали слезу не только у меня. Мария была симпатичная, живая, с немного раскосыми глазами, она была похожа на Татьяну Самойлову. С хорошей фигурой, хотя немного коренастая, но с тонкой талией, с крепкими ногами и крупными, грубоватыми, натруженными руками, с короткими пальцами и маленькими пластинками ногтей. Смешливая и улыбчивая, хотя металлические коронки немного портили её улыбку, но это была такая примета времени и такая стоматология. И химическая завивка — мода была такая.

Потом шли другие песни и пляски. И на моих глазах происходила страшная метаморфоза: веселая, заводная Маша с приветливым взглядом, поющая и танцующая вместе со своим мужем и со своими братьями и сёстрами, во второй половине вечера мрачнела, потом начинала плакать у меня на груди, причитая низким голосом: "Ты не представляешь, Рамиля, какая ты хорошая, ты даже не представляешь!", говорила она речитативом!

Жуткие пьяные слёзы!

Смотреть в это время в её глаза было страшно, там была пустыня.

Пустота и мрак. Совершенно невидящие мутные, свинцово-сизые глаза. Правда, она словно натыкалась на мой внимательный и удивлённый взгляд, и быстро отводила свои глаза, как будто трезвела на долю мгновения.

Дальше шли подарки: она снимала с себя серёжки, бусы, цепочки и кольца, ну всё то немногочисленное, что у неё было... и дарила мне. Я, понимая ситуацию, все подарки с благодарностью принимала, аккуратно складывала в своей комнате. А наутро также аккуратно возвращала ей на тумбочку. Мы обе молчали. Я старалась не говорить о вчерашнем, потому что она начинала мне рассказывать о своём тяжёлом детстве: "Мои родители всегда ставили брагу, а для аромата добавляли черёмуху, так вот эта черёмуха была у нас вместо варенья и конфет. Все праздники и свадьбы на этой браге и самогонке проводили! А мы — дети всё лето свёклу пололи в колхозе, и всю одежду я всегда донашивала за старшими."

И слушать её мне было жалко и неприятно, потому что пьющих людей в наших с мужем семьях не было, и я считала тогда, что всё в руках человека: захотел и бросил пить...

Мы прожили в этой квартире около двух лет. Следом за нами и они переехали в новую квартиру, у нас родилась дочь, у них сын, но жизнь у Маши с Ваней не заладилась. Он пытался бороться с её недугом, иногда со мной советовался, больше жаловался. А потом ушёл из семьи.

Иногда я забегала к ней в гости, ничего не менялось: трезвая Мария — блеск и порядок, пьяная-мрак и пустыня.

Морали не будет. Тут и так всё ясно.

Андрей ВАГАНОВ

ВЕРСИИ КВАДРАТНОГО ЧЕРНОГО

«Произведение искусства — не то, что можно спутать с окружающей средой, а то, что от неё отличается».

Художник, дизайнер Виктор Вазарели (1906-1997)

«Человек есть животное, осознавшее возможности искусственного».

Инженер, философ, профессор Борис Кудрин (1934-2020)

Художникам не повезло: их всегда искушают два шедевра, которые — «на все времена»: «Джоконда» Леонардо да Винчи и «Черный квадрат» Каземира Малевича. Что бы там ни говорили, но любому автору, что-то делающему с холстом (доской, плитой, асфальтовым покрытием, стенами пакгаузов...) и красящими, оставляющими след веществами и вещами, приходится ориентироваться на эти две

реперные точки — «Джоконда» / «Черный квадрат». Причем, сразу отметим, что оба автора были абсолютно, холодно расчетливы. Но оба — по-разному: да Винчи — в безупречной перспективе и колорите; Малевич — в геометрической ритмике. Недаром колючий Фридрих Ницше напоминает: «Ритм порождает непреодолимую потребность подражать». Предлагаемый читателю текст — это просто попытка нафантазировать некоторые семиотические стратегии разглядывания простого и, одновременно, предельно семантически необычного объекта: «Черный квадрат» Казимира Малевича. (Иногда я буду использовать сокращение — «ЧК»).

В данном случае, уместнее поговорить именно о семиотике, нежели об эстетике. Не потому, что одно важнее другого — просто эстетические достоинства бывают более, чем очевидными: ракурс, запечатленный момент, колористическая игра, символика композиционная... Ничего это нет в супрематических опытах Малевича. Говорить о профессионализме художника в нашем случае бессмысленно. Сам Каземир настаивал в 1920 году: «О живописи в супрематизме не может быть и речи, живопись давно изжита, и сам художник предрассудок прошлого. <…..> Эстетический контроль отвергается как реакционная мера».

Если говорить, — как принято у математиков, — в пределе, гениальность Малевича К. — это риторическая гениальность: изобретение им термина «супрематизм» (от лат. supremus — наивысший»); этот термин был официально легализован Казимиром Малевичем на выставке «0,10» в Петрограде в декабре 1915 года. Где и был впервые представлен собственно «Черный квадрат». Кстати, он экспонировался в красном углу, там, где в русских избах и домах обычно висят иконы.

* * *

Древние греки не различали понятий «видеть» и «знать». Отсюда — лабораторная чистота их образа жизни в целом (греч. диета). Теперь древнегреческий афоризм редуцировался до журналистского штампа: не рассказывай — покажи. А что можно показать имея в виду «Черный квадрат»? Реально: черный и квадрат.

Не забудем, однако, упомянуть и обрамление — раму. Этот компонент играет определяющую роль в возникновении феномена повышенной вирулентности «Черного квадрата». Философ, поэт, кандидат философских наук Михаил Мартынов, например, ссылается на работу немецкого историка искусств Бенджамина Бухло (Buchloh B.H.D., 2002). Малевич (как и Родченко) стремились «раз и навсегда освободить живопись от эпистемы окна и от кажущейся вечной зависимости изображения от устройства пространственной перспективы».

Мы заметим, что этот план был реализован даже сверх ожиданий самого Малевича. Отняв перспективу, нам (зрителям) предлагают любоваться воздухом, самим пространством черного цвета.

Вот и Мартынов отмечает, что появлением «рамочной» технологии, «...мы обязаны прежде всего Казимиру Малевичу. Принцип ее работы очень простой: все, что обрамляется рамкой, становится искусством. То есть решительно все что угодно. <...> Рамка работает таким образом, что делает все попавшие в нее объекты эстетически ценными (неутилитарными), привилегированными по сравнению с другими объектами мира. То есть рамка предполагает изъятие, изоляцию и дальнейшее предполагает изъятие, изоляцию и дальнейшее представление этого изолированного в качестве предмета искусства» (Михаил Мартынов. Радикальный черный. Эссе о цвете, власти и современном искусстве. — М.: МСИ «Гараж», 2025. — 256 с.).

Английский писатель, критик и художник Джон Бергер (Берджер) добавляет к этой теме щепотку исторической фактуры: «Благодаря своим особым качествам масляная живопись легла в основу особой системы правил воспроизведения видимого мира. Суммарный итог этих правил — способ видения, изобретенный в масляной живописи. Часто говорят, что написанная маслом картина в раме подобна окну, за которым открывается мир. Примерно так в общих чертах и видит саму себя эта художественная традиция, с поправкой на те стилистические изменения (маньеризм, барокко, неоклассицизм, реализм и т.д.), которые происходили с ней на протяжении четырех веков. Мы пытаемся доказать, что если изучать культуру европейской масляной живописи в целом и если оставить в стороне ее утверждения о себе самой, то ее ближайшей аналогией окажется не окно, открытое

в мир, а сейф, встроенный в стену, сейф, в котором хранится то, что можно увидеть» (Бергер Дж. Искусство видеть. — СПБ: Клацдберри, 2012. — 184 с.). Напомним, кстати, что масляными красками начали писать в начале XV в., в Северной Европе.

* * *

Итак, «Черный квадрат», нечто чёрное квадратное, квадратное чёрное в раме... Точка сингулярности, экспоненциально раздувшаяся до размеров 79,5×79,5 см. Именно этот оригинал 1915-го года хранится в Третьяковской галерее в Москве. Там же — авторская копия 1929 года тех же размеров. Другие локусы хранения «Черных квадратов» — в Русском музее (106×106 см, 1923 г.) и Эрмитаже. То есть, расширение вселенной «Черного квадрата» продолжилось... до четырех.

Космологические, и даже космогонические коннотации в связи с «Черным квадратом» неизбежны и символичны. А символ, с точки зрения семиотики, устанавливает связь с абсолютом. «Символы важны. Они помогают объединять группы во что-то большее, нежели скопище посторонних... способствуют осмыслению общего и закладывают основы солидарности, или fratemite — братства», — отмечал современный британский социолог Гай Стэндинг. И это в нашем случае принципиально.

В метафизических и философских толкованиях «Чёрный квадрат» трактуется как символ Вселенского Нуля, Абсолюта, отражающего состояние вне времени и пространства. В физике — Абсолютно черное тело. Художник и теоретик Пауль Клее однажды сказал, что чем ужаснее этот мир, тем более абстрактно искусство.

«Чёрный квадрат» Казимира Малевича будто стал иллюстрацией этих слов. Напомним, впервые «К» был показан в 1915 году на выставке «0,10» в Петрограде. Что ж, как раз на этот период приходится не только апофеоз Первой мировой войны, постепенно превращавшейся в Первую химическую мировую войну, но и первые родовые муки рождения квантовой физики.

* * *

Впрочем, не будем задерживаться на очевидном. Хотя, можно ли говорить об «очевидном», имея в виду «Чёрный квадрат»? Ведь самая частая интерпретация этого объекта — Абсолютный (в математическом смысле) ноль. Искусство как квантовая запутанность, где наблюдатель (зритель) создает/задает смысл самим актом созерцания объекта. Причем, замечу, «ЧК» можно рассматривать (правильнее сказать — на «ЧК» можно смотреть), как на генератор случайной семантики. И в этом смысле, в этой прагматике, это — гениальный объект. Но только в этом.

А семантические артефакты, так или иначе, требуют вербализации, озвучания, описания. Хотя бы мысленно. Неслучайно Малевичу приходилось так много и так часто высказываться относительно «ЧК», создавать текстовое облако вокруг взятого в раму черного квадратного. Опять же, неслучайно и многотомность его собрания сочинений — в пяти томах (М.: Гилея, 1995).

«Черный супрематический квадрат» вырос из точки-мухи в слона под названием «супрематизм». Настоящая точка может быть только черной. По-видимому, у Малевича просто не было другого пути — кроме как упереться лбом в «ЧК», так как точка может быть только черной. Да и мухи, по преимуществу — черны. «ЧК» — это черный слон Казимира Малевича. Изображение черного цвета как симптом, а не объект искусствоведческого исследования. Вот что перед нами. Симптом — социального, социума. Чистота жанра нарушена и подобна квантовой запутанности.

В классической литературе был когда-то достаточно распространен этот жанр — экфрасис: описание заданного изображения (картины, скульптуры) предельно подробно. Итальянский медиевист Умберто Эко приводит такой пример: «Рассказывают, что когда в 1506 году в Риме откопали знаменитую античную скульптурную группу «Лаокоон с сыновьями», то сразу опознали её по словесному описанию из «Естественной истории» Плиния Старшего». «Черный квадрат» — тот случай, когда для описания картины (картины ли?) вовсе не требуется воспроизводить саму картину — ни визуально, ни вербально. Экфрасис здесь не работает: попробуйте описать словами просто черный квадрат.

Может быть только у Иосифа Бродского, в известном стихотворении «Черный конь», находим:

«Он чёрен был, как ночь, как пустота...»

Так чёрен, как внутри себя игла…..».

Идеальная характеристика, эксфразис «Черного квадрата». «ЧК» — идеальное, абсолютное означающее само по себе; и не требует наличия означаемого. Даже если бы не существовало несколько экземпляров, зафиксированного в материале (материи в философском смысле) «Чёрного квадрата», Казимира Малевича признали бы гениальным художником. Такова моя гипотеза.

Американский писатель Курт Воннегут вспоминал, как художник Джеймс Брукс, патриарх абстракционизма, «говорил мне <Воннегуту> об идеальном настрое для художника, стремящегося непосредственно прикоснуться к бессознательному: "Я делаю первый мазок краской. А затем сам холст должен выполнить за меня половину работы, не меньше, — только так". <..> И назовите мне другую идею относительно источников художественного вдохновения, способную заставить живописца, принявшегося за полотно, до такой степени не обращать внимания на реальность — ни малейшего внимания».

* * *

Последнее замечание. Феноменологическая заумь, если угодно. Почему «черный» — более или менее понятно. Но почему именно «квадрат»? И именно «Черный квадрат» признан иконой супрематизма. А ведь на той петроградской выставке 1915 года демонстрировался супрематический триптих. В него, помимо «ЧК», входят не менее известные работы «Чёрный круг» и «Чёрный крест». Скажем, капли, сферы и шары — это природное. Более природное, чем квадратное (кубическое). Натура тяготеет к сферическому минимализму: это уже даже не эстетика, а сугубая термодинамика — минимальная из возможных поверхностей при заданном объеме. Солнце, Земля, перекати поле, кавитация, дождь, градины, цветущий одуванчик, болотные пузыри... В общем, «hubble bubble» — булькающий звук, бессвязный

разговор. Пена (в том числе, пена Вселенных), сфера разума (ноосфера), биосфера, техносфера, геосфера, ионосфера, космосфера... Вода кипит сферами (булькает), но отнюдь не кубиками. Квадрат, куб — это самое антиприродное, что только можно помыслить. И... Да — это интригует.

«Черный квадрат» — это попытка вырваться из природной оболочки. (Кстати, само слово «оболочка» и однокоренное — «баллон», порождает на инстинктивном уровне шарообразные мыслеформы. Малевич — это не про живопись; это — визуальный способ воздействия на психосоматику. И это завораживает, иногда и в прямом смысле, — управление состоянием другого объекта. То есть, нас с вами, наблюдателей, зрителей, кураторов, экскурсоводов, искусствоведов. Таким образом, «Черный квадрат» вовсе не объект визуальный, не изобразительное искусство. Это — черное и квадратное — метатекст. Поэтому каждый вычитывает из него свои нарративы. Уберите подпись: «Казимир Малевич. Черный квадрат» — и вся символика и метафизика «ЧК» испарятся, как лужица жидкого азота. Подпись — не изобразительное искусство в данном случае (в отличие от каллиграфии). И даже рама не спасает «ЧК».

Тот случай, когда изображение не рассказывает нам о том, что мы называем реальностью; о мельтешение и коллизиях протоплазмы («кваканье плоти»), в бесконечных муках добывающей себе средства и основания к существованию... Зачем ей, протоплазме, это существование, этот нырок из бесконечного и всеобъемлющего Ничто — в пространственно-временной континуум?

На этот вопрос человечество пытается отвечать уже почти три тысячи лет, минимум. А вот, устройство для такого «перехода» случайно изобрел в 1915 году в воюющей на фронтах Первой мировой Российской империи Казимир Малевич — «Черный квадрат».

Виталий ОМСКИЙ

ДАР ПЕРЕСМЕШНИКА

Эссе к 85-летию Сергея Довлатова

Каждому писателю требуется хороший личный критик, настоящий литературный друг. И чем лучше писатель, тем больше у него такой нужды. Его хвалят, а он понимает, что это сладкая порча, змий-искуситель. Сергей Довлатов о личном критике мечтал. Наверно, чувствовал способность поднять свой уровень еще выше.

И мечту свою осуществил: только кто сегодняшние критики его?

Он не был, как известно, баловнем судьбы. Его считали всего лишь мастером хохмы. Потом Бродский нашел в себе силы отметить в его стиле некоторую поэтичность, в смысле, художественность. И до сих пор мало кто сравнится с Довлатовым не только уникальным стилем, но и популярностью. Но феномен налицо, а внятного объяснения не прочесть. Уже до Набокова, непревзойденного стилиста, зоилы добрались. И только Довлатов-писатель как бы лишен недостатков. Это при том, что сам он высмеивал все на свете. Родителей, родственни-

ков, жен, друзей, коллег, систему, других писателей, живых, и даже классиков. Жизнь текущую и прошедшую задолго до него. С особенным смаком — запредельно личный интим. Как его, такого большого и беззащитного, соблазняли, как он не давался и как обмануто уступал. Объяснение можно найти у Тургенева: «Человек о многом говорит интересно, но с аппетитом только о себе».

Это стало его фишкой. Медики допускают редкое органическое поражение мозга юмором. Короче, он не виноват, что так видел мир и людей, так к ним относился, и так, что особенно важно, относился к самому себе. Себя-то он тоже высмеивал, можно сказать, не переводя дыхания, безошибочно глумился над собой. И это сработало. Оказывается, это захватывающе интересно читать.

Но чем был юмор для него? Перенесем объяснение в концовку.

Кто и когда так писал до нашего автора? Пожалуй, никто. А читатель у нас подходящий: юмор любит, чувствует, понимает. Мы в этом смысле — не какие-то сумрачные немцы или скандинавы. Правда, туповато путаем юмор с пошлостью, особенно наши юмористы этим отличаются. Но если это хорошая литература... Бродский никого из современных прозаиков не читал. А новую книжку Довлатова мог одолеть за один присест в три-четыре часа. Тоже был любитель поржать.

Но напрашивается еще не выдвигавшееся объяснение. Проза Довлатова представляет собой не только непрерывный показ смешного, но и смешное его осмысливание, а это уже интеллектуальный блеск на фоне тусклого сочинительства других.

Тут справедливо было бы назвать несколько имен. Но — бестактно. У них существенное отличие от Довлатова. Они смеются не над всеми и не надо всем. И сами они в их прозе не на первом плане. И жизнь в их рассказах, повестях, пьесах, сценариях отображается не одними смешными сторонами. Так что Довлатов был и остается пересмешником номер один. Со всеми, конечно, минусами такой характеристики, которые здесь специально не упомянуты...

Был... Но может быть сегодня кто-то подрос и претендует на его место? Признаем, хотя это странно и обидно. Никто. Хотя никто пальцем не грозит. Полный штиль, даже легкой ряби нет в нашем литературном море. Но повисли паруса.

Хочется считать, безвременье. Затишье перед свежим ветром. Растут таланты.

Просто не могут не расти. И что-то непременно должны взять у Довлатова. Бродский посматривал на него свысока. Однако же угадывал особый дар писать прозу. В чем этот дар? В чем особость стиля?

Выпишем то, что уже кем-то подмечено.

«Рассказы его держатся более всего на ритме фразы, на каденции авторской речи. Они написаны, как стихотворения: сюжет в них имеет значение второстепенное, он только повод для речи. Это скорее пение, чем повествование».

«Он стремился на бумаге к лаконичности, к лапидарности, присущей поэтической речи: к предельной емкости выражения».

«Мы — нация многословная и многослойная; мы — люди придаточного предложения, завихряющихся прилагательных. Говорящий кратко, тем более, кратко пишущий, обескураживает и как бы компрометирует словесную нашу избыточность». «Его предложения укорачивались для того, чтобы повысить удельный вес каждой фразы, чтобы мысль или образ не смешивались с другими. Это — американская школа — более всего Хемингуэя, хотя его Довлатов в зрелости не слишком чтил».

И еще добавим: Довлатов разработал новую форму прозы, можно назвать ее захлёбом, когда цепляет каждый абзац и каждая строка, и потому читается взахлеб. Он каждую секунду боится потерять читателя. То, что на самом деле было с ним, он ловко перемешивает с тем, что нужно сказать ему в данной сцене. Получается, увлекательная правда обычно рутинного бытия. Это особенная драматургия, так в идеале должны писаться пьесы и сценарии. Но это — дебри. Об этом — не здесь и не сейчас.

По Пушкину, стихи и проза различны меж собой, как вода и камень, лед и пламень. Но Довлатов что-то с этим сделал. Превознося поэзию, имея с Довлатовым разные представления о художественности, Бродский возвысил прозу Довлатова в ранг стиха. Возможно, не хотел оставаться в каком-то долгу.

Каждый писатель вырастает из своей предыдущей жизни, из своей психологии, своего характера, своих увлечений, своего ума и образованности, своей культуры и морали. Кто читал рукописи неко-

торых классиков, тот страшно удивлялся, множеству всевозможных ошибок. Ошибки исправлялись корректорами. Довлатову корректоры не были нужны. Он сам был прирожденный филолог, лучше сказать, гуманитарий. Каждое слово звучало в его голове, перед тем, как обозначиться на бумаге, как-то совсем не так, как у других писателей, донося до читателя не только какой-то смысл, но и ту неслышную музыкальность, которая и позволяет читать его часами не отрываясь, будто медитируя. Но это не музыкальность прозы Набокова, часто лишенная внятного смысла, а музыка, соединенная с иронией, юмором, сарказмом. С уже упомянутым интеллектом.

Что касается культуры и морали, то Довлатов, совсем как Горький, «был рожден не соглашаться». Но не соглашался он не песней о Буревестнике, а все тем же инструментом из иронии, юмора и сарказма. Горькому это не было дано по той простой причине, что он не был филологом от Бога, что он и сам не раз признавал.

Бродский в своем эссе «О Сереже Довлатове писал: «Читать его легко. Он как бы не требует к себе внимания, не настаивает на своих умозаключениях или наблюдениях над человеческой природой, не навязывает себя читателю. Я проглатывал его книги в среднем за три-четыре часа непрерывного чтения: потому что именно от этой ненавязчивости его тона трудно было оторваться. Неизменная реакция на его рассказы и повести — признательность за отсутствие претензии, за трезвость взгляда на вещи, за эту негромкую музыку здравого смысла, звучащую в любом его абзаце. Тон его речи воспитывает в читателе сдержанность и действует отрезвляюще: вы становитесь им, и это лучшая терапия, которая может быть предложена современнику, не говоря — потомку». Написано почти изящно, но ни одной конкретной оценки писательского стиля Довлатова. Все вокруг да около. «Воспитывает сдержанность», «действует отрезвляюще», «терапия», «отсутствие претензии», «не требует, не настаивает, не навязывает».

А ведь особенности Довлатова давно уже косвенно объяснил Василий Розанов:

«Русская литература с сатиры начиналась (Кантемир). Новиков, Радищев, Фонвизин, а затем Щедрин и Некрасов были популярней Пушкина».

«Секрет писательства заключается в вечной и невольной музыке в душе. Если ее нет, человек может только «сделать из себя писателя». Но он не писатель».

Ну и наконец: «Дело в том, что таланты наши как-то связаны с пороками, а добродетели — с бесцветностью».

Довлатов писал не только о себе, а о всех умных и талантливых, честных и откровенных, грамотных и культурных людях, которые маются тем, что не нужны своей стране, и такая страна им не нужна, и они сами себе, такие, тоже не нужны. То есть писал отчасти и о Бродском тоже. Но в конце концов стал нужен.

Начиная с 91-года, всего за одно десятилетие, из малоизвестного писателя-анекдотиста Довлатов превратился почти в классика, и популярность его не ослабевает, и, возможно, будет расти вместе с ростом популяции умных, культурных, с чем-то категорически несогласных людей. И все же: чем был юмор (ирония, сарказм) для него? В одном месте он как бы даже признался, что «вечная ирония — единственное оружие беззащитных». Так похоже на искренность, отличный способ раскрывать все, что угодно, только не свою душу. Чем сильнее писатель, тем необъятней его одиночество. Это и делает его беззащитным, но и бесчувственным. Примерно так считали братья Гонкуры, считавшие, что сердце большого писателя как бы превращается в мозг, и он не очень нуждается в привязанности к жене и детям, к кому бы то ни было.

Творчество, прости Господи, это одиночество. Чем больше творчество, тем больше одиночества. От этого у некоторых и прихватывает сердце. Или рука тянется к ружью.

В «Заповеднике» можно прочесть: «Снял ружье и думаю — не пора ли застрелиться?» Считается, что критик нужен писателю для того, чтобы объяснять ему, что он пишет и как пишет. И даже то, о чем ему лучше бы дальше писать. Довлатов в таком критике нуждался и можно не сомневаться, что выслушивал его. Но все равно писал по-своему. В своем отношении к нему критики были больше поклонниками его таланта.

Вячеслав ЗИБОРОВ

СИБИРСКИЙ ХАРАКТЕР

Не скрою, чтобы подготовить этот материал, со Степаном и Валентиной Соловьёвыми, жителями с. Становое, одноименного округа Липецкой области, потребовалось встретиться несколько раз. После того, как «первопроходцы» переместились из таежных просторов в наш район, о его красотах они рассказали своим друзьям-сибирякам, а те, в свою очередь, своим единомышленникам. Тогда-то сюда и прибыли на ПМЖ, не менее двадцати семей. Так в нашем муниципалитете после начала, так называемой «перестройки», появилась целая усть-илимская диаспора. Они украсили старинное русское, центральное село Становое, укрепили сибирским духом и одноимённый муниципальный округ, который в июле 2026 года отметил своё 98-летие.

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

1966 год. Повсюду нужны рабочие силы, а тут объявление в «Комсомольской правде» о том, что Усть-Илимск, город на северо-западе Иркутской области, приглашает комсомольцев на стройку. Одновременно с возведением ГЭС, там заложили и город. И молодая жительница села Волово Валентина Ефимцева приняла решение: «Еду туда! Если не понравится, там недалеко, в Братске, живёт тетя...». Валентина так и сказала дома, что едет к маминой сестре — Марии Сергеевне. По месту назначения вчерашнюю школьницу встретила не тётя Маша, а совсем незнакомый дядя, прораб по фамилии Яценко. Первое, что он произнёс: «А куда же я тебя дену?» — Общежитие только строится, езжать домой к маме».

— А как же я вернусь? Нужны деньги на проезд, — со слезами на глазах произнесла девушка. — А у меня их нет. Вот заработаю на обратный путь, может, и уеду. А когда комсомолка сказала, что приехала по зову партии, что билет члена ВЛКСМ в кармане не даёт ей такого права, строгий прораб сменил гнев на милость: нашёл временное место для проживания и назначил Валентину... плотником третьего разряда. Слава Богу, девушка сельская, топор и пилу в руках держала, дрова дома на зиму заготавливала. Вот такая первая запись появилась в её трудовой книжке. А далее жизнь пошла своим чередом. Трудно было привыкнуть к климату, где в году 10 месяцев зима, остальные — лето. Но появилась новая работа, более женская и более перспективная — таксировщик, затем диспетчер. Усть-Илимская ГЭС возводилась интернациональным методом с участием специалистов из стран СЭВ, входящих в социалистический лагерь. Здесь было 300 строителей из ГДР, 200 — из Болгарии, примерно столько же из Венгрии и... два человека из Румынии. В этот период роль паспортно-визовой службы возрастала многократно. Главное: не ударить в грязь лицом перед представителями дружественных республик. Вот тогда-то участковый инспектор Александр Ривенко заприметил исполнительную девушку из Липецкой области и пригласил на работу в РОВД. С тех пор и началась милицейская служба Валентины Александровны. «Так вот и случилось, что в сибирских краях я «застряла» на 22 года», — вспоминает она с улыбкой. — Конечно, выражение

образное, работы хватало днём и ночью, как говорится, без выходных и проходных. Заочно пришлось грызть гранит правоохранительной науки в Высшей школе милиции (Иркутский филиал), получая специальность «юрист». Особо строго спрашивали за работу с иностранцами. Вопрос стоял однозначно: все до одного командированного на стройку, после выполнения ими определённого ранее объёма работ, должны вернуться живыми и невредимыми к своим семьям. Но однажды здоровья не хватило у одного из двух румын, не рассчитал свои возможности. Так вот, вышестоящие работники МВД устроили местным паспортистам настоящий разгон за якобы отсутствие должного контроля, и ещё за то, что не сберегли половину (!) специалистов из Румынии. Жизнь для сотрудницы милиции сложилась так, что ей одной пришлось воспитывать сына Александра и дочь Алёну. И затаилась в душе уже взрослой женщины мысль — вернуться в свою область, Липецкую. Ностальгия начала мучать майора милиции, да так, что щемило сердце. А теперь, пока поставим «запятую». У этой истории есть продолжение.

ЗЕМСКИЙ ВРАЧ

Так случилось, то ли по воле Божьей, то ли по другим политическим или экономическим соображениям, но к счастью, появилось Послание президента России Владимира Путина Федеральному собранию, где он прямо поставил вопрос о дальнейшем совершенствовании института земских докторов, об их важности и необходимости в нашем обществе, особенно в сельской местности. Вот тогда-то и подумалось, а у нас они уже есть, и, неплохо работают, кстати. Один из них — врач-терапевт Становлянской райбольницы Степан Соловьёв. Чем не земский врач? По его словам, за годы работы в районе он побывал на участке чуть ли не в каждом доме, где нужна была экстренная врачебная помощь и не только. На мой взгляд, по миллиону рублей надо выплачивать не только тем, кто пожелал работать в деревне, но и тем, кто не менее 25 лет оказывал медпомощь в бюджетных учреждениях здравоохранения сельской местности. Свою деятельность Степан Васильевич начал после окончания Иркутского мединститута в 1975 году. В Усть-Илимск прибыл в сорокалетнем возрасте из Бурятии. В семейном плане его судьба повторилась с судьбой нашей героини. С доктором остался сын, и тоже Саша. А когда в 1985 году «просто встретились два одиночества, развели у дороги костёр», говоря словами песни, под одной крышей образовалась семья из пяти человек, в которой было два Александра. Только вот судьба у них сложилась по-разному. Сын Степана Васильевича, будучи на охоте, погиб от случайной пули, успев до этого рокового выстрела, отслужить два года в Чехословакии, выполняя интернациональный долг и завести семью. Второй Александр стал командиром экипажа «Боинга-737». Водит суперлайнеры, а до того с «красным» дипломом окончил академию имени Жуковского, отслужил в Вооруженных силах, сопровождал президентские кортежи на ИЛ-76. А теперь давайте вспомним, чем закончилась первая часть нашего очерка о страстном желании работника МВД Валентины Соловьёвой вернуться в наши края. Её муж и слышать не хотел об этом.

— Нет и всё, говорил он. — Куда же я без Сибири, без таёжной и родной стихии, любимой работы, близких и друзей. И вот тогда-то, Валентина Александровна применила женское «дальнобойное орудие». В один из вечеров милицейский начальник отдела паспортно-визовой службы взяла шариковую ручку, перекрестилась, попросила прощения у Господа Бога и вывела в титульной части листа: «Начальнику управления здравоохранения Липецкой области...». А дальше от имени супруга изложила всю суть просьбы. Что я, мол, врач, мне сорок лет, работаю терапевтом, прошёл специализацию эндокринолога, флюорографа, патологоанатома и т.д. И приписка в конце: «Жду с нетерпением вызова!». И... документ из Липецка с приглашением на работу пришёл! С удивлением его читал ничего не подозревающий о письме далекий сибирский адресат. И тогда, чтобы нормализовать обстановку в семье, решил Степан Васильевич поехать в «разведку», посмотреть, чем живёт Липецкий облздравотдел. И получилось так, что целых девять месяцев длилась его командировка в Становлянском районе, родине десяти Героев Советского Союза и трёх Героев России, видных военачальников, деятелей литературы и искусства... И сибиряк сдался. Уж больно понравилось ему в наших краях: и место, и природа, и работа в местной больнице,

и кадровый состав медперсонала, и люди, и выделение отдельного благоустроенного дома рядом с лечебным учреждением в живописном месте, которых здесь немало. Можно представить радость милицейского майора, у которой уже был заготовлен рапорт о переводе её в Липецкую область, по месту работы мужа с целью воссоединения с семьей. И когда всё получилось, Валентина Александровна покаялась: «Прости меня, Стёпа, хочешь, я встану на колени перед тобой, но всё это сделала я ради нас, ради детей, ради будущего». Как хорошо воспитанный человек, сын фронтовика Василия Степановича — кавалера двух орденов Красной Звезды — даже виду не показал от своей обиды, напротив, он обнял свою половинку и ласково произнёс: «Спасибо, моя дорогая!

Ты поступила совершенно правильно». С той поры много воды утекло в сибирской Ангаре, где иногда на несколько дней отпуска, появлялся и наш герой. Тридцать лет открывал дверь в свой рабочий кабинет на втором этаже поликлиники доктор Соловьёв. Он занимал скромную должность участкового терапевта, обслуживал несколько улиц райцентра, а также Пальна-Михайловскую и Красно-Полянскую сельские территории, ходил на дежурства, посещал дневной стационар, в свободное время обожал игру в шахматы, походы за грибами, ухаживанием за садом и огородом. Приём своих пациентов начинал с осмотра с помощью биолокационной рамки. Конечно, точный диагноз таким образом установить нельзя, но главное направление болевой точки с помощью биополя человека, вычислить можно. Это метод испытанный в системе здравоохранения, помогал установить место болезни опытному медработнику. А ещё доктор освоил нетрадиционное лечение, так называемое «SU-JOK», где первый слог означает кисть, а второй — стопа. Практиковал доктор и систему углоукалывания или иглорефлексотерапии. Некоторые сельчане, писали, звонили «знахарю» и благодарили: «Спасибо, доктор, мне стало легче, мне ваш совет помог!» Для доктора — бальзам на душу! И вот ветеран медицины, в свои 72 года собрался на заслуженный отдых. Да кто ж его отпустит на «дембель»: главврач против, коллеги и пациенты тоже. Да и звание «Отличник медицины», которое было присвоено ему в 2006 году, чисто в моральном плане не позволило оставить привычное место работы.

И в заключение ...Проходят дни, проходят годы, растворяются в памяти отдельные эпизоды. Но хорошее, всё-таки, запоминается навсегда. В этой семье положительных эмоций было гораздо больше. Казалось, что и дальше будет продолжаться семейная идиллия в семье Соловьёвых. К сожалению, спасая сутками других, попал под жернова коронавируса и ветеран-терапевт. Выжить Степану Васильевичу не удалось. Но добрую память о себе, доктор-сибиряк оставил в душах и сердцах своих пациентов, родных и близких. В моей памяти — тоже! Хороший он был человек...

Константин ФИЛОБОК

ШТАМПЫ ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ С НАЗВАНИЕМ ГОРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ УССР В 1942 Г.

В 1940г. в ряде отраслей промышленности организовываются специальные военные отделы. 2 июня 1941г. «В целях усиления военной цензуры СССР и перевода её на военный лад» учреждается должность гл. военного цензора (сокращённо ВЦ) при СК СССР и Положение о нём. Начало Великой Отечественной войны увеличило объём почтовой корреспонденции и потребовало увеличения штата военной цензуры (сокращённо ВЦ) в разы. На организованное при СНК СССР 3-е Управление НКО возлагают карательные функции и передают осуществление ВЦ почтовой и телеграфной корреспонденции на территориях СССР, находящихся на военном положении. С июля 1942г. ВЦ вводится по всей территории Советского Союза. Задачи 3-го Управления НКО включали: борьбу с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и антисоветскими проявле-

ниями в Красной Армии; выявление и информирование командования соединений и частей армии о недочётах в их состоянии, а также о компрометирующих материалах и сведениях на военнослужащих. Для этого при военно-почтовых сортировочных пунктах, военно-почтовых базах, военно-почтовых отделениях и станциях были созданы отделения военной цензуры.

С февраля 1942г. цензоры, работающие при ВПСП в городах СССР стали ставить, на проверенной ими корреспонденции, оттиск личного штампа с номером, присвоенным цензору и с названием города, где он осуществлял проверку. На просмотренной корреспонденции накладывался штамп «Просмотрено военной цензурой» (Редко на штампах цензуры стоит надпись «**ПРОВЕРЕНО**») с указанием города, номера военно-почтового сортировочного пункта либо литеры военно-почтовой базы, через которые прошла корреспонденция. Штампы цензуры городов имеют большую географию — от городов Украинской СССР до Магадана. К большому сожалению, невозможен доступ к архивным документам, чтобы изучить данные, когда конкретно ввели и сколько дней ставили штамп в конкретном городе. В связи с неудачной военной кампанией 1942 г. количество штампов с названиями городов быстро увеличивалось по мере отступления Советской армии.

Пример тому — редко встречающиеся штампы цензуры Купянска (рис. 1), Сватово (рис. 2), Старобельска (рис. 3) и Ворошиловграда (рис. 4). Временной период — с мая 1942 г. по июнь 1942 г.

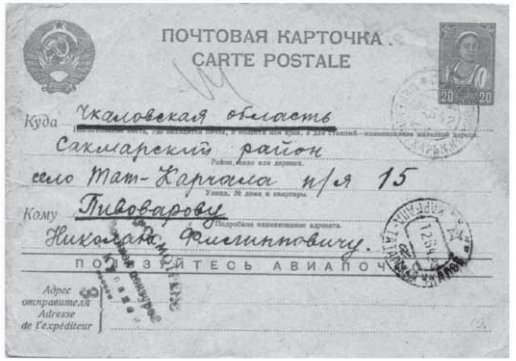


Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

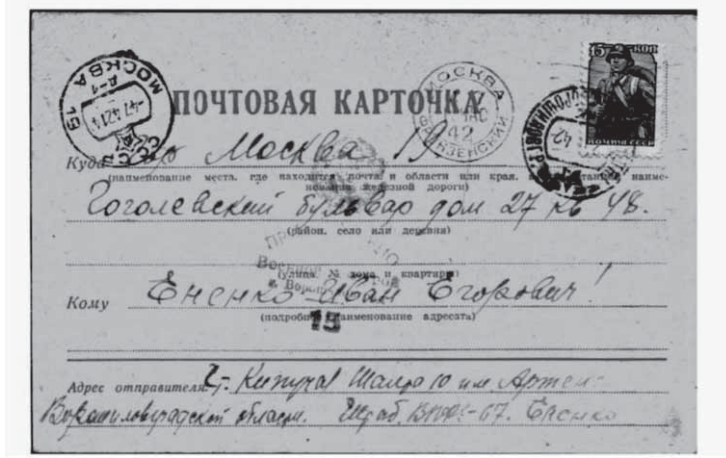


Рис. 4

1. **Купянск** (Харьковская область). В ходе ВОВ правительство УССР эвакуировалось из Киева в Харьков, а затем в Купянск (поэтому Купянск считался третьей столицей Украины). С 25 октября 1941 по 24 июня 1942, с 4 по 17 февраля 1943 и с 16 марта по 23 августа 1943 года Купянск был административным центром Харьковской области. 24 июня 1942 года нагорная часть города оккупирована немецкими войсками (пригород Заосколье — на несколько дней позже). 2-3 февраля 1943 года в ходе Ворошиловградской операции город освобождён. Весной 1943 года через Купянск проходил первый рубеж обороны, на котором перед началом сражений на Курской дуге были сосредоточены резервы Юго-Западного фронта РККА. Почтовая карточка, отправлена 24. 05. 42 г. из Сеньково, Купянского р-на, Харьковской области в с. Татарская Каргала, Чкаловской (Оренбургской обл.), доставлена 26. 06. Номер цензора «3». Мастика штампа — чёрная. Штамп интересен несколькими отличиями: под названием города «г. Купянск» стоит не черта дроби, как во всех известных штампах, а многоточие; цифра номера цензора имеет наклон вправо, а не «курсив». ПК оплачена по стандартному иногороднему тарифу — 20 коп. Размер штампа: Герб УССР — 16 мм, высота штампа — 43 мм, ши-

рина — 30 мм. Ранее, эта ПК была в экспонате Сергея Ткаченко. 2. В октябре 1941 года фронт приближался к городу **Сватово** (Ворошиловоградская область). В городе расположились штаб и различные подразделения 57-й и 9-й армий, на полевом аэродроме базировалась 16-я Одесская авиаэскадрилья, позже — отдельная эскадрилья 271-го авиационно-истребительного полка, на базе которого был сформирован 92-й АВП, развернувший свою дислокацию 5-й кавалерийский корпус. В начале 1942 года в городе базировался штаб Юго-западного направления. Поскольку Сватово находилось в зоне прифронтовой полосы, именно здесь было организовано и работали органы цензуры. **9 июля 1942** город был оккупирован немецкими, румынскими и итальянскими войсками. **31 января 1943 года** в ходе Ворошиловградской наступательной операции — освобождён. Приятная находка! О существовании цензурного штампа «г. Сватово» не было известно. Теперь существует новый штамп города! Почтовая карточка, отправлена 12. 06. 42 г. из Сватово в Челябинск, доставлена 26. 06. Номер цензора «43». Мастика штампа — фиолетовая. Хотя бланк бесплатной ПК имеет типографский текст «посылается без марки», она отправлена без сопроводительных пометок (дающих право на льготную доставку) и обратного адреса части. (Сам город вписан с ошибкой, как «Сватов»). В Челябинске наложена Доплата в размере 40 коп. Текст письма — письмо солдата матери, с информацией «перевожусь на новое место» и словам «здоров», «будем бить фашистов». Размер штампа: Герб УССР — 16 мм, высота штампа — 43 мм, ширина — 30 мм. Сегодня, единственная ПК с цензурой «Сватово» находится в экспонате Петра Ковалева. 3. **Старобельск** (Ворошиловоградская область). 21.10.41г. германские войска оккупируют г. Сталино (Донецк), органы цензуры перемещаются в г. Старобельск, который стал временной столицей УССР. **12 июля 1942 года** в рамках наступления 6-й армии Паулюса на Сталинград, город был оккупирован. 23 января 1943 года в ходе ожесточённых боёв Старобельск освобождён и стал первым освобождённым городом Украины! С 27.01 по 5.02.43 г. Старобельск был временной столицей Украинской ССР, где работало правительство и парламент республики. Почтовая карточка, отправленная «около Западного фронта» (адрес отправителя карандашом), проверенная военным цензором №29 в Старобельске и прибывшая в Москву

9.07.42г. — является, на сегодняшний день, единственно известной со штампом «г. Старобельск»! С ПК снята марка, возможно военным цензором, поэтому мы не видим почтового штемпеля. Номер цензора «29». Мастика штампа — фиолетовая. Текст письма — письмо солдата матери, без лишней информации, сводящееся к словам «скучаю» и «люблю». Размер штампа: Герб УССР — 16 мм, высота штампа — 40 мм, ширина — 30 мм. 4. **Ворошиловград (Луганск)**. Почтовая карточка, отправленная 24.06.42г. со станции Кипучая, из штаба ВПФС-67 (находится в черте посёлка Артёмовска, Ворошиловградская область) в Москву, прибывшая 4.07.42г. — является, на сегодняшний день, одной из двух известных, с цензурой «г. Ворошиловград»! Не смотря на возможность бесплатной пересылки, ПК оплачена стандартной маркой 15 коп. «Красноармеец» (Scott №735), не по тарифу «простой иногородней ПК», а с дефицитом 25%. Тем не менее с ПК, по прибытии в Москву, не была взыскана Доплата. Текст письма — письмо офицера отцу, с информацией, что будет проездом и обещанием привезти продукты. Номер цензора «12». Мастика штампа — фиолетовая. Размер штампа: Герб УССР — 17 мм, высота штампа — 43,5 мм, ширина — 32 мм. Ворошиловград был оккупирован **17 июля 1942 г.**, а освобождён **14 февраля 1943г.** в ходе Ворошиловградской наступательной операции. Город был сильно разрушен, но его сразу начали отстраивать; открылись школы, заработали поликлиники и библиотеки. Все, описанные штампы

с названием городов УССР, имеют общие отличия от других подобных штампов цензуры: 1. Герб УССР, а не СССР! 2. Надпись верхнего ряда «ПРОСМОТРЕНО» — написана по-кругу, что не встречается в дизайне других городов.

Ничтожно малое (2 шт. Ворошиловград) и уникальные (Купянск, Сватово и Старобельск — по 1 шт.) количество почтовой корреспонденции из этих городов, говорит о непродолжительной работе в них цензурных органов!

Александр КОЛЕСНИК

РУКОТВОРНЫЕ ЧУДЕСА

Если мысленно положить на одну чашу весов воспоминания детства, а на другую воспоминания всей остальной жизни, сколько б вы не прожили, думаю, что горка первых перетянет в любом случае. Так, по крайней мере, кажется мне. В этом я убедился в очередной раз, побывав в селе Борки. Прекрасным августовским солнечным днём возвращался на машине из дальнего Заречного, где фотографировал интересные места. При въезде в Борки, останавился спросить, где тут находится место «Бельбека». Немного обидно, что это место мне указал только второй повстречавшийся мужчина преклонного возраста, что говорит о незнании родной истории молодёжью. А интересно оно тем, что название его происходит со времён татарского нашествия, когда те, идя воевать на Елец, Орёл или Ливны, в этом месте оставляли свой обоз с жёнами и детьми, а сами налегке скакали на захват наших городов.

Кстати, в Крыму есть речка с таким же названием. Дорога идёт по улочке, ведущей к Борковскому замку, сворачивает влево и машина почти упирается в сетчатые ворота. Выхожу из машины, вижу, у во-

рот стоит мужичок с палочкой. Видимо, инвалид и не по сезону одет. На воротах самодельная табличка с названием улицы и номером дома. Только о Бельбеке тут ничего не сказано. Но меня послали именно сюда. И я уже собирался спросить об этом у этого старичка. Странно, но на моё присутствие мужичок у ворот никак не среагировал — может глуховат? Тьфу, ты! Да, это я слеповат! Стоит не мужичок, а обыкновенное чучело: «сторож» у ворот, в кепчонке, затёртом халатике, топчется на подстеленном пучке травы. Зачем он здесь? Рассматривая фигуру, чуть не расхохотался, да неудобно — возле чужой усадьбы. Перевёл взгляд от «сторожа» — рядом не менее интересное! Прямо на воротах два солнышка, видимо восход и заход с одинаковой улыбкой: как бы, радуйся с утра до вечера. Да ещё тут же — горшок с цветами. Цветам солнышко нужно не меньше.

А только ступил за ворота, как водой окатили детские воспоминания. Жила у нас в деревне странноватая женщина, по имени Таняка, инвалидка по зрению и ещё по чему-то, но необыкновенный и интересный человек. Мы, детишками, заглядывали к ней в гости: у неё для нас хватало разных забав: самодельные ветрячки, свистульки, пугало на огороде, мышеловки — клетки с живыми мышами, и ещё полно всего такого. А уж избушка её из плетёного хвороста, где она обитала летом, которая называлась «холобудка», была расцвечена изнутри всякими плакатами, открытками — просто сказочный дворец и живой праздник для наших ребячьих любопытных глаз!

И вот с таким подобным праздником теперь я встретился в Борках. По усадьбе извивается узкая бетонная тропинка, а по бокам от неё — необычные конструкции: в старых обрезанных канистрах, в расписанных узорами вёдрах и раскрашенных кастрюлях — цветы всяких сортов! Тут тебе и русская печь зазывает пирогов отведать, а уж яблони живые не пожадничают угостить яблочками — август всё-таки. Старые колёса от легковушки превратились с помощью пластиковых полторашек в штурвал корабля — плыви — не хочу! Где-то в уголке сада примостился расписной домик с живой, не чучелом, а настоящей собачкой. Только она, встречая непрошенного гостя, активно крутит хвостом и, наверное, желает не строго погавкать, а поласкаться. Но после неожиданной встречи с таким праздником для глаз и души сам

бы с превеликим удовольствием повилял в ответ, если б он был! Пока прошёл до крылечка домика, что спрятался в уголке сада, глядя на эти рукотворные чудеса, я уже забыл, зачем пришёл сюда. Куда там нашей Таняке — тут вертеть головой надо на 180 градусов, одно интереснее другого. Вышла на крыльцо хозяйка, и я всё-таки вспомнил про Бельбеку.

— Да, здесь, — ответила она уверенно.

— А кто ж всё это добро сотворил? — не удержался я.

— Я, муж помогал, а что?

— Да это ж целый музей народного творчества! А муж-то где?

— Умер, после Афганистана, болезнь... — и грустная улыбка...

— Соболезную... А можно я этого автора сфотографирую...

— Не, я не люблю этого...

Но всё-таки с помощью вышедшего внучка Артёма, уговорил.

— А работа ваша, с чем связана?

— Готовлю обеды в школе.

— И столько у повара фантазии? А зовут вас как?

— Лоторева Татьяна Борисовна. Вот те на, опять Татьяна, как звали и нашу Таняку. Наверное, все Татьяны такие необычные и интересные! Пока стоял возле порога, устеленного коврами и ведущего в дом, любовался картинами на стене веранды, окрашенными стенами домика и сарайчиков разных весёлых цветов, и вертел головой, чтоб не пропустить что-то особенное и удивительное. А вокруг всё было именно такое — на цветных столбика «бутылочные» птички, бабочки, садовая скамейка с колёсами по бокам и рулевым колесом впереди, превращённая в «Мерседес» местного изготовления. А рядом молодая парочка из тех же тряпок и соломы, автобус, наверное, ждут. И куда ни посмотри — цветы, цветы, цветы! Живые и нарисованные. Пусть не Клодом Моне и не Репиным, но от души! Разговор с хозяйкой и весь процесс любования её искусством длился не более получаса, только потом рассуждений и копания в себе хватило на три дня. Почему так бывает: иные хозяева двухэтажных особняков красоту делают за бешеные деньги и чужими руками, кованое, золочёное и часто совершенно безвкусно, а сами траву возле дома не скосят, нанимают других. А тут из ничего, из мусора и собственной фантазии родилась

и живёт, удивляя других, такая красота, хоть на экскурсию народ води. Люди, дорогие мои, учитесь быть интересными и увлечёнными! Как Татьяна из Бельбека!

Расставаясь, пожал внуку хозяйки Артёму руку и попросил его гордиться своей бабушкой. Думаю, он правильно понял меня и мои эмоции — для меня это был праздник встречи с детством.

Евгений ОБУХОВ

ПАСКУА

Всю самостоятельную несемейную жизнь Куклоедов мечтал познакомиться с женщиной. Он слыхал от одного проезжего мужика, трезвого и потому правдивого, что бывают такие. Ну, в смысле — фигуристые и красивые, умеющие настругать ароматный багет к утреннему кофе и поджарить кружочками свежие помидоры. Или даже наоборот. Но главное, желающие близко и без принуждения общаться с ним, с Куклоедовым, и внимать каждому его умному слову, если таковое внезапно прозвучит.

Когда-то у него имелась жена. Хорошая, добротная. О чём в загсе даже гарантийную бумагу с печатью сладили. Но мало ли какие документы в наше время можно безответственно спроворить по соответствующему государственному тарифу!

На самом деле жена, если вдруг почему-то оказывалась не на работе, всё время общалась не с ним, а с тремя телефонами. Один из этих айфонов был для деловых сообщений, другой — для звонков подружкам и косметологам, а третий андроид — для накопления и

разборки всяческой информации от тех самых айфонных начальников, врачей и подружек.

Она цепко, как обезьянка уворованные орехи, держала эти трубки в руках и проворно перебирала их, когда требовалось ответить, позвонить или написать что-то. А требовалось день и ночь. Парк телефонов регулярно обновлялся, потому что Куклоедов находил прежние то в кастрюле с кашей, то на дне застойной воды в горловине унитаза, то в утробе стиральной машины.

Супруга понимала ценность секунд, отданных сексу, поэтому в постель уважительно к ситуации брала только два телефона вместо трёх, а то и вовсе один гаджет, впрочем, трынкающий без перерыва. Этот гад же и зазвонил нахраписто и тревожно как раз в такое интимное мгновение. Начальник начальников истошно доложил супруге Куклоедова, что лишь её опыт и преданность профессии смогут спасти всю фирму целиком от последствий аудита. Она нервно оделась, покружилась по квартире, несколько раз проверив, все ли трубки взяла, и взяла ли их все, и скрылась в туманном утре выходного дня. В первые месяцы Куклоедов ещё пытался позвонить жене на работу, но андроиды лишь фонили, а айфоны друидили, докладывая о всеобщей занятости абонента. Придумав слово «друидили», Куклоедов почему-то обиделся на древних прорицателей-друидов, и бросил затею со звонками. Да и жену тоже.

В одиночестве он гулял по городу и восхищался встреченными, почти что сказочными, дворничихами и раздатчицами рекламы. Потому что длани первых были плотно заняты мётлами, а десницы и шуйцы вторых — пачками цветных листочков. Но не телефонами. Он даже порывался познакомиться с какой-либо из этих чудесных женщин, но не решался. У них у всех поголовно, как назло, при невероятной внутренней красоте изящные безымянные пальцы были обезображены обручальными кольцами.

Полюбил искусство. Листая альбомы, любовался репродукциями. Особенно нравился Рембрандт — его богиня Флора с увитой цветами палкой и Даная, без палки и безо всего. Куклоедов, конечно, подозревал, что над шедеврами поработал искусственный интеллект, убравший все айфоны из рук женщин. Но одобрял такое исправление полотен и радовался этим изображённым неторопливым тёткам, которые не таращились ни в какие экраны и совсем никак не делали карьеру.

Практически по велению души Куклоедов устроился в приёмный пункт устаревших и сломавшихся телефонов. Он радостно и мстительно собирал у населения отслужившие свой срок гаджеты для дальнейшей утилизации. При этом, если приходили умученные жизнью дядьки, он быстро находил с ними общий язык и некоторое время беседовал про нынешних дам. На тему того, что вот раньше те сидели в метро, выставив круглые коленки и листая умные книжки, почти всегда готовые ответить поощрительным взглядом на заинтересованный взгляд. А теперь всей толпой едут, не отрываясь от телефонов, и ни на какие посылаемые флюиды не реагируют. Если же в пункте приёма появлялись сами дамы, Куклоедов втайне надеялся, что какая-то из них окажется той самой женщиной, которая сдаёт телефон, чтобы потом больше никогда не брать подобную штуку в руки. Но они все до единой радостно щебетали, что вот уже купили новую модель, которая лучше и дороже всех предыдущих. И Куклоедов их молча вежливо ненавидел.

Он истово трудился, хватал дополнительные смены, чтобы заработать побольше денег. И уже примеривался к ценам вторички, чтобы, когда подойдёт срок, быстро продать квартиру со всем содержимым, своим и оставшимся от бывшей супруги. А срок уже должен был вот-вот подойти.

Он ведь собрал и подал документы в консульство Чили с просьбой выдать визу на остров Исла-де-Паскуа. Куклоедов не просто так его выбрал. В этой самостоятельной провинции по данным последней переписи имелось в наличии три тысячи восемьсот мужчин и три тысячи девятьсот женщин. То есть, мужчин катастрофически не хватало. А главное, как рассказал ему один профессор, который прожил на острове двенадцать лет и сбежал оттуда сугубо из-за переизбытка женского внимания, там не было мобильной связи! За время ожидания ответа Куклоедов мысленно сроднился с Исла-де— Паскуа. Ведь их герб был схож контурами с родным российским двуглавым орлом, а рисунок флага являл вылитую алую женскую улыбку. Немного смущали разговоры, что на Исла-де-Паскуа не только визу, но и целый вид на жительство мгновенно дают тем, кто привезет андроид или айфон. Но он в эту пугающую и явно почерпнутую из социальных сетей ерунду, конечно же, не верил.

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ

ГРОССМЕЙТЕР И БАЛЕРИНА

Гроссмейстер Южанов всю жизнь смотрел на мир как на чёрно-белую клетку, где ходить по диагонали — это норма, а за мат в три хода дают медаль. Балерина Воздушная видела мир как бесконечное лебединое озеро, где главное — вовремя сделать фуэте и не упасть в оркестровую яму. Они встретились на нейтральной территории — в буфете Центрального дома работников искусств.

— Вы прекрасны, как белая королева на e4, — галантно начал Южанов, пытаясь просчитать её траекторию до тарелки с пирожными.

— Ах, мерси, — прошептала Воздушная, вставая в третью позицию возле стойки с кофе. — А вы так задумчивы. Вы, должно быть, философ?

— Хуже, — вздохнул Южанов. — Я гроссмейстер. Мой мозг — это непрерывный цейтнот. Они начали встречаться. Но совместная жизнь сразу превратилась в сеанс одновременной игры на выживание. Южанов во всём искал дебют, миттельшпиль и эндшпиль. Семейные ссоры он анализировал по системе Фишера, а когда Воздушная просила

его вынести мусор, он подолгу размышлял, не является ли это жертвой качества ради темпа. Воздушная же жила в ритме гранд-батмана. Она не ходила по квартире, она порхала, совершая непредсказуемые прыжки над ковром.

— Дорогая, твой прыжок с дивана на кресло — это явная ошибка, — хмурился Южанов, сверяясь с невидимой доской. — Ты подставила под удар фланг. На d5 у нас стоит торшер, ты могла его зевнуть.

— Это не ошибка, это экспрессия! — возмущалась балерина, закидывая ногу на шкаф для растяжки. — Вы, шахматисты, сухие люди. Вы сидите часами и думаете над одним шагом! А у нас — порыв! Страсть!

Кульминация наступила в субботу. Южанов сидел над партией по переписке, когда Воздушная решила отрепетировать партию Одиллии прямо на кухне. Она закрутила тридцать два фуэте между холодильником и обеденным столом. Южанов заворожённо смотрел на вращение. В его голове зашумели шестерёнки.

«Так... Скорость бешеная. Защита Каракан здесь не поможет. Нужна сицилианская... Нет, это же непрерывный шах! Она атакует по всем вертикалям сразу!»

На тридцать втором обороте Воздушная случайно задела левой ножкой шахматный столик. Фигуры с грохотом полетели на пол. Кони смешались с пешками, а чёрный король закатился под плиту. Южанов побледнел. Он встал, строго посмотрел на тяжело дышащую балерину и объявил:

— Это рокировка в длинную сторону с нарушением правил. Вам засчитано техническое поражение.

— Это был апофеоз любви, глупый ты пешечник! — воскликнула Воздушная и, сделав изящный пируэт, скрылась в спальне, захлопнув дверь. Южанов вздохнул, достал из-под плиты короля, обдул его от пыли и подумал: «Женщина — как партия в закрытом дебюте. Стратегия неясна, пешки взвинчены, а в конце всё равно получишь мат. Но чертовски красиво». С тех пор они жили счастливо. Он учил её ставить мат в уме, а она учила его делать ласточку, не отрывая взгляда от доски.

Серик КУСАИНОВ

ТВОРЧЕСТВА ПРОГРЕСС

В привычной тишине сижу,
Скрывая вздох.
Мой стол, в который я пишу,
Совсем усох.

Не появился ореол
Словесных брызг.
Хотя пишу уже не в стол,
На жесткий диск.

Теперь нет перьев и чернил —
Основ культур.ф
Неровный стук их заменил
Клавиатур.

Не в тему старая тетрадь
На стеллаже.
Мой диск, в который стал писать,
Скрипит уже.

С годами что-то узнаем,
Нащупав брод.
Наверно, в творчестве моем
Прогресс идет.

ДРУЗЬЯ И ЛАЙКИ

С утра гоняю мыслей стайки,
Устав от нудных новостей.
Друзья опять не ставят лайки,
Их удаляю из друзей!

Им, значит, я не интересен,
И доверять таким нельзя.
Чтоб не был мир уныл и пресен,
Должны нас радовать друзья.

Мои сомнения раздуты,
Но лишь сильнее становлюсь.
Ну как, найдется полминуты,
Прочесть и мне поставить плюс?

НЕ РОБОТ

От суеты, тревог и бед
Нам отдых нужен.
На первом месте интернет
В ряду отдушин.

Проблем и в нем не избежать —
Все громче ропот.
Мне надоело подтверждать,
Что я не робот.

Любая чепуха порой
Рождает драмы.
Я настоящий, я живой,
А не программа.

Обиды хочется забыть
И жить без грима.
Хочу мечтать, хочу любить
И быть любимым.

Искать, стремиться, создавать
Не нужен повод,
Но все сложнее доказать,
Что я не робот.

Устал надеяться и ждать,
Накоплен опыт.
Боюсь, устану подтверждать,
Что я не робот.

Гарун АГАЦАРСКИЙ

Кто привык винить ветер, тот никогда не научится ставить парус.

Велик тот, кто оставляет после себя не след, а перемены к лучшему.

Чем больше связей в соцсетях, тем меньше — в социуме.

Когда человек становится лучше, у него и взгляд на людей светлеет.

Парня волнует её прошлое, девушку — его будущее.

Ты можешь не дружить ни с кем, но с головой — обязан.

Сплетня — это слух, пересказанный без любви.

Деньги любят тишину, а совесть — свидетелей.

Тщеславие — это когда чужие аплодисменты громче своей совести.

Маска не только скрывает лицо — она не даёт его потерять.

Порой человек относится к недостаткам людей, как сорока к яйцам: чужие клюёт, свои укрывает.

Сколько жил я будущим — столько я не жил. Сколько жил я настоящим — столько прошлого нажил.

Обретя крылья, гусеница теряет себя, а афоризм — автора.

В большинстве своём деньги не портят людей — они выводят нутро наружу.

Ты не найдёшь себя, пока боишься потерять чужое одобрение.

Не бойся разочаровать тех, кто любит тебя только пока ты удобен.

Иная маска не столько скрывает лицо, сколько не даёт его потерять.

Интернет научил нас быстро находить ответы и медленно понимать вопросы.

Он так старался не повторять ошибок отца, что изобрёл новые.

Литературно-художественное издание

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК»
№ 42, 2026

альманах

Главный редактор *Джангули Гвилава*

Редакционная коллегия:
Ева Меркачева (1-й заместитель главного редактора),
Татьяна Федоткина (заместитель главного редактора),
Жанна Голубицкая, Геннадий Попов,
Алексей Миронов, Лев Новожёнов, Михаил Стародуб

16+

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов

Подписано в печать 15.11.26. Формат 60x90 1/16
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 12,5.
Тираж по требованию.

ISBN 978-5-907919-87-7

9 785907 919877